

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ САГА
О ЖЕСТОКОМ И ПРЕКРАСНОМ ДРЕВНЕМ МИРЕ

ДЖИН М. АУЭЛ

Бестселлер высшего класса... Потрясающая работа воображения.

Daily Express

Джин М. Ауэл сотворила маленькое чудо.

San Francisco Chronicle

ДОЛИНА ЛОШАДЕЙ

Дети Земли

Джин Ауэл

Долина лошадей

«Азбука-Аттикус»

1982

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Ауэл Д. М.

Долина лошадей / Д. М. Ауэл — «Азбука-Аттикус»,
1982 — (Дети Земли)

ISBN 978-5-389-19398-7

Эта захватывающая сага о жестоком и прекрасном Древнем мире принесла ее автору Джин М. Ауэл всемирную известность и стала одним из самых читаемых литературных произведений нашего времени. Книги, входящие в серию «Дети Земли», были изданы многомиллионными тиражами во многих странах мира. Изгнанная из клана Эйла уходит далеко на север в поисках нового пристанища. Во время этого долгого путешествия молодую женщину со всех сторон подстерегают всевозможные опасности. Ей приходится переплывать через широкие бурные реки, она чудом избегает смерти, наткнувшись на прайд пещерных львов. Наконец она находит подходящую пещеру в долине, где пасутся дикие лошади. Ей невыносимо трудно здесь совершенно одной, без людей, в разлуке со своим сыном, которого отнял у нее безжалостный вождь. А впереди ее ждут очередные испытания – встреча с представителями Других. Судьба сводит ее с Джондаларом, который вместе с братом совершал длительное путешествие через всю Европу. Жизнь Эйлы снова круто меняется...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19398-7

© Ауэл Д. М., 1982
© Азбука-Аттикус, 1982

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	65
Глава 6	77
Глава 7	87
Глава 8	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Джин Ауэл

Долина лошадей

Jean M. Auel
The Valley of Horses

© 1982 by Jean M. Auel

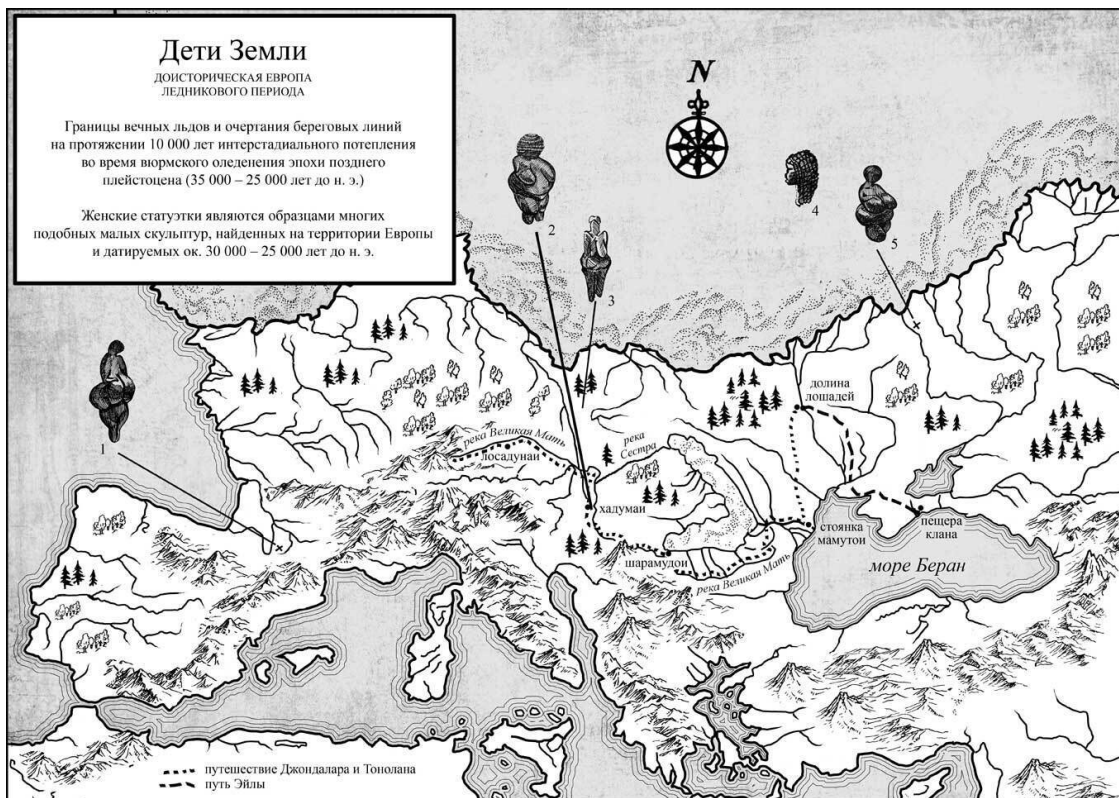
© О. А. Воейкова, А. А. Чех, перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Карен, читающей мои книги в рукописи, и Эшеру – с любовью

1. Венера из Лепюга. Бивень мамонта (отреставрирована). Высота 14,7 см. Найдена в Лепюге, Верхняя Гаронна, Франция. Музей человека, Париж.

2. Венера Виллендорфская. Известняк со следами красной охры. Высота 11 см. Найдена близ городка Виллендорф, Вахау, Нижняя Австрия. Музей истории естественных наук, Вена.

3. Венера Вестоницкая. Обожженная глина (с костью). Высота 11,4 см. Найдена в пещере Дольни Вестонице, Микулов, Моравия, Чехия. Музей Моравской земли, Брно.

4. Венера Брасемпуйская. Слоновая кость (фрагмент). Высота 3,2 см. Найдена в селении Брасемпуй, Франция. Музей национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Ле.

5. Женская фигурка. Бивень мамонта. Высота 5,8 см. Найдена у села Гагарино, Липецкая область, Россия. Этнографический музей, Санкт-Петербург.

Глава 1

Она была мертва. В нее впивались ледяные иглы замерзающего дождя – но какое это теперь имело значение? Щурясь от ветра, молодая женщина плотнее натянула на себя капюшон, сделанный из шкуры росوماхи. Неистовые порывы ветра грозили повалить ее наземь, накидка из медвежьей шкуры больно хлестала по ногам.

Куда же подевались деревья? Ведь совсем недавно ей казалось, что она видит на горизонте чахлую растительность. Почему она такая невнимательная и почему у нее не такая память, как у остальных членов клана? Она все еще причисляла себя к клану, хотя на деле не имела к нему никакого отношения, а теперь вдобавок ко всему была мертва.

Пригнув голову, она пошла навстречу ветру. Обрушившаяся с севера буря налетела на нее совершенно внезапно; об убежище не приходилось и мечтать. Пещера осталась далеко позади, в этих землях молодая женщина была впервые. С тех пор как она покинула пещеру, луна успела пройти через все фазы своего цикла, однако женщина все еще не могла понять, куда именно она направляется.

На север, к большой земле, лежащей за полуостровом, – вот все, что она знала. В ту ночь, когда умирала Иза, она сказала ей: «Уходи. Бруд станет вождем, и тогда он сделает тебе больно». Иза не ошиблась. Бруд сделал ей больно – так больно ей не было еще никогда.

«Он не имел права забирать у меня Дарка, – думала Эйла. – Дарк – мой сын. И меня проклинать он тоже не имел права. Это он прогневал духов. И землетрясение он накликать». По крайней мере, на сей раз она знала, чего ей следует ожидать. Все произошло так быстро... Членам клана было невдомек, что они больше никогда не увидят ее. И все-таки они не могли остановить Дарка. Пусть она была мертва для них, но Дарк ее видел...

Бруд проклял ее в припадке гнева. Когда ее проклял Бран, он подготовил их к этому. У него были на то причины. Они знали, что Бран обязан это сделать, и тем самым он давал ей какой-то шанс.

Она подняла голову и щурясь посмотрела вперед. На землю опускались сумерки. Скоро станет темно, а ноги-то у нее совсем занемели... Холодная жижа пропитала насквозь кожаные чулки; хотя женщина и натолкала в них сухой травы, ступни ее совершенно заledenели. И тут она с облегчением увидела впереди искривленную карликовую сосну.

Деревья в степи встречаются крайне редко, они растут только там, где есть хоть какая-то влага. Двойной ряд осин, березок или ив, низкорослых и асимметричных из-за постоянных ветров, обычно говорит о том, что меж ними течет какая-то речушка. В засушливое время вид деревьев не может не радовать глаз, ведь грунтовые воды на этих землях большая редкость. Когда же с севера, со стороны огромного ледника, начинают дуть злые ветры, деревья эти могут служить хоть каким-то укрытием от непогоды.

Эйла прошла еще немного и оказалась на берегу реки. Вся река, кроме центральной ее части, была скована льдом. Женщина повернула на запад вниз по течению, где заросли были погуще и повыше.

Она сделала еще несколько шагов, сгибаясь под свирепыми порывами ветра, и тут неожиданно все разом стихло. Крутой противоположный берег служил естественной защитой от северных ветров. Эйла побрела к нему через ледяную воду. Главное, что под бережком не было этого страшного ветра. Вскоре она обнаружила что-то вроде ниши с крышей из сухого дерна и корней многолетних трав и кустарников.

Эйла развязала отсыревшие ремни, удерживавшие на спине корзину, и опустила ее наземь. Она достала тяжелую шкуру зубра и оструганную палку и поставила палатку, зацепив конец шкуры за воткнутую в землю палку и привалив ее свободные края камнями и плавником.

Эйла зубами ослабила ремни рукавов – собранные на запястьях округлые куски меха, в которых были сделаны прорезы. При необходимости Эйла могла просунуть в эти прорезы кисти рук. Кожаные чулки выглядели примерно так же, но в них прорезей уже не было. Эйла стала биться над ремнями, обвязанными вокруг ее лодыжек. Обувь она снимала крайне осторожно, боясь растерять находившуюся внутри чулок сухую осоку.

После этого она разложила в палатке медвежью шкуру, положив ее мокрой стороной вниз, бросила сверху рукава и кожаные чулки и стала ногами вперед забираться в свое убежище. Прикрыв вход корзиной, она завернулась в шкуру, хорошенько растерла свои занемевшие ноги и, когда те отогрелись, свернулась в клубок и закрыла глаза.

Холодное дыхание зимы постепенно слабело. Зима уступала свое место весне, капризной и непостоянной. То веяло стужей с ледника, то начиналась оттепель, предвещавшая жаркое лето. Ночью погода резко изменилась, и тогда буря разыгралась с новой силой.

Когда Эйла проснулась, солнце уже стояло высоко в ясном синем небе. Снег и речной лед сверкали так, что резало в глазах. Далеко на юге виднелись клочковатые облака. Эйла выбралась из своей палатки и босиком направилась к воде, сжимая в руках кожаный мешок. Не обращая ни малейшего внимания на холод, она спокойно наполнила водой обшитый кожей пузырь, сделала несколько глотков студеной воды и побежала назад. Облегчившись прямо на берегу, она вновь влезла в свою палатку, чтобы хоть немного согреться.

В палатке она лежала недолго. Ей слишком хотелось наружу, тем более что буря уже утихла и с неба вновь светило ласковое солнце. Она надела на ноги высохшие от тепла ее тела чулки и подвязала медвежью шкуру к меховой накидке, которой она укрывалась. Достав из корзины кусок вяленого мяса, Эйла уложила палатку и меховые рукава и отправилась в путь, утоляя голод на ходу.

Река особенно не петляла и текла под горку, отчего идти было особенно легко. Эйла принялась мычать себе под нос что-то невразумительное и монотонное. На кустиках, росших по берегам реки, уже проглядывала первая робкая зелень. На одной из проталин она неожиданно увидела маленький цветочек и не смогла сдержать своей улыбки. Совсем рядом в реку бухнулась подтаявшая ледяная глыба, которую тут же подхватило стремительное течение.

Весна началась еще в ту пору, когда она покинула пещеру, но там, в южной части полуострова, было куда теплее и весна начиналась много раньше. Горный кряж служил преградой свирепым ледяным ветрам, а морской бриз согревал и увлажнял узкую полосу побережья и южные склоны высившихся над ним гор, делая климат умеренным.

В степях было куда холоднее. Эйла обогнула восточную оконечность кряжа и оказалась на открытой всем ветрам равнине. Ее продвижение на север сопровождалось постепенным потеплением, однако ей, привыкшей к мягкому климату побережья, казалось, что в этих краях все еще стоит зима.

Ее внимание привлек хриплый крик чаек. Она подняла глаза к небу и увидела несколько небольших, похожих на чаек птиц, невесомо паривших на своих неподвижных широких крыльях. «Должно быть, где-то поблизости море», – подумала она. В эту пору птицы начинали гнездиться, и это означало, что она могла разжиться яйцами. Эйла ускорила шаг. На скалах должны были находиться колонии мидий, разинок и прочих съедобных моллюсков, а в лужицах, оставшихся после прилива, могли встретиться актинии.

К тому времени, когда она оказалась на берегу тихого залива, образованного южным берегом материка и северо-западной оконечностью полуострова, солнце стояло уже в зените. Она наконец достигла широкой горловины, соединявшей основную часть полуострова с материком.

Эйла сбросила с себя тяжелую корзину и полезла на скальный массив, высившийся над морем. Со стороны моря скалы были подточены и изъедены волнами и ветром. В воздух

взмыли стаи чистиков и крачек, оглашавших округу яростным недовольным криком. Не обращая на птиц никакого внимания, Эйла принялась собирать их яйца. Несколько яиц, что были еще теплыми, она разбила и выпила на месте, еще несколько штук положила в особую складку своей меховой накидки, после чего стала спускаться вниз.

Она разулась и вошла в воду, чтобы смыть песок с мидий, собранных на прибрежных камнях. В лужицах, оставшихся после прилива, было множество похожих на цветы морских анемонов, пытавшихся сложить свои лепестки-реснички при ее приближении. Однако форма и цвет их были незнакомы Эйле. Она заметила на донном песке несколько едва приметных лунок и, вырыв из песка пару разинок, решила ограничиться ими. Она не стала готовить их на огне – моллюски больше нравились ей сырыми.

Насытившись яйцами и дарами моря, молодая женщина какое-то время отдыхала у подножия высокой скалы, после чего вновь забралась наверх, чтобы получше осмотреть очертания залива и другой берег. Она уселась на корточки на самой вершине и стала разглядывать открывшиеся ей дали. Ветер, овевавший ее лицо, пах морем и его богатой многообразной жизнью.

Южный берег материка плавно уходил на запад. За узкой полоской деревьев она видела бескрайние степные просторы, ничем не отличавшиеся от холодных пустынных равнин полуострова. Людей на этих землях, похоже, не было – во всяком случае, никаких следов их жизнедеятельности Эйла не заметила.

«Вот он, материк... – подумала она. – Иза, куда же мне теперь идти? Ты говорила, что на материке живут Другие, но я не вижу здесь ни души...» Оглядывая безрадостные пустынные земли, Эйла мысленно вернулась к той ужасной ночи, когда умерла Иза. С той поры прошло уже три года.

– Эйла, ты не из клана. Ты рождена Другими, и поэтому жить тебе следует с ними. Оставь это место, детка, и найди своих соплеменников.

– Оставить? Но куда же я пойду, Иза? Я не знаю Других, я не знаю и того, где их нужно искать.

– На севере, Эйла. Ступай на север. На материке, который находится за этим полуостровом, их много... Тебе нельзя здесь оставаться. Бруд обязательно обидит тебя, вот увидишь... Найди своих, детка... Свое племя, своего мужчину...

Тогда она не ушла от них – просто не могла это сделать. Теперь же у нее не было иного выхода. Ей не оставалось ничего иного, как только найти Других. Она уже никогда не вернется назад и не увидит своего сына.

По щекам Эйлы покатались слезы. Она плакала впервые. После того как она покинула пещеру, ее жизнь постоянно подвергалась опасности и Эйле было, что называется, не до слез. Теперь же они текли ручьем.

– Дарк, деточка моя... – всхлипывала Эйла, пряча лицо в руках. – Почему Бруд забрал тебя?

Она оплакивала сына и оставленный ею клан, Изу, единственную мать, о которой она хоть что-то помнила, и себя – такую маленькую и такую беззащитную – перед лицом этого бескрайнего и неведомого мира. Креба, любившего ее так же сильно, как самого себя, она не вспоминала – слишком свежей и болезненной была эта рана.

Далеко внизу шумело и ярилось море. Огромные валы, увенчанные пенистыми гребешками, раз за разом набрасывались на темные скалы и, злобно шипя, отступали обратно.

Прыгнуть вниз и разом покончить со всеми печальями...

– Нет! – Она затрясла головой и, поднявшись на ноги, отступила от края скалы. – Он мог забрать моего сына, выгнать меня, наложить на меня проклятие, сделать все, что угодно, но только не заставить меня покончить с собой!

Она почувствовала солоноватый вкус своих слез и криво улыбнулась. Как расстраивали ее слезы Изу и Креба. Люди из клана не умели плакать, даже маленький Дарк, ее сыночек. Он унаследовал от нее многое и умел произносить такие же звуки, как и она, но его большие карие глаза явно говорили о принадлежности к клану.

Эйла быстро спустилась вниз и вновь закинула корзину на спину, размышляя о том, что могло произойти с ее глазами. Одно из двух: либо они у нее больны, либо у всех Других из глаз иногда сочится соленая вода. И вновь в ее сознании вспыхнуло: «Найди своих, детка... Свое племя, своего мужчину».

Молодая женщина пошла на запад, стараясь держаться поближе к берегу. Дорогу ей то и дело преграждали ручьи и речушки, спешившие слиться с внутренним морем. Наконец она оказалась на берегу довольно широкой и полноводной реки. Ей не оставалось ничего другого, как только повернуть на север и пойти вверх по течению этого бурного потока, подыскивая место для переправы. Прибрежные сосны и лиственницы, казавшиеся Эйле, привыкшей к кри-вым карликовым деревьям, настоящими гигантами, вскоре остались позади. Она вновь вступила в зону степей, и теперь по берегам реки росли главным образом ивы, березки и осины, хотя кое-где попадались и хвойные деревья.

Она шла все дальше и дальше, покорно огибая речные излучины; тревога ее с каждым днем становилась все сильнее и сильнее. Теперь она уже шла не на запад, а примерно на северо-восток. На восток ей идти не хотелось. В той части материка обитали какие-то неведомые ей племена.

Отправляясь на север, она думала именно о западных землях. Чего ей не хотелось, так это встречаться с иноплеменниками, тем более что на ней лежало смертельное проклятие! В любом случае ей нужно было как-то переправиться через реку.

В одном месте река становилась заметно шире и разветвлялась на два рукава, разделенных небольшим, усыпанным галькой островком, по берегам которого росли чахлые кусты. Эйла решила рискнуть. В дальней протоке из воды выглядывало несколько крупных валунов, что говорило о небольшой ее глубине. Эйла надеялась переправиться через нее вброд. Она прекрасно плавала, однако не хотела мочить свои шкуры. Ночи все еще были холодными, шкуры же сохли долго.

Она стала ходить взад-вперед, глядя на стремнину. Выбрав место, которое казалось самым мелким, она разделась, уложила весь свой скарб в корзину и, стараясь держать ее повыше, вошла в воду. Камни были очень скользкими, а течение грозило в любую минуту сбить ее с ног. На середине первой протоки вода доходила ей до пояса, однако Эйле удалось благополучно добраться до островка. Второй рукав был пошире и, судя по всему, глубже, но поворачивать назад, пройдя половину пути, Эйле, естественно, не хотелось.

После того как середина протоки осталась позади, дно резко пошло вниз. Эйла шла на цыпочках, удерживая корзину на голове, вода сначала доходила ей до груди, затем до шеи... Неожиданно дно ушло у нее из-под ног, и она с головой погрузилась в воду, продолжая придерживать рукой корзину. Ее подхватило течение, но уже в следующую минуту она коснулась ногами камней и тут же выбралась на дальний берег.

Река осталась позади, и Эйла вновь оказалась среди бескрайних степей. Солнечные дни теперь случались куда чаще дождливых – тепло, шедшее с юга, наконец-таки обогнало страну. Почки деревьев и кустарников обратились в листву; на концах веточек хвойных деревьев появились нежные светло-зеленые иголки, Эйла то и дело срывала их и жевала – ей нравился резкий горьковато-кислый вкус молодой хвои.

Она шла не останавливаясь весь день и к вечеру добрела до ручья, возле которого решила остановиться на ночлег. Проблем с водой у нее пока не было. Весенние дожди и потоки талой

воды, что бежали откуда-то с севера, сливались в ручьи и реки, струившие свои мутные воды по вымоинам и распадкам, которые в скором времени должны были превратиться в сухие безжизненные лощины или в лучшем случае в жалкие, то и дело пересыхающие речушки. Обилие влаги в этих краях – явление преходящее и весьма кратковременное. Влага эта стремительно уйдет в землю, но сначала степь – хоть и ненадолго – расцветет и наполнится жизнью.

Едва ли не за одну ночь свежая яркая зелень молодых трав украсилась цветами – белыми, желтыми, багряными, несколько реже – ярко-голубыми и алыми. Вид цветущей степи чаровал и радовал Эйлу – весна всегда была ее самым любимым временем года.

Степные просторы наполнились жизнью. Теперь она могла не экономить прихваченные в дорогу скудные припасы – найти пропитание не составляло труда, причем на поиски пищи у нее уходило совсем немного времени. Каждая женщина клана умела собирать на ходу съедобные травы, цветы, почки и ягоды. Отыскав ветку покрепче, Эйла очистила ее от веточек и листочков и, заточив более толстый конец кремневым ножом, стала использовать ее для выкапывания кореньев и луковиц. Собирать их было легко – одной много ли надо.

Помимо прочего, Эйла умела делать и то, на что другие женщины клана были не способны. Она умела охотиться. Ни один мужчина клана не владел пращей так искусно, как Эйла, – это признавали все. Она научилась этому сама и дорого заплатила за это умение.

Цветущие растения и пышно разросшиеся травы выманили из зимних нор сусликов, гигантских хомяков, больших тушканчиков, кроликов и зайцев. Эйла достала пращу из корзины и подоткнула ее под ремень, которым была подвязана меховая накидка. Она продолжала носить на том же поясе и свою палку-копалку, сумка же с амулетами висела на пояске, перехватывавшем на талии ее нижнюю накидку.

Эйла не знала проблем ни с едой, ни с дровами. Она умела добывать огонь, а веточки и маленькие деревца можно было найти по берегам многочисленных, пробужденных весенним паводком речек; кое-где попадался и бурелом. Эйла собирала в корзину и ветки, и сухой навоз, однако костер ей удавалось развести далеко не всегда – то не хватало дров, то они оказывались чересчур сырыми, то Эйла чувствовала себя слишком усталой для того, чтобы заниматься столь непростым делом.

Она не любила спать на открытых местах, если рядом с ней не горел костер. На бескрайних лугах паслось великое множество крупных травоядных животных, и это не могло не привлечь сюда самых разных четвероногих охотников. Последние старались держаться подальше от огня. В клане было принято носить с собой тлеющие уголья – это было почетной обязанностью одного из мужчин. На каждой новой стоянке разводился новый костер, причем развести его не составляло никакого труда – для этого было достаточно раздуть уголья. Прошло немало времени, прежде чем Эйла решила обзавестись орудиями для добывания огня. Сделав это, она поразилась тому, что столь простая мысль не пришла ей в голову раньше.

Впрочем, в тех случаях, когда трут или дерево оказывалось сырым, ей не могла помочь и палочка для добывания огня. Эйла вздохнула с облегчением только после того, как наткнулась на костяк зубра.

Луна прошла еще через один цикл, и сырая, прохладная весна сменилась ранним летом. Эйла продолжала свой путь по широкой прибрежной равнине, плавно спускавшейся к внутреннему морю. Из-за сезонных паводков с их илом и наносами вытянутые устья рек часто перекрывались песчаными отмелями и косами, здесь было множество заводей и лагун.

Эйла выбрала для ночной стоянки место посуше, а утром остановилась возле небольшого озера. Вода в нем казалась застоявшейся и непригодной для питья, но кожаный мешок Эйлы был уже почти пуст. Она зачерпнула в ладонь воды из озера, сделала глоток, но тут же с отвращением выплюнула и принялась ополаскивать рот водой из своего мешка.

«Неужели зубры могут пить эту воду?» – поразилась Эйла, заметив неподалеку выбеленные солнцем и ветром кости и череп зубра с длинными конусообразными рогами. Она поспе-

шила отойти от застойного озерца, от которого веяло погибелью, но увиденное не выходило из головы. Белый череп и длинные рога – изогнутые полые рога...

Днем Эйла остановилась на берегу реки, решив развести костер и изжарить убитого ею кролика. Солнце припекало все сильнее. Она сидела на корточках, вращая между ладонями палочку, поставленную на сухую плоскую деревяшку. Ах, если бы где-то поблизости был Грод со своими угольями...

Она вскочила на ноги, бросила палочку, деревяшку и тушку кролика в корзину и поспешила назад, к озерцу, виденному ею этим утром. Оказавшись на берегу, она стала рассматривать череп зубра. Грод носил тлеющие угольки в полых рогах зубра, предварительно завернув их в сухой мох или лишайник. Значит, то же самое теперь могла сделать и она.

Она принялась дергать за рога и тут же почувствовала что-то вроде угрызений совести. Женщины клана никогда не носили огонь – им это было запрещено. «Но тогда кто будет носить его для меня?» – подумала Эйла и тут же, собравшись с силами, выломала рог. После этого она спешно покинула берег озера, словно боясь, что кто-то незримый уличит ее в запретном поступке. Сейчас само ее выживание зависело от того, сможет ли она приспособиться к образу жизни, чуждому ее собственной природе. Нужно было забыть все то, чему ее учили с детства, и положиться единственно на собственную сообразительность. Рог зубра являлся только началом этого пути, который мог оказаться бесконечно долгим и мучительным.

Впрочем, сохранение огня оказалось не таким простым делом, как она думала прежде. Утро началось с поисков сухого мха, в который следовало завернуть угольки. Однако мох, который в изобилии встречался в лесистых окрестностях пещеры, на открытой всем ветрам равнине отсутствовал напрочь. Она попыталась заменить его сухой прошлогодней травой. К ее крайнему расстройству, к тому времени, когда она решила остановиться на ночлег, уголек уже успел потухнуть. Тем не менее она не оставила попыток и вскоре научилась сберегать тлеющие уголья так, что они сохраняли свой жар до очередного привала. Умение это пришло к ней далеко не сразу, но теперь на ее поясе, помимо прочего, висел и рог зубра.

Все ручьи и реки, встречавшиеся на пути, Эйла переходила вброд. Когда же она оказалась на берегу по-настоящему широкой и большой реки, то поняла, что нужно искать какой-то иной способ переправы. Несколько дней она шла вверх по течению. Река стала забирать на северо-восток, при этом оставаясь такой же широкой, как и в низовье.

Эйла справедливо полагала, что она уже вышла за пределы той территории, на которой могли охотиться мужчины из клана, однако ей страшно не хотелось идти на восток. Понятия «восток» и «клан» означали для нее одно и то же. Она не могла вернуться, не хотела даже двигаться в этом направлении. Вместе с тем оставаться на этом пустынном берегу было невозможно, следовало каким-то образом переправиться на другую сторону реки.

Она полагала, что ей удастся это сделать, – что-то, а уж плавать-то она умела хорошо. Проблема была не в ней самой, а в ее корзине со скарбом.

Она сидела возле небольшого костра, разведенного ею возле ствола поваленного дерева, голые ветви которого колыхались в воде. Полуденное солнце поблескивало на волнах и бурунах могучей быстрой реки. Время от времени мимо Эйлы проплывали коряги и всевозможный сор. Ей вспомнился поток, бежавший неподалеку от пещеры; там, где он впадал во внутреннее море, люди из клана ловили лосося и осетра. Она очень любила плавать в этом месте, хотя это чрезвычайно страшило Изу. Эйла не помнила, когда именно она научилась плавать, ей казалось, что она умела делать это всегда.

«Интересно, почему все остальные не любят купаться и плавать? – размышляла она. – Они считали меня странной, ведь я любила заплывать так далеко... Это продолжалось до тех пор, пока Оуна едва не захлебнулась...»

Эйла вспомнила о том, как они благодарили ее за спасение ребенка. Бран даже помог ей выбраться на берег. Как хорошо стало тогда у нее на душе, – казалось, ее наконец приняли, признали за свою. А ведь она так не походила на них. Длинные стройные ноги, слишком длинное и слишком сухощавое тело, светлые волосы, голубые глаза, высокий лоб – все это теперь не имело никакого значения. После того случая некоторые члены племени стали учиться плавать, но они все равно очень плохо держались на воде и поэтому страшно боялись глубины.

«Интересно, научится ли плавать Дарк? Он никогда не был таким тяжеловесным, как их дети, и мышц таких у него отродясь не было... Наверное, он будет плавать лучше прочих...»

Но кто же его научит плавать? Меня там уже нет, Уба этого не умеет... Конечно, она позаботится о нем, ведь Уба любит его почти так же сильно, как я сама, но она совсем не умеет плавать. И Бран этого не умеет. Зато Бран научит Дарка охотиться и будет защищать его. Он не даст моего сыночка в обиду Бруду – он мне это обещал, хоть он больше меня не увидит. Бран был хорошим вождем, не то что Бруд...

Неужели Дарк стал расти во мне именно после Бруда? – Эйла внутренне содрогнулась, вспомнив о том, как Бруд овладел ею. – Иза говорила, что мужчины делают это с теми женщинами, которые им нравятся, Бруд же наверняка сделал это только потому, что знал, как я это ненавижу. Говорят, что на самом деле детей делают духи тотема. Но ни у одного из мужчин не было такого же сильного тотема, как мой Пещерный Лев. У меня не было детей до тех самых пор, пока мной не овладел Бруд. Как все тогда удивлялись... Все уже думали, что у меня никогда не будет ребенка...

Как бы мне хотелось увидеть его взрослым... Он уже и сейчас считается слишком высоким для своего возраста – прямо как я... Нисколько не сомневаюсь в том, что он станет самым высоким мужчиной во всем племени...

Хотя кто знает... Я-то его уже никогда не увижу...»

Эйла постаралась отогнать от себя грустные мысли и смахнула со щеки слезинку. Поднявшись на ноги, она подошла к самой кромке воды. «Нечего расстраиваться понапрасну... Можно подумать, если я буду вспоминать о Дарке, то окажусь на том берегу!»

Она была настолько занята своими мыслями, что не заметила раздвоенного бревна, подпльвшего к самому берегу. Она смотрела на погруженные в воду ветви упавшего дерева, меж которыми билось большое темное бревно, пытавшееся выпутаться из их плена и продолжить свое плавание. Смотрела и не видела. Когда же наконец Эйла заметила бревно, она разом оценила возможности, которые оно ей сулило.

Она вышла на мелководье и вытащила тяжелую корягу на берег. Это была верхняя часть ствола большого дерева, сломанного совсем недавно сильным паводком в верховьях реки, – древесина даже не успела особенно отсыреть. Эйла достала из складки своей накидки каменный топор и подрубила ветви так, что длина их стала примерно равной, затем стала очищать их от веточек и сучков.

Покончив с этой работой, она огляделась по сторонам и уверенным шагом направилась к березовой рощице, сплошь обвитой пышно разросшимся ломоносом. Она потащила один из его вьющихся побегов на себя и вытянула неожиданно длинную и прочную плеть, после чего вернулась назад, обрывая с нее листья. Эйла разложила на земле шкуру зубра и высыпала на нее содержимое корзины. Пришло время навести порядок и уложить вещи по-новому.

Эйла положила свои меховые чулки и рукава на самое дно корзины вместе с теплой меховой накидкой – они могли понадобиться ей только следующей зимой. На ней осталась легкая летняя накидка, служившая до сего времени поддевкой. Эйла на миг задумалась, силясь представить себе, где она может оказаться следующей зимой, но тут же решила не ломать голову понапрасну. Увидев среди прочих вещей хорошо выделанную мягкую шкуру, которой она подвязывала к своему боку маленького Дарка, она вновь впала в задумчивость.

Шкура эта ей была уже не нужна – она могла обойтись и без нее. Эйла взяла ее с собой только потому, что она касалась его тельца... Эйла поднесла ее к щеке и, аккуратно свернув, спрятала в корзину. Сверху она положила полоски мягкой, впитывающей влагу кожи, которыми она пользовалась во время кровотечений. Далее следовала запасная пара кожаных чулок. Сейчас она ходила босиком, но в сырую, холодную погоду натягивала на ноги эту быстро снашивающуюся обувь. Как хорошо, что она взяла с собой запасную пару...

Дальше следовала еда. У нее остался большой кусок кленового сахара, завернутый в бересту. Эйла развернула тонкую эластичную кору и, отломив маленький кусочек, положила его себе в рот, с сожалением подумав о том, что сахар скоро кончится и она уже никогда не сможет им полакомиться.

Помимо прочего, у нее оставалось несколько кусков дорожной снеди, которую берут с собой мужчины, отправляясь на охоту. Она делается из топленого жира, перетертого вяленого мяса и сушеных фруктов. При мысли о жирной пище у нее потекли слюнки. Зверьки, которых ей случалось добыть, как правило, были тощими и жилистыми. Если бы не собираемая ею растительная пища, она быстро оголодала бы на этой белковой диете. Без жиров и углеводов обойтись невозможно.

Она засунула дорожные лепешки в корзину, не отломив ни кусочка, – их следовало сохранить на крайний случай. За лепешками последовали несколько полосок вяленого мяса, жесткого, словно кожа, но очень питательного, немного сушеных яблок, лесные орехи, несколько мешочков с зерном, собранным в степи неподалеку от пещеры. Загнивший корень она не раздумывая отбросила в сторону. Поверх еды она положила чашку и миску, шкуру росوماхи и изрядно поношенные кожаные чулки.

Она отвязала мешочек с амулетом от поясного ремня и попыталась прощупать через мягкую непромокаемую шкурку выдры твердую кость лап и хвоста. Ремешок, которым стягивался и завязывался мешочек, был продет в специальные дырочки. Сверху на мешочек надевалась крышка в форме сплюсненной головы, которая крепилась к его горловине. И сам мешочек, и крышку сделала Иза. Когда Иза стала целительницей, она передала это в наследство Эйле.

Давненько Эйла не вспоминала о самом первом мешочке, сделанном для нее Изой, – Креб сжег его, когда Эйлу прокляли за то, что она охотилась. Бран не мог поступить иначе. Женщинам запрещалось прикасаться к оружию, а Эйла пользовалась своей пращой несколько лет. И все-таки он дал ей шанс на возвращение... Для этого ей достаточно было выжить.

«Может, он дал мне больше, чем хотел... Я вряд ли смогла бы выжить и на сей раз, если бы не знала, что смертельное проклятие заставляет человека искать смерти. В первый раз было куда труднее, правда сейчас мне пришлось оставить Дарка... Когда Креб сжег все мои вещи, мне хотелось умереть».

Она не могла спокойно думать о Кребе – боль была слишком сильной, рана слишком свежей. Она любила старого шамана так же, как любила Изу. Он доводился Изе и Брану братом. У него не было одного глаза и руки, и потому он никогда не ходил на охоту, но ни в одном из родов не было человека, который мог бы сравниться с ним внутренней силой. Его изуродованное, изрезанное глубокими морщинами лицо могло вселить ужас в сердце любого охотника, но Эйле была ведома и иная, тонкая и чувствительная сторона его натуры.

Он защищал ее, любил как собственную дочь, тем более что своих детей у него не было. За эти три года она успела привыкнуть к тому, что Изы уже нет в живых. Эйла по-прежнему печалилась о ней, но сердце согревала мысль о том, что у нее есть Дарк. О Кребе она никогда не вспоминала. И тут боль, которую она таила внутри с тех самых пор, как он погиб во время землетрясения, вырвалась наружу. Эйла зарыдала, повторяя его имя:

– Креб... О Креб... Зачем только ты вернулся в пещеру? Как ты мог умереть?

Она рыдала, прижав к лицу мешочек, сделанный из непромокаемой шкурки выдры. Откуда-то из глубины ее тела вырвался жалобный вой. Она раскачивалась из стороны в сто-

рону и тоненько выла, изливая боль, тоску, отчаяние. Рядом с ней не было ни единого сородича, который мог бы разделить ее страдания. Она скорбела и печалилась одна, и от этого ей становилось еще более одиноко.

Вскоре ее причитания стали стихать. Она чувствовала себя совершенно обессиленной, однако ужасная боль заметно ослабла. Тяжело вздохнув, Эйла направилась к реке и омыла лицо холодной водой. После этого она вернулась к корзине и положила в нее мешочек с талисманом. Проверять его содержимое Эйла не собиралась – она прекрасно знала, что находится внутри.

Она взяла было в руку палку-копалку, но тут же отбросила ее в сторону. Печаль сменилась гневом. Бруд не сумеет погубить ее!

Эйла вновь глубоко вздохнула и заставила себя вернуться к укладке корзины. Она положила в нее орудия для добывания огня и рог зубра, после чего достала из складки накидки несколько кремневых орудий. Из другой складки она выудила круглый гольш, подбросила его в воздух и ловко поймала той же рукой. С помощью пращи можно было метнуть любой камень нужного размера, но самые точные броски выходили в тех случаях, когда снаряд был гладким и круглым. Именно по этой причине она и таскала с собой такие камни.

Наконец она потянулась к своей праще, полоске оленьей кожи с выпуклой центральной частью, куда вкладывался камень, и сужающимися к краям концами, перекрученными от частого пользования пращой. С этим орудием она не рассталась бы ни за что на свете. Эйла развязала длинный кожаный ремешок, подпоясывающий ее тонкую мягкую накидку, сделанную из шкуры серны, где в укромных местах тоже хранилось немало нужных вещей. Накидка соскользнула с ее плеч и упала наземь. Теперь на Эйле не было ничего, лишь мешочек с амулетом висел на шнурке, надетом на ее шею. Она сняла и его и тут же боязливо поежилась – без амулета она чувствовала себя совершенно беззащитной. Амулет, лежавший в мешочке, придавал ей сил и наполнял душу уверенностью и покоем.

Этим и ограничивалось ее имущество. Этих предметов было достаточно для того, чтобы она могла выжить. Разумеется, нужно было обладать знанием, навыками, опытом, сообразительностью, решимостью и смелостью.

Она бросила амулет, пращу и орудия в мягкую накидку и, свернув ее, положила в корзину, после чего накрыла медвежьей шкурой и обвязала длинным ремнем. Затем она обернула этот узел шкурой зубра и привязала его плетью ломоноса к коряге, поместив корзину возле развилины.

Какое-то время она смотрела на реку, на дальний ее берег, думая о своем тотеме, затем засыпала костер песком и столкнула бревно со своими драгоценными пожитками в воду, оставив поваленное дерево выше по течению. Эйла заняла место возле раздвоенного конца коряги, держась руками за обрубки ветвей, и с силой оттолкнула ее от берега.

Ледяная талая вода обожгла ее нагое тело так, что дыхание стало заходиться от холода. Эйла немо разевала рот, пытаясь вдохнуть воздух полной грудью, но ей это никак не удавалось. Мощное течение повлекло корягу к морю, бросая ее меж бурунов. Бревно не переворачивалось только потому, что имело широкую развилину. Эйла изо всех сил работала ногами, пытаясь совладать с бурным течением.

Она продвигалась вперед до обидного медленно. Эйла то и дело поднимала голову и с надеждой устремляла свой взор к дальнему берегу, однако тот каждый раз оказывался куда дальше, чем она полагала. Она плыла вниз по течению. К тому времени, когда река пронесла ее мимо того места, в котором Эйла надеялась завершить свою переправу, она уже совершенно выбилась из сил, начинало сказываться и переохлаждение. Ее была крупная дрожь. Мышцы страшно ныли. Эйле казалось, что к ее ногам привязаны тяжеленные камни, однако она упрямо продолжала двигаться.

В конце концов она сдалась, решив отдаться необоримой мощи ледяного потока. Река тут же подчинила ее своей власти – теперь уже не Эйла направляла корягу, а коряга влекла за собой Эйлу.

Ниже по течению река делала неожиданный изгиб, она резко уходила на запад, обходя каменистую косу. Когда Эйла оставила свои попытки пересечь водяной поток, она уже преодолела три четверти пути. Увидев каменистый берег, она собрала остаток сил и вновь заработала ногами. Тело отказывалось повиноваться. Эйла зажмурилась и плотно сжала зубы, решив бороться до последнего. Внезапно она услышала громкий скрежет – бревно село на камни и уже в следующее мгновение остановилось.

Эйла не могла даже двинуться. Она продолжала лежать в воде, крепко держась за обрубки веток. Внезапно набежавшая волна смыла корягу с острых камней, отчего сердце молодой женщины наполнилось ужасом. Она заставила себя подняться на колени и, вытолкнув бревно на мелководье, вновь рухнула в воду.

Отдых ее был недолгим. Дрожа от холода, она выбралась на каменную косу, ослабила узлы плети и перетащила корзину на берег. Она попробовала было развязать ремень, однако руки ее свело так, что об этом не приходилось даже и мечтать.

Ей помогло провидение. Ремень, на котором оказалось слабое место, с треском лопнул, и Эйла смогла достать из своей корзины медвежью шкуру. Она отставила корзину в сторону, завернувшись в сухую шкуру и мгновенно уснула.

Едва придя в себя после опасной и трудной переправы, Эйла направилась на север, чуть отклоняясь к западу. Дни становились все жарче и жарче. Она продолжала бродить по степям, надеясь найти следы людей. Цветы, украшавшие степь чудесным ярким ковром, успели завянуть, травы доходили Эйле до пояса.

Она добавила к своему питанию клевер и люцерну, а вскоре, к несказанному своему удовольствию, обнаружила богатые крахмалом, немного сладковатые земляные орехи, а также молочные стручки вики с овальными зелеными горошинами. Эйла легко отличала вику от ее ядовитых сородичей и поэтому спокойно поедала ее стручки и корни. Лилейник уже отцвел, но корни все еще оставались мягкими и нежными. На кустах смородины стали появляться первые темные ягодки. Не было недостатка и в листьях амаранта, горчицы и крапивы.

Эйла часто прибегала и к помощи своей пращи. Ее добычей могли стать степные пищухи, суслики, гигантские тушканчики, зайцы, которые из молочно-белых стали серо-бурыми, а порой и огромные всеядные, охотящиеся на грызунов хомяки, обитавшие только на равнинах. Летавшие над самой землей перепела и куропатки были излюбленным кушаньем Эйлы. Каждый раз, когда она ела откормленную куропатку, она вспоминала о том, что мясо этой птицы нравилось и Кребу...

Впрочем, все это были мелкие твари, радовавшиеся летнему раздолью. Здесь жило множество куда более крупных животных. Эйла видела стада оленей – и северных, благородных, и гигантских, поражавших размерами своих рогов; табуны приземистых степных лошадей, ослов и онагров, являвших собой нечто среднее между первыми и вторыми; время от времени ей встречались огромные зубры или семьи изящных сайгаков. Однажды она наткнулась на стадо бурого рогатого скота; быки достигали в холке шести футов, весенние телята жались к коровам. Глядя на них, Эйла вспомнила вкус молочного теленка. Но разве она могла охотиться с пращей на зубров? Она видела огромных мохнатых мамонтов, овцебыков, выстроившихся плотным кольцом и оборонявших свою молодь от прожорливых волков, а также подозрительных и злобных носорогов, которых старалась обходить стороной. Мохнатый носорог был тотемом Бруда и подходил ему как нельзя лучше.

Молодая женщина шла все дальше и дальше на север и вскоре заметила, что местность стала постепенно меняться. Степи стали заметно суше и пустынее. Она достигла слабо выра-

женной северной границы влажных, покрывающихся зимой обильным снежным покровом континентальных степей. За ними начинались безводные лессовые степи, которые тянулись до дышащих холодом отвесных стен огромного северного ледника, границы которого в ледниковый период проходили именно здесь.

Мощный ледяной покров скрывал под собой значительную часть Северного полушария. Почти четверть поверхности суши находилась под многотонной толщей сплошного льда. Большое количество воды обратилось в лед, уровень воды в океанах существенно понизился, из-за чего изменилась и форма берегов, и ландшафт земель. Серьезные климатические изменения охватили всю землю – дожди буквально заливали экваториальные зоны, площадь пустынных земель резко сократилась, – однако самые серьезные перемены наблюдались, естественно, в тех районах, которые граничили с ледником.

Обширный ледяной щит охлаждал находившиеся над ним воздушные массы, вследствие чего происходила конденсация влаги, выпадавшей на землю в виде снега. Ближе к центру ледяной зоны наблюдалось стабильно высокое давление, поэтому там царили холод и крайняя сухость, снегопады же тяготели к границам. Огромный ледник разрастался именно по краям, отчего толщина ледяного слоя стала превышать милю.

Поскольку большая часть снега выпадала именно над ледником, земли к югу от него были засушливыми и скованными мерзлотой. Высокое давление над центральной частью ледника создавало атмосферную воронку, выбрасывавшую холодный воздух в области с более низким давлением, – северный ветер, свирепствовавший над зоной степей, дул постоянно. Менялась только его сила. Он уносил измельченную в пыль породу, «съедая» те земли, на которые он напознал. Несомые ветром пылинки имели размеры, сравнимые с частичками глинистого лесса. Их сносило на сотни миль к югу, где образовывались толстые многофутовые залежи лесса, становившиеся впоследствии почвой.

Зимой над этими скудными засушливыми землями свирепствовали ледяные ветры. Земля же продолжала свое вращение вокруг наклонной оси, и климат ухудшался. Понижение среднегодовых температур всего на несколько градусов привело к образованию ледника; сколь бы жаркими ни были отдельные летние дни, они мало влияли на общую картину, поскольку среднегодовая температура оставалась все той же.

Весной скудный снег, лежавший на земле, начинал таять, поверхностный слой ледника прогревался, и в степи появлялось множество рек и речушек. Талая вода увлажняла и смягчала землю, находившуюся над вечной мерзлотой, что позволяло расти на ней всевозможным травам и другим растениям, имевшим поверхностную корневую систему. Растения эти стремительно росли и развивались, предчувствуя, что жизнь их будет недолгой. К середине лета они уже превращались в сухостой, и это наблюдалось на всем огромном степном континенте. Исключением из общего правила являлись только северные леса и тундровые зоны, примыкавшие к океанам.

В зонах, граничивших с ледяным щитом, где снежный покров был не столь значительным, травы обеспечивали питанием бесчисленные миллионы жвачных и иных травоядных животных, сумевших приспособиться к холоду ледникового периода, и, как следствие, великое множество хищников, живущих рядом со своими жертвами. У подножия сверкающей бело-голубой стены, высота которой превышала милю, можно было встретить и мамонтов, мирно пощипывающих траву.

Паводковые ручьи и реки, питавшиеся талой водой ледников, буквально разрезали лессовые залежи и осадочные породы, порой доходя до кристаллической гранитной платформы, лежащей в глубине континента. Равнинная зона характеризовалась обилием оврагов и глубоких ущелий, которые способствовали сохранению влаги и были защищены от ветра. Даже в безводных лессовых степях существовали зеленые, полные жизни долины.

Погода становилась все теплее и теплее. Путешествие уже начинало утомлять Эйлу, ей изрядно надоели монотонные, безликие степные просторы, нещадно палящее солнце, непрекращающийся ветер. Ее кожа обветрилась, загорела и начала шелушиться. Губы растрескались, глаза воспалились, на зубах постоянно скрипел песок. На пути то и дело попадались речные долины, поросшие пышной растительностью, однако ни одна из них не привлекла Эйлу настолько, чтобы она захотела в ней остаться, тем более что ни в одной из них она не встретила людей.

Хотя небеса по большей части были ясными, бесплодность поисков поселяла в сердце Эйлы тревогу и страх. Подлинной владычицей этих мест была зима. Даже в самый жаркий летний день невозможно было забыть о грядущей морозной поре. Следовало думать о запасах на зиму и укромном тихом прибежище, в котором возможно было бы пережить долгий студеный период. Она бродила по степям с ранней весны и начала подумывать о том, что скитания ее могут оказаться вечными, если только она не умрет уже в ближайшую зиму.

На исходе дня она остановилась на очередную стоянку, которая ничем не отличалась от множества других. Ей удалось убить зверька, однако угольки успели погаснуть, а дров у нее было совсем мало. Эйла решила не заниматься разведением огня и попробовала есть дичь сырой, но тут же почувствовала, что у нее нет аппетита. Она выбросила убитого сурка, хотя дичь теперь встречалась куда реже. Впрочем, возможно, Эйла утратила обычно присущую ей внимательность и остроту взгляда. Что до собирания, то оно явно стало куда менее эффективным. Земля в этих краях была плотной, мало того, ее покрывала засохшая прошлогодняя растительность. Пустынная сушь и неутрахающий северный ветер.

Она спала беспокойно – всю ночь ее мучили дурные сны – и проснулась совершенно разбитой. Есть ей было нечего, даже выброшенный накануне сурок куда-то исчез. Эйла отлебнула из своего мешочка затхлой водицы, упаковала корзину и продолжила свое путешествие на север.

Около полудня она наткнулась на пересохшее русло реки и нашла на его дне несколько лужиц. Вода в них имела странный резкий привкус, однако Эйла наполнила ею свой мешок. Здесь же она вырыла несколько волокнистых безвкусных корешков спорыша и стала жевать их на ходу. Идти дальше не хотелось, но Эйла просто не понимала, что еще можно делать в этой ситуации. Усталая и унылая, она брела вперед не разбирая дороги. Она даже не заметила прайда пещерных львов, гревшихся на солнышке, пока не услышала предупредительного рева одного из этих огромных животных.

Эйлу объял смертельный ужас, мгновенно вернувший ее в чувство. Она поспешила назад и взяла много западнее, решив обойти территорию прайда стороной. Да, теперь она была уже на севере, где жили эти огромные звери. То, что Пещерный Лев был ее тотемом, вряд ли могло бы спасти ее от их страшных когтей и клыков.

Креб узнал ее тотем именно по следам львиных когтей. На ее левом бедре виднелось четыре длинных параллельных шрама. Порой Эйле вспоминалась такая картина: она, пятилетняя девочка, испуганно жмет к дальней стенке крошечной пещеры, а к ней тянется огромная когтистая лапа зверя. Эта лапа приснилась ей в предыдущую ночь. Креб говорил, что эти длинные светлые шрамы были признаком ее особой избранности. Эйла нащупала их рукой. И почему только Пещерный Лев остановил свой выбор именно на ней?

Солнце, которое уже начинало клониться к западу, слепило своими лучами. Эйла стала подниматься на длинный пологий склон, пытаясь найти место для очередной ночевки. Пополнить запасы воды она так и не смогла, и поэтому ее крайне радовало то, что она догадалась набрать воды из лужи. Впрочем, в скором времени проблема с питьем могла стать куда более острой. К усталости и голоду теперь примешивалось чувство досады. Как она могла не заметить львов?

А может быть, это был некий знак и все теперь определялось только временем? Почему это она решила, что ей удалось уйти от смертельного проклятия?

Закатное светило блистало так ярко, что Эйла едва не рухнула вниз с крутого края плато. Стоя на обрыве, она прикрыла глаза от солнца и стала разглядывать дно лежавшей перед ней лощины. Внизу поблескивала небольшая речка, окруженная с обеих сторон зарослями деревьев и кустарника. Цепь высоких каменистых утесов замыкала собой прохладную, защищенную от ветра зеленую долину. Примерно в ее центре Эйла увидела небольшой табун лошадей, мирно поедавших травку.

Глава 2

– Но тогда почему же ты решил отправиться со мной, Джондалар? – спросил юноша с каштановыми волосами, собирая палатку, сделанную из нескольких связанных вместе шкур. – Ты сказал Мароне, что собираешься сходить к Даланару и хочешь показать мне дорогу. Предпринять небольшое путешествие, прежде чем обосноваться окончательно. Считалось, что ты придешь на Летнее сходбище вместе с ланзадонии и успеешь на Брачный ритуал. Представляю, как она разъярится! Вот уж не хотел бы, чтобы эта женщина гневалась на меня! Слушай, может быть, ты просто сбежал от нее?

Тонолан говорил подчеркнуто беззаботным тоном, однако его выдавало серьезное выражение глаз.

– Маленький брат, почему ты решил, что, кроме тебя, ни один из членов нашего семейства не может отправиться в странствия? Неужели ты полагал, что я смогу отпустить тебя одного? Отпущу, а потом вернусь домой и стану хвастать своим долгим путешествием? Нет, кто-то должен отправиться вместе с тобой, иначе ты нам потом такого наплетешь... Да и помощь тебе может понадобиться, – отвечал высокий светловолосый мужчина, пригнувшись, чтобы забраться в палатку.

В высокой и просторной палатке можно было спокойно стоять на коленях, в ней хватало места как для скарба путешественников, так и для шкур. Палатка поддерживалась тремя шестами, стоявшими в ряд. Возле центральной, самой высокой опоры имелся клапан, который мог закрываться (например, в случае дождя) или открываться (для того, чтобы выпустить дым от костра, разведенного в палатке). Джондалар выдернул из земли все три шеста и вылез из-под шкуры, держа их в руках.

– Говоришь, мне может понадобиться помощь? – презрительно усмехнулся Тонолан. – Теперь мне не только себя – мне и тебя защищать придется! Когда Даланар и ланзадонии явятся на Летний сход и Марона увидит, что тебя с ними нет, поднимется такое! Она превратится в донии и перелетит через этот ледник, который мы оставили позади, чтобы схватить тебя, Джондалар... – Они принялись складывать палатку. – Она уже давно положила на тебя глаз. Когда же она решила, что ты всецело принадлежишь ей, тебе вдруг вздумалось отправиться в путешествие. Думаю, ты просто не захотел быть пойманным этой петлей, которую тут же затянули бы зеландонии. Мой большой брат – большой скромник. – Они положили палатку рядом со стойками. – У очагов многих мужчин твоего возраста уже копошатся малыши.

На последнюю фразу Тонолана брат ответил резким ударом руки, от которого тот едва сумел увернуться. В серых глазах Тонолана засверкали смешинки.

– У мужчин моего возраста? Я всего на три года старше тебя! – воскликнул Джондалар, гнев которого уже стал спадать.

Совершенно неожиданно он начал смеяться, крайне смутив и поразив этим своего младшего брата.

Братья отличались друг от друга так же, как день от ночи, но тот, что был пониже и потемнее, обладал более легким характером. Дружелюбная натура Тонолана, его заразительная улыбка и звонкий смех всюду делали его желанным гостем. Джондалар был куда серьезнее, он часто морщил лоб в раздумье или тревоге; хотя – подобно своему младшему брату – Джондалар и отличался улыбчивостью, в голос он смеялся крайне редко. Его смех неизменно поражал Тонолана, сейчас – тем более.

– Откуда тебе знать, может, ко времени нашего возвращения Мароне уже будет кого привести к очагу? – усмехнулся Джондалар.

Они стали сворачивать шкуру, которой покрывался пол палатки. При необходимости из нее можно было устроить вторую палатку меньших размеров.

– А вдруг она решит, что мой неуловимый братец – единственный мужчина, стоящий ее бесценного внимания и ее чар? Кто знает, как ублажить мужчину, так это она – конечно, если она сама этого хочет. Но зато характер у нее... Джондалар, ты единственный мужчина, которому удавалось с ней совладать... Хотя, видит Дони, несмотря на характер, ею хотели бы овладеть многие... Почему ты не взял ее? Вот уже несколько лет, как все только этого и ждут...

Тонолан задал серьезный вопрос. Джондалар наморщил лоб, его живые синие глаза заметно поблекли.

– Может быть, именно потому, что все этого ждут. Даже не знаю, Тонолан, что тебе ответить. Я тоже полагал, что так оно в конце концов и выйдет. Кого еще я мог бы взять себе в жены?

– Кого? Да кого угодно, Джондалар! Во всех пещерах нет ни одной женщины, которая не мечтала бы о том, чтобы связать свою жизнь с Джондаларом из зеландонии, братом Джохаррана, вождя Девятой пещеры, я уже не говорю о другом его брате – отважном искателе приключений Тонолане!

– Ты забыл упомянуть о храбром сыне Мартоны, бывшем вожде Девятой пещеры зеландонии, и о прекрасной дочке Мартоны, совсем еще юной Фоларе... – заметил Джондалар с улыбкой. – Если ты хочешь перебраться всех, не забудь и о блаженных Дони.

– Разве их можно забыть? – спросил Тонолан, повернувшись к спальным мешкам, сделанным из двух сшитых вместе шкур, с горловиной, затягивающейся специальным ремешком. – О чем ты говоришь? Я думаю, Джондалар, что от тебя не отказалась бы и сама Джоплейя.

Братья принялись упаковывать свои жесткие, похожие на ящики котомки, суживавшиеся кверху. Они были изготовлены из жесткой сыромятной кожи на каркасе из деревянных перекладин. Длина плечевых ремней регулировалась с помощью расположенных в ряд пуговиц, вырезанных из мамонтовой кости. Через центральные отверстия, сделанные в пуговицах, был пропущен ремешок, на котором пуговицы чередовались с узлами, удерживавшими их в определенном положении.

– Ты же знаешь, что мы не можем сочетаться браком. Джоплейя – моя двоюродная сестра. И вообще не стоит принимать ее всерьез – она ужасно любит дразнить своих знакомых. Мы стали друзьями, когда я обучался ремеслу у Даланара. Он учил нас одновременно – и меня, и ее. Она замечательно обрабатывает камень. Но не вздумай сказать ей об этом, иначе мне не поздоровится. Мы постоянно пытаемся превзойти друг друга.

Джондалар поднял тяжелый пакет с инструментами и несколькими необработанными кусками кремня. Он думал о Даланаре и основанной им пещере. Ланзадонии множились. С тех пор как он ушел оттуда, к ним присоединилось множество людей, при этом семьи их постоянно росли. «Если так пойдет и дальше, скоро у ланзадонии появится вторая пещера», – подумал он. Он бросил пакет в свою котомку, положив сверху приспособления для готовки пищи, всевозможную утварь и еду. Далее следовали спальный мешок и палатка. В углубление с левой стороны укладки он поместил два шеста, служившие опорой для палатки. Третий шест и подстилку нес Тонолан. Справа в их котомках имелись специальные гнезда, в которых лежали дротики.

Тонолан наполнил мешок для воды снегом. Мешок этот представлял собой коровий желудок, помещенный в сумку из меха. Когда становилось совсем холодно, как это было на покрытом льдом высокогорном плато, через которое они только что перешли, они помещали мешки под одежду, так чтобы тепло их тел могло растопить снег. Горючее для костра на плато отсутствовало. Теперь ледник уже остался позади, однако они все еще находились на слишком большой высоте для того, чтобы возможно было отыскать источник талой воды.

– Да, Джондалар, – сказал Тонолан, глядя куда-то вверх. – Хорошо, что эта самая Джоплейя не сестра мне... Ради этой женщины я готов был бы даже отказаться от путешествия. Ты никогда не говорил мне о том, как она красива. Я еще не видел таких женщин – от нее просто

невозможно глаз отвести... Как хорошо, что я был рожден Мартоной от Вилломара, а не от Даланара. Так у меня есть хоть какой-то шанс...

– Да, спору нет, она красива. Я не видел ее целых три года. Думаю, у нее уже были мужчины. Я очень рад тому, что Даланар на это Летнее сходбище решил пригласить и зеландонии, и ланзадонии. О каком выборе может идти речь, если соберется одна-единственная пещера? Теперь же Джоппайя сможет найти других мужчин, верно?

– Да, и отбить их у Мароны. Как жаль, что меня не будет при этом. Марона уже привыкла к роли признанной красавицы. Она наверняка возненавидит Джоппайю. Ну а без тебя это Летнее сходбище покажется Мароне совсем тоскливым.

– Ты прав, Тонолан. Она страшно озлится и оскорбится, но я не стану корить ее за это. Характер у нее, конечно же, тяжелый, зато все остальное в порядке, уж можешь мне поверить. Мароне нужен мужчина ей под стать. Она умеет доставить удовольствие... Когда я рядом с Мароной, я готов вступить с ней в брачные узы, но стоит мне куда-то отлучиться... Не знаю, что и сказать тебе, Тонолан...

Джондалар нахмурился и засунул мешок со снегом под пояс своей парки.

– Послушай, – сказал Тонолан, вновь посерьезнев. – А что ты скажешь, если за время нашего отсутствия она найдет себе другого? Скорее всего, так оно и будет, ты же понимаешь...

Джондалар принялся задумчиво затягивать свой пояс.

– Меня это, конечно же, заденет... и оскорбит... Но я не стану осуждать ее. Думаю, она заслуживает лучшей пары. У меня-то в голове ветер, верно? Взял и в самый последний момент отправился в путешествие. Если она будет счастлива со своим новым избранником, я буду только рад за нее.

– Так я и думал, – задумчиво произнес младший брат и тут же с усмешкой добавил: – Ладно, большой брат, если мы не хотим, чтобы нас настигла эта самая донии, нужно отправляться в путь.

Тонолан закончил сборы, приподнял полы своей меховой парки, вынул руку из рукава и, повесив мешок со снегом на плечо, вновь просунул руку в рукав.

Парки были сшиты по одному образцу. Два больших прямоугольника соединялись по бокам и сверху, так что оставались отверстия для рук и головы; из двух прямоугольников поменьше шились рукава. У парок имелись и капюшоны из шкуры росомахи, на них при дыхании не намерзала наледь. Парки были разукрашены костяными бусами, мамонтовой костью, раковинами, клыками животных и белыми с черными кончиками хвостами горностаев, надевались через голову и доходили примерно до середины бедра, на талии же стягивались ремнем.

Под парками носили мягкие рубахи из оленьей кожи, сшитые подобным же образом, и меховые штаны, подвязывавшиеся на поясе особым ремешком. Подбитые мехом рукавицы были привязаны к тонкой длинной жиле, продетой в рукава парки, что позволяло снимать и надевать их в любую минуту, ибо они, что называется, постоянно находились под рукой. Обувь, которая, подобно мокасинам, имела жесткую подошву и верх из более мягкой кожи, крепилась на ноге узкими ремнями и подбивалась войлоком из шерсти муфлона. В сырую погоду поверх обуви натягивались бычьи кишки, однако они были тонкими и весьма непрочными и поэтому использовались только в самых крайних случаях.

– Тонолан, как далеко ты хочешь пойти? Помнится, ты грозился отправиться к истокам Великой Матери, но мне в это что-то не верится... – произнес Джондалар, взяв в руку кремневый топор с короткой толстой рукоятью и заткнув его за пояс рядом с кремневым ножом, ручка которого была выточена из кости.

Тонолан, закреплявший на ногах снегоступы, выпрямился и ответил:

– Джондалар, я говорил совершенно серьезно.

– Так мы же в таком случае и до следующего Летнего сходбища назад не обернемся!

– Ты что, уже жалеешь о своем решении? Ох, не следовало мне брать тебя с собой, брат. Я говорю совершенно серьезно. Я нисколько не обижусь, если ты вернешься назад прямо сейчас, – ведь ты принял решение о путешествии в самую последнюю минуту, верно? Помимо прочего, ты должен помнить и о том, что мы можем вообще не вернуться из этого странствия. Если хочешь уйти – сделай это прямо сейчас, в противном случае тебе придется дожидаться следующей зимы. Ведь плато можно перейти только в эту пору...

– Нет, ты зря считаешь, что я принял решение в последний момент, Тонолан. Я подумывал о путешествии уже давно, и лучшего времени, чем это, для него не придумаешь, – уверенно возразил Джондалар, хотя в его тоне Тонолан и уловил горестные нотки. Явно желая уйти от этой темы, Джондалар сменил тон и добавил: – Я ведь ни разу еще не путешествовал, верно? Если бы я не отправился в путешествие сейчас, я не сделал бы этого уже никогда. Выбор сделан, маленький брат. Я остаюсь с тобой.

Солнце, стоявшее посреди ясного неба, заливало своим ослепительным светом девственную белизну лежащего перед ними пространства. Уже наступила весна, но на такой высоте ее приход еще не ощущался. Джондалар опустил руку в мешочек, висевший у него на поясе, и достал из него защитные щитки, надевавшиеся на голову. Они были сделаны из дерева и имели в центральной части узкие горизонтальные прорезы для глаз. После этого он просунул свободную ногу в петлю снегоступа и – уже в снегоступах – направился к своей внушительной котомке.

Снегоступы эти делал Тонолан. Он был мастером по части изготовления копий и дротиков и всегда носил с собой свой излюбленный древкоправ – инструмент с отверстием на одном конце, выточенный из цельного оленьего рога со срезанными зубцами и отростками. Орудие это было покрыто искусной резьбой, изображавшей животных и весенние цветущие растения, призванной умиловить Великую Мать Землю, дабы та вселила своих духов в дротики, изготовленные с помощью этого орудия. Тонолан любил заниматься резьбой. Во время охоты дротики то и дело терялись, и поэтому ему постоянно приходилось делать новые. Они при этом вставлялись в отверстие правила, что позволяло ему пользоваться последним как рычагом. Тонолан умел распрямлять дерево, разогретое на пару или на раскаленных камнях, и изгибать его, если речь шла об изготовлении снегоступов. Что и говорить – он умел работать.

Джондалар повернулся к брату, желая понять, готов ли тот к продолжению похода. Они обменялись кивками и отправились в путь, медленно спускаясь вниз к темневшему вдалеке лесу. Справа за лесистой низиной поднимался гладкий, покрытый снегом склон, еще дальше вставали пики могучего горного кряжа, уходившего на север. На юго-востоке же виднелась одна-единственная вершина, блистающая вечными льдами.

Высокогорное плато, которое они только что пересекли, казалось рядом с этими исполинами жалким холмиком. Оно представляло собой остатки куда более древней, чем эти молодые вершины, системы. Но все-таки и оно находилось на такой высоте, что снежный покров сохранялся на нем в течение всего года. Придет время, когда континентальный ледник отступит на север и эта высокогорная равнина покроется лесами. Но произойдет это еще очень нескоро. Пока же все было покрыто ледяной коркой – миниатюрной копией того ледника, который охватывал северные земли планеты.

Едва братья достигли границы лесной зоны, они поспешили снять щитки, прикрывавшие глаза от слишком яркого света. Немного пониже они нашли небольшой родничок талых вод, просочившихся под землю где-то под ледником и вышедших на поверхность кристально чистым звонким ручьем, петлявшим между занесенными снегом берегами.

– Как ты думаешь? – спросил Тонолан, указывая жестом на ручеек. – Даланар говорил, что где-то здесь она и есть, – если это действительно Донау, мы скоро это узнаем. Мы пойдем вниз по реке Великой Матери. Если мы увидим три сливающихся вместе реки, текущих на

восток, значит мы у цели. Я думаю, любой здешний ручеек рано или поздно приведет нас к ней. Давай будем держаться левой стороны. Когда мы спустимся пониже, перейти будет сложнее.

– Так-то оно так, но лосадунаи живут на правом берегу. Мы могли бы остановиться в их пещерах. Левый берег считается страной плоскоголовых.

– Джондалар, давай уж не будем останавливаться у этих лосадунаи, – сказал Тонолан с улыбкой. – Ты же понимаешь, они захотят оставить нас у себя, а мы уже и так слишком задержались у ланзадони. Если бы мы задержались чуть-чуть подольше, мы бы уже не смогли перейти через ледник. Нам пришлось бы обходить его стороной, а на севере, говорят, действительно живет множество плоскоголовых. Надо идти дальше – так далеко на юг они вряд ли заберутся. В любом случае нам это ничем не грозит. Неужели ты их боишься? Говорят, убить плоскоголового – все равно что убить медведя...

– Не знаю, что тебе и сказать, – вновь нахмурился высокий мужчина. – Мне и с медведем не хотелось бы связываться. Я слышал, что плоскоголовые умны и коварны. Некоторые даже считают их людьми...

– Может, они и умные, да говорить-то все равно не могут! Значит, они животные.

– Тонолан, меня беспокоят не плоскоголовые... Лосадунаи хорошо знают эти земли. Они могут направить нас в другую сторону. Зачем нам задерживаться у них? Они опишут нам ориентиры и расскажут о том, чего следует ожидать в этих краях, верно? Мы ведь сможем с ними поговорить. Даланар говорил, что некоторые из них понимают язык зеландонии. Если ты согласишься зайти к ним сейчас, мы не станем делать это на обратном пути – я тебе это обещаю.

– Ладно. Как скажешь.

Братья стали отыскивать место для переправы. Ручей был настолько широким, что перепрыгнуть его они уже не могли. Вскоре они нашли дерево, лежавшее поперек ручья так, что по нему можно было перейти на противоположный берег. Джондалар, который шел первым, взял в руки длинную палку и осторожно ступил на корень поваленного дерева. Тонолан принялся озираться по сторонам.

– Джондалар! Берегись! – неожиданно закричал он.

Рядом с головой высокого мужчины просвистел увесистый булыжник. Припав к земле, Джондалар издал предупредительный крик и потянулся за дротиком. Тонолан, уже сжимавший в руках оружие, обратил взор в ту сторону, откуда был брошен камень. Заметив за спутанными голыми ветвями одного из кустов какое-то движение, он, не раздумывая, метнул туда свой дротик. Он уже потянулся за новым, когда вдруг из-за кустов показалось шесть безмолвных фигур. Братья были окружены.

– Плоскоголовые! – воскликнул Тонолан, сделав шаг назад, чтобы лучше прицелиться.

– погоди, Тонолан! – остановил его Джондалар. – Их же больше...

– Их вожак – тот, что покрупнее, видишь? Если я свалю его, остальные разбегутся.

Он вновь завел руку для броска.

– Нет! Прежде чем мы успеем метнуть второй дротик, плоскоголовые растерзают нас! Я думаю, они нас побаиваются – иначе почему они не подходят ближе? – Джондалар медленно распрямился, так и не выпуская из руки своего дротика. – Не двигайся, Тонолан. Пусть следующий ход сделают они. Не упускай из виду их вожака. Он мог сообразить, что ты метишь именно в него.

Джондалар стал разглядывать самого рослого плоскоголового и испытал достаточно неприятное чувство, заметив, что и тот разглядывает его своими большими карими глазами. Он никогда не видел плоскоголовых вблизи, и вид их не мог не поразить его. Он ожидал увидеть нечто совершенно иное. Над глазами вожака нависали мощные надбровные дуги, сами брови были на удивление густыми и косматыми. Крупный узкий нос, больше похожий на клюв, сильно выдавался вперед, отчего глаза казались посаженными особенно глубоко. Густая, немного вьющаяся борода скрывала низ лица. Джондалар перевел взгляд на юного плоско-

лового, у которого еще не росла борода, и заметил, что эти существа лишены подбородков. Волосы на голове были такими же густыми и темными, как и их бороды; тела плоскоголовых покрывал густой ворс.

Шкуры, в которые те были одеты, закрывали только торс – руки и плечи оставались совершенно открытыми, несмотря на низкую, близкую к точке замерзания воды температуру. Впрочем, Джондалара в неменьшей степени удивило, что они вообще носили одежду. Ни одно из животных, с которыми ему случалось сталкиваться, не имело ни одежды, ни орудий. Эти же создания сжимали в руках длинные деревянные, зловеще заостренные копья, предназначенные для того, чтобы пронзать добычу. Некоторые из них были вооружены костяными дубинами из бычьих мослов.

Джондалар обратил внимание и на то, что их выступающие вперед челюсти отличаются от челюстей животных. Еще эти крупные носы... Головы устроены по-особенному. В этом-то все и дело...

У него и у Тонолана лоб был высоким и округлым, их же низкие, сплюснутые лбы сходили на нет прямо над тяжелыми надбровными дугами, плоско смыкаясь с массивной затылочной частью черепа. Казалось, что верхушки их голов, на которые Джондалар взирал с неподдельным интересом, были намеренно смяты и сплюснуты чьей-то тяжелой лапой. При своем росте в шесть футов и шесть дюймов он возвышался над самым рослым из плоскоголовых на целый фут. Даже Тонолан, в котором было всего-навсего шесть футов, рядом с вожаком казался едва ли не великаном, хотя, конечно же, заметно уступал плоскоголовым в ширине плеч и крепости костяка.

И Джондалар, и его брат выделялись среди соплеменников своим телосложением, но рядом с мускулистыми плоскоголовыми казались почти сухопарыми. Последние поражали шириной грудной клетки и мощностью рук, их ноги, несмотря на явную кривизну, позволяли плоскоголовым стоять прямо. Чем дольше всматривался Джондалар, тем больше они напоминали ему людей, пусть ничего подобного он в своей жизни еще не видел.

В течение долгого времени никто не двигался. Тонолан застыл в боевой стойке, готовый в любое мгновение метнуть свой дротик в противника; Джондалар стоял прямо, однако и он был готов к бою – его рука лежала на древке дротика. Плоскоголовые сохраняли каменную неподвижность, но Джондалар нисколько не сомневался в том, что они не замедлят с ответной атакой. Братья попали в сложное положение: как Джондалар ни напрягался, ничего путного на ум не приходило – он не видел выхода из засады.

Внезапно рослый плоскоголовый издал рыкающий звук и помахал братьям своей огромной ручищей. Заметив, что Джондалар машет ему в ответ, Тонолан едва не выронил дротик от удивления. Самый юный из плоскоголовых помчался в кусты, за которыми они до недавнего времени скрывались, и вернулся оттуда с дротиком. К крайнему изумлению Тонолана, плоскоголовый вернул ему оружие и тут же поспешил к реке. Выудив со дна камень, он вручил его вожаку и печально повесил голову, всем своим видом выражая раскаяние. В следующее мгновение шестерка плоскоголовых беззвучно исчезла в кустах.

Поняв, что плоскоголовые ушли, Тонолан облегченно вздохнул:

– Да... А я уже думал, что нам конец... Но хотя бы одного из них я бы успел уложить – это точно... Интересно, что все это может означать?

– Конечно, я могу ошибаться, – ответил Джондалар, пожимая плечами, – но мне показалось, что молодой напал на нас, хотя вожак не хотел этого, и дело тут, скорее всего, не в страхе... Для того чтобы стоять так перед вражьим копьем, а потом совершить такой поступок, требуется немалое самообладание.

– Может, он просто ничего не понял?

– Вряд ли... Он видел, как ты метнул первый дротик. Для чего же еще он приказал молодому вернуть тебе оружие?

– Ты думаешь, он действительно отдал ему такой приказ? Но как? Ведь они не умеют разговаривать!

– Не знаю. Но в том, что он приказал принести твой дротик и достать свой камень, сомнений быть не может. Это позволило нам разойтись мирно. Все остались целыми и невредимыми. Я тебе уже говорил – я не считаю плоскоголовых животными. Ты только подумай – как он поступил! Мало того – они ходят на двух ногах, одеваются в шкуры, носят с собой оружие... Разве звери на такое способны?

– Да... Теперь-то мы знаем, почему их называют плоскоголовыми! Видок-то у них еще тот! Не хотел бы я сойтись с одним из них врукопашную!

– Да они тебя как щепку переломят... А я-то думал, что они совсем маленькие.

– Невысокие – это да... Но вот маленькими их не назовешь. Ладно, большой брат, готов признать твою правоту. Идем в гости к лосадунаи. Они ведь живут где-то неподалеку и должны быть неплохо знакомы с плоскоголовыми. Помимо прочего, Великая Мать, судя по всему, является границей их земель, а на своем берегу плоскоголовые могут повести себя совсем иначе.

В течение нескольких дней братья бродили по лесу, разыскивая ориентиры, о которых им рассказывал Даланар. Они шли вниз по течению реки, которая пока ничем не отличалась от других речек, потоков и ручьев, бравших начало на окрестных склонах. То, что именно ее стали называть истоком Великой Матери, можно было считать известной условностью. Большая часть этих потоков сливалась воедино, образуя верховья великой реки, низвергавшейся с крутых горных склонов и затем лениво петлявшей по равнине на протяжении восемнадцати сотен миль, чтобы избавиться от чудовищной тяжести своих илистых вод на берегах внутреннего моря, лежавшего далеко на юго-востоке.

Кристаллические породы горного массива, породившего эту могучую реку, принадлежали к числу древнейших земельных пород; широкая впадина стала результатом работы внутреннего давления, вознесшего ввысь и уложившего складками горы, блистающие великолепием своих ледников. Более трехсот притоков, многие из которых были большими реками, одаривали Великую Мать своими водами, приумножая ее богатство и силу. Придет время, когда слава о ней разойдется по всему миру, а ее мутные илистые воды назовут голубыми...

В этих горных краях чувствовалось влияние как океанического запада, так и континентального востока. Здешняя растительная и животная жизнь являлась результатом смешения западной лесотундры и восточных степей. На верхних склонах встречались каменные козлы, серны и муфлоны, в лесной зоне водилось множество оленей. Тарпаны, дикие лошади, которые со временем будут приручены человеком, предпочитали селиться в долинах рек и защищенных от ветра низинах. Под темным лесным пологом таились волки, рыси и снежные леопарды. В горах уже появились успевшие прийти в себя после зимней спячки всеядные бурые медведи; гигантские травоядные пещерные медведи просыпались значительно позже. Из зимних гнездовий и лежбищ выбирались и другие, более мелкие млекопитающие.

Здешние склоны были покрыты главным образом сосной, хотя кое-где встречались ель, благородная пихта и лиственница. По берегам реки росли ольха, ива и тополь, куда реже можно было увидеть искривленные дубы и буки, больше похожие на кусты.

Левый берег реки полого поднимался вверх. Джондалар и Тонолан какое-то время шли в гору, пока не оказались у подножия высокого холма. Они увидели перед собой красивый, испещренный множеством скальных выходов склон; обманчиво ровный белый покров, скрывающий под собой расселины и вымоины, делал дальнейшее продвижение небезопасным.

Где-то здесь и должны были находиться пещеры лосадунаи, однако нетронутый снежный наст говорил о том, что склон необитаем. Джондалар решил, что они сбились с пути.

– Смотри! – услышал он вдруг крик Тонолана, указывавшего рукой вдаль.

Джондалар устремил взор в том же направлении и увидел поднимающуюся над рощицей струйку дыма. Братья устремились к роще и вскоре увидели перед собой небольшую группу людей, собравшихся вокруг костра. Они вошли в этот круг, подняв над головой обращенные ладонями вперед руки, – этот жест должен был свидетельствовать об их дружелюбии и открытости.

– Я – Тонолан из зеландонии. Это мой брат Джондалар. Мы находимся в путешествии. Кто-нибудь из присутствующих владеет нашим языком?

Мужчина средних лет вышел вперед, подняв руки в подобном же жесте:

– Я – Ладуня из лосадунаи. Именем Дони, Великой Матери Земли, я приветствую вас на наших землях. – Он пожал руки Тонолану и затем обратился с тем же приветствием к Джондалару. – Присаживайтесь к нашему костру. Мы собираемся поесть. Может быть, вы захотите присоединиться к нам?

– О, вы очень добры... – ответил Джондалар формально.

– Во время своего путешествия я странствовал по западным землям и останавливался в пещере у зеландонии. С тех пор прошло уже несколько лет, но зеландонии мы рады всегда. – Он подвел их к лежавшему недалеко от костра большому бревну, над которым был устроен навес, чтобы защитить людей от ветра и непогоды. – Отдохните. Снимите со своих усталых спин поклажу. Должно быть, вы только что спустились с ледника...

– Пару дней назад, – ответил Тонолан, снимая с плеч свою тяжелую котомку.

– Поздновато вы вышли... Со дня на день задует фён.

– Фён? – переспросил Тонолан.

– Весенний ветер. Теплый и сухой ветер, дующий с юго-запада. Он настолько силен, что выворачивает деревья с корнем и ломает толстые ветви. Когда он дует, снег истает мгновенно. Еще несколько дней, и там появится первая зелень, – пояснил Ладуня, описав рукой широкую дугу. – Если бы он застал вас на перевале, вас бы уже не было в живых. Расселины вскрываются мгновенно. Снежные мостики и карнизы рухнули бы у вас под ногами. Мало того, в эту пору на леднике появляется множество водяных потоков – вы можете себе это представить?

– И он всегда приносит с собой Хворь, – поспешила дополнить слова Ладуня молодая женщина.

– Хворь? – недоуменно переспросил Тонолан, переводя взгляд на нее.

– Злые духи, которые несет с собой ветер. От Хвори все становятся раздражительными. Люди, которые никогда в жизни не были драчливыми, принимаются браниться друг с другом. Счастливые чувствуют себя самыми несчастными и начинают плакать. Эти духи могут навести на человека болезнь, а если он уже болен, могут привести его к смерти. Если ты ожидаешь чего-то дурного, оно может обойти тебя стороной. Но настроение в это время у всех плохое – с этим ничего не поделаешь.

– Где ты научилась так хорошо говорить на языке зеландонии? – поинтересовался Тонолан, с улыбкой глядя на привлекательную молодую женщину.

Молодая женщина выдержала его взгляд, несколько не смущаясь, и повернулась к Ладуня.

– Тонолан из зеландонии, это Филония из лосадунаи, дочь моего очага, – сказал Ладуня, тут же сообразив, что пришло время представить ее гостям.

Тем самым Тонолану давалось знать, что дочь Ладуня привыкла уважать себя и не стала бы общаться с незнакомцами без церемонии формального представления, – то, что последние были интересными мужчинами, проходящими свое путешествие, не имело никакого значения.

Тонолан поднял ладони в приветственном жесте, глядя на Филонию с явным одобрением и удовольствием. Она было растерялась, но уже в следующий миг ответила тем же жестом, вложив свои открытые ладони в его руки. Он притянул ее к себе.

– Филония из лосадунай, Тонолан из зеландонии славит Великую Мать Землю за то, что она одарила меня правом взирать на тебя, – сказал он, хитро улыбаясь.

Филония едва заметно покраснела, хотя слова Тонолана о даре Матери казались ей такими же формальными, как и его приветственный жест. Впрочем... Его прикосновение отозвалось в ее душе возбуждением, тем более что она заметила в его глазах манящий блеск.

– Теперь ответь мне: где ты смогла выучиться языку зеландонии?

– Во время нашего путешествия мы с двоюродной сестрой перешли через ледник и остановились в пещере зеландонии. Кое-чему мы научились и у Ладуня – он часто говорил с нами на вашем языке, потому что боялся забыть его. Раз в несколько лет он бывает по ту сторону перевала. Ладуня занимается там торговлей. Он считает, что и я должна знать ваш язык.

Тонолан, так и не выпустивший ее ладоней, улыбнулся:

– Женщины редко совершают долгие опасные путешествия. А что, если тебя благословит Дони?

– Это путешествие не кажется мне таким уж долгим, – ответила она, явно наслаждаясь тем эффектом, который ее слова произвели на чужеземца. – Я в любом случае успела бы вернуться назад.

– Но ведь многие мужчины считают это путешествие достаточно серьезным, – продолжал настаивать на своем Тонолан.

Джондалар, следивший за их диалогом, повернулся к Ладуня.

– Вновь он за свое... – сказал он с усмешкой. – Стоит моему братцу заметить привлекательную женщину, он не успокоится до той поры, пока не расположит ее к себе.

Ладуня довольно захихикал:

– Филония еще слишком молода. Она участвовала в ритуале Первой Радости лишь прошлым летом, но поклонников у нее за это время появилось немало... Ах, молодость, молодость... Стать бы молодым и вновь получить тот первый Дар Радости, что дается нам Великой Матерью Землей. Впрочем, и моя нынешняя жизнь тоже неплоха: у меня свой очаг, и новые радости влекут меня уже не так сильно, пусть это и покажется вам странным... – Он повернулся к высокому светловолосому мужчине. – Мы – отряд охотников, и поэтому женщин у нас немного, но, если вы захотите разделить Дар с одной из наших благословенных Дони женщин, я буду только рад этому. Если же ни одна из них вам не понравится, мы сможем отправиться в Большую пещеру. Когда к нам приходят гости, мы всегда устраиваем праздник в честь Великой Матери.

– Боюсь, мы не сможем отправиться в вашу пещеру... Мы еще в самом начале пути. Тонолан собирается совершить большое путешествие и страдает поскорее продолжить его. Возможно, на обратном пути – если только вы укажете нам дорогу – мы зайдем к вам вновь.

– Мне очень жаль, что вы не можете стать нашими гостями... Пришельцы в наших краях появляются теперь редко... И куда же вы держите путь?

– Тонолан хочет пройти Донау до самого ее конца. Но в начале пути все говорят о большом путешествии... Это известно всем и каждому...

– Я полагал, что зеландонии живут недалеко от Большой Воды; во всяком случае, во время моего путешествия так оно и было. Я долго-долго шел на запад, а потом направился на юг. Говоришь, вы только что отправились в путь?

– Я должен кое-что объяснить. Ты прав, путь от нашей пещеры до Большой Воды можно пройти за несколько дней, но Даланар из ланзандонии был супругом моей матери в пору моего рождения, и потому в его пещере я тоже чувствую себя дома. Я прожил там три года, учась у него мастерству. Мы жили у них вместе с братом. Единственное, что мы успели сделать сейчас, – это перейти через ледник; еще пара дней ушла у нас на то, чтобы добраться до этого места.

– Даланар! Ну конечно! То-то твое лицо мне кажется таким знакомым. Должно быть, ты дитя его духа – ты очень похож на него. И так же, как он, ты мастер по изготовлению кремневых орудий, верно? Если ты похож на него и внутренне, то мне остается только склонить перед тобой голову. Лучшего мастера, чем он, я еще не видел. Я собираюсь отправиться к нему в будущем году, чтобы получить кремни из копей ланзадонии. Нет ничего лучше местного камня.

Возле костра собирались люди с деревянными чашами. Вкусные запахи, доносившиеся оттуда, напомнили Джондалару о том, что он страшно голоден. Он поднял с земли свою котомку, чтобы убрать ее с дороги, и тут же ему в голову пришла неплохая мысль.

– Ладуни, у меня есть кремни ланзадонии. Я взял их, чтобы делать новые орудия взамен утраченных и испорченных. Нести их на себе тяжело... Я не стал бы возражать против того, чтобы оставить камень-другой. Если хотите, я отдам их вам.

Глаза Ладуни загорелись.

– Я с удовольствием возьму их, но только при условии, что ты примешь от меня что-нибудь другое. Конечно, я люблю подарки, но с сыном очага Даланара мне хотелось бы вести честную торговлю.

Джондалар заулыбался:

– Ты уже и так предложил мне скинуть со спины тяжелую ношу и отведать твоего угощения.

– Камень ланзадонии стоит куда большего. Ты слишком мало его ценишь и тем самым оскорбляешь мое достоинство.

Вокруг собеседников стали собираться благодушные лосадунаи.

– Ладно, Ладуни, если уж тебе так хочется поторговаться... Сейчас мне не нужно ничего – чем меньше будет тяжесть ноши, тем легче будет ее нести. За камень ты заплатишь потом. Согласен?

– Хм... Теперь он решил надуть меня... – сказал Ладуни довольным голосом, обращаясь главным образом к соплеменникам. – Ты хотя бы скажи, чего ты хочешь?

– Как я могу сказать об этом? Ответить на твой вопрос я смогу только на обратном пути. Ты согласен с таким условием?

– Но я не уверен в том, что мне удастся его выполнить...

– Я не попрошу у тебя ничего такого, чего бы ты не смог мне дать...

– Это непростое условие, Джондалар, но я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы выполнить его. Я согласен.

Джондалар открыл свою укладку, достал лежавшие сверху вещи и извлек из особого мешочка два куска кремня, уже прошедшего первичную обработку.

– Их выбирал и обрабатывал сам Даланар, – заметил он важно.

Судя по выражению лица Ладуни, он был совсем не прочь заполучить пару кусков кремня, отобранного и обработанного самим Даланаром, однако вслух он пробурчал нечто совершенно иное:

– Это же надо – за пару камней мне, возможно, придется лишиться чего-нибудь чрезвычайно для меня дорогого...

Его замечание не вызвало у слушателей сколько-нибудь внятного отклика. Присутствующие понимали, что Джондалар вряд ли сможет вернуться к их пещере. Понимал это и сам Ладуни.

– Джондалар, сколько можно болтать? – вмешался в разговор Тонолан. – Помнится, нам предложили отведать их пищи. Не знаю, как вкус, но запах этой оленины мне определенно нравится. – Он широко улыбнулся, не сводя влюбленных глаз со стоящей рядом с ним Филонии.

– Да, еда уже готова, – отозвалась Филония. – Охота была настолько успешной, что наши запасы вяленого мяса остались почти нетронутыми. Теперь, когда твоя ноша стала полегче,

ты сможешь взять немного мяса с собой. Правильно я говорю? – Филония глянула в сторону Ладуня.

– Ладуня, я буду крайне признателен, если ты представишь мне прекрасную дочь своего очага, – сказал Джондалар.

– Как это ужасно, когда собственная дочь подрывает твою торговлю, – пробормотал Ладуня недовольным голосом, хотя с уст его при этом не сходила горделивая улыбка. – Джондалар из зеландонии, Филония из лосадунаи.

Молодая женщина повернулась лицом к старшему из братьев и вздрогнула, увидев лучезарный блеск его необычайно ярких синих глаз. Ею овладели сложные чувства – теперь ее тянуло уже к этому чужеземцу, доводившемуся Тонолану старшим братом. Совершенно смутившись, Филония опустила глаза.

– Джондалар! Ты думаешь, я не заметил в твоих глазах этого блеска? Запомни, первым я ее увидел! – шутливо воскликнул Тонолан. – Идем, Филония, я должен увести тебя отсюда. Послушай, что я тебе посоветую: держись-ка от моего братца подальше. Можешь мне поверить, с ним лучше не иметь дела. – Он вновь повернулся к Ладуня и с притворной обидой в голосе заметил: – Каждый раз одно и то же. Один раз взглянет, и все. Ох-хо-хо... И почему я не родился с такими же талантами...

– Талантов у тебя более чем достаточно, мой маленький брат, – произнес Джондалар и тут же залился громким заразительным смехом.

Филония перевела взгляд на Тонолана и отметила, что он действительно мало в чем уступал своему брату. Тонолан положил руку ей на плечо, желая отвести молодую женщину на другую сторону костра. Она же вновь повернулась к Джондалару и сказала с доверительной улыбкой на устах:

– Когда в пещеру приходят гости, мы устраиваем праздник во славу Дони.

– Они не пойдут в нашу пещеру, – заметил Ладуня.

В облике юной женщины на миг проглянуло разочарование, затем она обернулась к Тонолану и улыбнулась.

– Ах, хорошо бы вновь стать юным! – усмехнулся Ладуня. – О женщинах же, любящих славить Дони, могу сказать одно: именно их она чаще всего награждает потомством. Великая Мать Земля благоволит к тем, кто ценит ее дар.

Джондалар положил свою котомку и направился к костру. Оленина тушилась в чаше из кожи, поддерживаемой подпоркой из костей, связанных вместе. Чаша эта находилась прямо над огнем. Кипящая жидкость нагревалась достаточно сильно для того, чтобы оленина могла свариться, и в то же самое время не позволяла воспламениться сосуду для готовки. Для того чтобы кожа загорелась, необходима куда более высокая температура, чем температура кипящего мясного бульона.

Подошедшая к Джондалару женщина подала ему деревянную чашу с вкусно пахнущей горячей похлебкой и села рядом с ним на бревно. С помощью своего кремневого ножа он выловил кусочки мяса и овощей – сушеных корнеплодов, которые охотники носили с собой, – после чего одним глотком опорожнил содержимое чаши. Заметив это, женщина предложила ему чашу поменьше – с чаем из трав. Он благодарно улыбнулся в ответ. Она была немного старше его – за это время угадывавшаяся и поныне прелесть ее юных лет успела обратиться в подлинную красоту зрелой женщины. Она ответила улыбкой на улыбку и вновь присела возле него.

– Ты говоришь на языке зеландонии? – поинтересовался он.

– Немного говорю, понимаю больше, – ответила она.

– Я должен попросить Ладуня, чтобы он представил нас друг другу, или ты сама назовешь мне свое имя?

Она вновь улыбнулась, в улыбке ее проглядывала снисходительность зрелой женщины.

– В этом нуждаются только молодые. Меня зовут Ланалия. Ты – Джондалар, верно?

– Да, – ответил он.

Почувствовав тепло ее ноги, он выразительно посмотрел ей в глаза. Она ответила ему не менее выразительным взглядом, и тогда он положил руку на ее бедро. Она тут же постаралась подсесть поближе. Джондалар шумно вздохнул и утвердительно кивнул, хотя в этом не было никакой необходимости – Ланалия уже прочла ответ в его глазах. Неожиданно она отвела свой взгляд и посмотрела ему за спину. Джондалар обернулся и увидел направляющегося к ним Ладуну. Ланалия вздохнула и блаженно расслабилась, понимая, что им придется немного подождать...

Ладуну сел на бревно рядом с Джондаларом, из-за костра вышел и Тонолан, который вел за собой Филонию. Вскоре вокруг братьев вновь собрался весь охотничий отряд. Зазвучал смех, посыпались шутки, тут же переводившиеся на язык лосадунаи. В конце концов Джондалар решил перевести разговор в более серьезное русло:

– Ладуну, что ты знаешь о людях, живущих ниже по течению?

– Некогда к нам забредали шармунаи, они живут севернее вниз по течению, но с той поры уже прошли годы. Так бывает. Порой молодые люди выбирают для путешествия один и тот же путь. Затем он становится слишком хорошо известным, привычным, тогда они избирают для путешествий какое-то иное направление. Проходят годы, и старый путь забывается, после чего прохождение его вновь почитается племенем за честь. Любой молодой человек считает себя первооткрывателем. О предках никто не вспоминает...

– Для молодых людей путь нов, – осторожно возразил Джондалар, не имевший ни малейшего желания вступать в бесполезный диспут. Его интересовали более серьезные и конкретные вещи, болтать же языком попусту он не любил. – Ты можешь сказать что-нибудь определенное об их обычаях? А какие-нибудь их словечки? Приветствия? Чего мы должны избегать? Что может показаться им оскорбительным?

– Я знаю о них мало, да и сведения мои, возможно, устарели. Несколько лет назад один из мужчин отправился на восток, но пока он еще не вернулся. Кто знает, возможно, он просто решил поселиться в каком-то другом месте, – ответил Ладуну. – Говорят, они делают донии из грязи, но это всего-навсего слухи... Не знаю, вряд ли это возможно. Ведь когда грязь высыхает, она становится рассыпчатой.

– Грязь, земля, камни – почти одно. Иные люди любят камни именно по этой причине.

Джондалар умолк, задумался и непроизвольно опустил руку в мешочек, висевший у него на поясе. Он нащупал там маленькую каменную фигурку тучной женщины. Гигантские груди, огромный, выпирающий вперед живот, более чем объемистые ягодицы и бедра. Руки и ноги значили мало и поэтому были едва намечены – значимыми являлись только признаки Матери. Шишечка, венчавшая фигурку, весьма отдаленно напоминала человеческую голову, черты лица не были даже обозначены, что также не имело никакого значения. Лицо донии было скрыто под волосами.

Никто не мог взглянуть на ужасный лик Дони, Великой Матери Земли, Древней Прародительницы, Первой Матери, Сотворительницы и Защитницы всей и всяческой жизни, Той, что наделила всех женщин способностью порождать и вынашивать жизнь. Ни одно из изображений Великой Матери, заключавших в себе ее дух и носивших звание «донии», не имело лица. Даже в тех случаях, когда она являла свой образ во снах, лик ее обычно оставался неясным, тело же при этом было молодым и пышным. Некоторые женщины утверждали, что они могут принимать в себя ее дух и летать, словно ветер, суля кому добро, кому страшное отмщение.

Если ее гневили и бесчестили, Она отвечала на это ужасающими деяниями, самым страшным из которых было лишение человека замечательного дара Радости, которым она обласкивала сходящихся друг с другом мужчин и женщин. Великая Мать и, возможно, неко-

торые из ее служительниц могли дать мужчине силу удостаиваться ее дара сколь угодно часто или же, напротив, лишали его сей способности.

Джондалар рассеянно ощупывал выпуклые обвислые груди донии, мысленно моля ее о ниспослании удачи в их трудном путешествии. Да, из путешествий возвращались далеко не все, но без этого они бы утратили всю свою притягательность. И тут он услышал обращенный к Ладуну вопрос Тонолана, который разом вывел его из состояния задумчивости:

– Что ты можешь сказать об обитающих здесь плоскоголовых? Пару дней назад мы столкнулись с их стаей. Признаться, я уже не сомневался, что наше путешествие там и окончится...

Слова Тонолана вызвали неожиданный интерес лосадунаи.

– Расскажи, что с вами приключилось, – попросил Ладуну, в голосе которого зазвучали тревожные нотки.

Тонолан поведал о том, что происходило на берегу реки в тот памятный день.

– Чароли! – выпалил Ладуну.

– Кто такой Чароли? – поинтересовался Джондалар.

– Молодой мужчина из пещеры Томаши, который вздумал сыграть роль подстрекателя. Он и банда негодяев решили поразвлечься с плоскоголовыми. До этих самых пор у нас не было с ними никаких проблем. Они оставались на своем берегу реки, мы – на своем. Если мы переправлялись на их сторону, они старались держаться поодаль, если только наше пребывание там не затягивалось. Но и в этом случае они только наблюдали за нами. Этого, впрочем, было вполне достаточно. Когда на тебя пялится целая стая плоскоголовых, ты поневоле начинаешь нервничать...

– Еще бы! – фыркнул Тонолан. – Но что ты имел в виду, говоря о том, что они решили развлечься с плоскоголовыми?

– Все началось с невинных вещей. Они мерились отвагой. Для того чтобы прикоснуться к плоскоголовому, нужно обладать недюжинной смелостью. С разъяренным плоскоголовым так просто не сладишь... Дальше – больше. Они стали охотиться за одиночками, для того чтобы, взяв в кольцо, вволю поиздеваться над ними и вывести их из себя. Медлительными плоскоголовых не назовешь, но вот ноги у них явно коротковаты. Обычно человек может убежать от них, хотя случается всякое. Затем банда Чароли занялась избиением плоскоголовых. Видимо, какому-то плоскоголовому удалось догнать одного из обидчиков, товарищам же последнего не оставалось ничего иного, как только прийти ему на помощь. Вскоре это вошло у них в обычай, при этом на одного плоскоголового нападало сразу по нескольку мужчин, но все равно им не удавалось выйти из боя без синяков.

– Звучит правдоподобно, – кивнул Тонолан.

– Потом они занялись еще более страшными вещами! – вставила Филония.

– Филония! Как ты можешь говорить о такой мерзости? Замолчи сейчас же! – в сердцах воскликнул Ладуну. Видно было, что он действительно разгневан не на шутку.

– И что же это такое? – спросил Джондалар. – Если нам придется путешествовать по землям плоскоголовых, лучше знать об этом все.

– Джондалар, вероятнее всего, ты прав. Все дело в том, что я не хочу говорить об этом в присутствии Филонии.

– Я взрослая женщина, – заявила та, однако голосу ее явно недоставало уверенности.

Ладуну посмотрел на нее долгим оценивающим взглядом и принял решение:

– Ладно. Их мужчины стали ходить по двое или группами. Разумеется, Чароли и его сотоварищи уже не могли справиться с ними. Тогда они начали дразнить их самок. Но самки плоскоголовых не умеют драться – они или пытаются спрятаться, или спасаются бегством. Короче говоря, эти мерзавцы решили позабавиться с ними иначе. Не знаю, кто это затеял... Скорее всего, зачинщиком и на сей раз был сам Чароли. Вот и все.

– Но ты так и не сказал, что же они делали с их самками?

– Они стали их насиловать... – Ладуня внезапно вскочил с бревна, его гнев сменился неистовой яростью. – Какая мерзость! Их поведение бесчестит Великую Мать, обращает ее дар в ничто! Скоты! Нет, они хуже скотов! Хуже плоскоголовых!

– Говоришь, они силой овладевали самками плоскоголовых? Но как это могло прийти им в голову? – изумился Тонолан.

– Они даже кичатся этим! – ответила Филония. – Как омерзительны эти мужчины! Я бы их к себе даже не подпустила.

– Филония! Я запрещаю тебе обсуждать это! Подобная грязь не должна занимать тебя! – повысил голос Ладуня, успевший к этому времени взять себя в руки.

– Я все поняла, Ладуня, – ответила она, понутив голову.

– Да, интересное дело... – заметил Джондалар, покачав головой. – Вот почему тот молодой запустил в меня камнем. Можно представить, как они разъярены... Иные из наших считают их людьми. Если это так...

– Я тоже слышал такие разговоры, – вздохнул Ладуня, пытаясь совладать со своими чувствами. – Не верь ты этому!

– Предводитель этого отряда мне понравился. И ходят-то они на двух ногах – как люди.

– Порой на задних лапах ходят и медведи. Плоскоголовые – животные! Животные тоже могут быть умными, верно? – Ладуня никак не мог унять овладевшего им возбуждения; не на шутку разволновались и его сородичи. – Обычно они безобидны – если, конечно, их не трогать, – продолжил он. – Похоже, они даже не понимают того, как это оскорбляет Мать. Такие игры до добра не доводят. Если эти животные рассвирепеют, нам не поздоровится.

– Да... Похоже, банда Чароли приготовила сюрприз и для нас, – вздохнул Тонолан. – Мы-то собирались переправиться на правый берег, чтобы не делать этого потом, когда река станет Великой Матерью.

Ладуня заулыбался. Стоило им перейти к обсуждению другой темы, как он успокоился.

– У Великой Матери много притоков, иные мало чем уступают самой реке, Тонолан. Если вы хотите пройти всю Великую Мать до самого ее устья, вам придется переправляться через них не раз и не два. Позвольте дать вам совет. Держитесь этой стороны, пока не окажетесь возле большого водоворота. Когда река достигнет равнин, она разделится на несколько рукавов. Переправляться через них куда легче, чем через Большую Воду. К тому времени станет теплее. Если вы хотите погостить у шармунай, идите от переправы на север.

– И где же находится этот твой водоворот? – спросил Джондалар.

– Я начерчу вам карту, – ответил Ладуня, достав кремневый нож. – Ланалия, дай-ка мне этот кусок коры. Возможно, шармунай укажут вам дальнейший путь. Учтывая то, что какое-то время уйдет у вас на охоту и переправы, вы окажетесь там, где река сворачивает на юг, только к лету.

– Лето... – мечтательно произнес Джондалар. – Я так устал от снега и льда, что жду не дожусь лета. Больше всего на свете люблю тепло.

Его вновь коснулась нога Ланалии. Джондалар опустил руку на ее бедро.

Глава 3

На небе уже стали загораться первые звезды, а Эйла все еще продолжала свой спуск по крутому скалистому склону лощины. Едва она начала спускаться вниз, ветер мгновенно стих; Эйла на миг приостановилась, чтобы сполна насладиться блаженной тишиной. Впрочем, крутые склоны преграждали путь не только ветру, но и лучам солнца. К тому времени, когда Эйла оказалась на дне лощины, густые заросли, окружавшие небольшую речушку, сверкание которой сверху казалось неправдоподобно ярким, стали сливаться в одну сплошную зубчатую тень.

Она утолила жажду студеной речной водой и тут же заметила неподалеку круто уходящую ввысь стену, отбрасывавшую почти непроницаемую тень. Решив не возиться с палаткой, она просто-напросто завернулась в одну из шкур, чувствуя себя рядом со стеной куда спокойнее, нежели в палатке, расставленной посреди равнины. Перед тем как заснуть, она заметила вышедший из-за скал месяц и отметила про себя, что через несколько дней наступит полнолуние.

Проснувшись Эйла от собственного крика!

Она тут же вскочила на ноги и стала вглядываться в кромешную мглу, окружавшую ее со всех сторон. Страх пронизывал тело, стучал в висках, пытался загнать ее сердце. Тут что-то сверкнуло и затрещало так, что она буквально ослепла и оглохла, однако уже в следующее мгновение пришла в себя и различила медленно падающую наземь вершину огромной сосны, сломленную страшной молнией, слетевшей с небес. Более страшного зрелища она еще не видела: полыхающее дерево освещало сцену собственной гибели, отбрасывая на каменную стену фантастические, гротескные тени.

Неистовое пламя грозно зашипело и тут же погасло – на землю обрушились потоки воды. Эйла прижалась к стене. Ее теплые слезы смешивались с холодными каплями проливного дождя. Первый далекий гром, похожий на гул, который бывает слышен во время землетрясений, пробудил в ее памяти еще одну картину. Деталей этого кошмара, вызывавшего тошноту и смертельный ужас, она не могла припомнить. Новая вспышка, новые грозные раскаты грома. Вспышка молнии высветила обломок некогда могучего дерева, сломленного легким движением сверкающего небесного пальца.

Дрожа от страха и холода, Эйла сжала в руке свой амулет и стала озираться по сторонам, пытаясь найти хоть какое-то убежище. Такая реакция лишь отчасти объяснялась молниями и громом. Эйла не очень-то любила грозы, однако успела к ним привыкнуть – обычно они были не столько разрушительными, сколько созидательными, ибо сопровождались сильным дождем. Она все еще чувствовала отголоски давнего ужаса, вызванного кошмарным воспоминанием о землетрясении. Землетрясения играли в жизни Эйлы поистине роковую роль, лишая ее тех немногих радостей, которые выпадали на ее долю, и потому она страшилась их более всего.

Почувствовав, что промокла насквозь, Эйла достала из корзины шкуру, служившую ей пологом. Положив ее поверх своего мехового ложа, она легла между шкурами и попыталась согреться. Прежде чем ей это удалось, прошла добрая половина ночи. Заснула Эйла, лишь когда стихла гроза.

Птицы наполнили утренний воздух щебетанием, чириканьем и хриплым карканьем. Эйла выбралась из-под мехового полога и не без удовольствия огляделась вокруг. Зеленый, все еще мокрый после ночного дождя мир блистал в лучах утреннего солнца. Она находилась на широком каменистом берегу небольшой, постоянно петляющей речки, текущей в южном направлении, там, где эта речка поворачивала на восток.

На противоположном берегу росли высокие сосны с темно-зеленой хвоей, кроны которых доходили до самого верха стоявшей за ними отвесной каменной стены. Любая их попытка

подняться выше над краем лошины пресекалась свирепыми степными ветрами. Это придавало самым высоким деревьям весьма странный вид – они начинали расти уже не ввысь, а вширь. Огромный великан, удивительную симметрию которого нарушали несколько ветвей, отходивших от ствола под прямым углом, стоял рядом с другим гигантом с опаленной, искромсанной верхушкой. Деревья теснились на узкой полоске земли, пролегавшей между речной излучиной и стеной; то тут, то там виднелись голые корни сосен, стоявших на том берегу.

На ее стороне росли совсем иные деревья: нежные ивы клонили к воде свои тонкие гибкие ветви с бледно-зелеными вытянутыми листочками; трепетали высокие осины; рослые белоствольные березы гордо высились над зарослями скромной ольхи, состоявшей с ними в близком родстве. Меж деревьев вились лианы, кустарник поражал своей густотой и многообразием.

Эйла провела в выжженных, сухих степях столько времени, что успела забыть о том, сколь прекрасной может быть свежая зелень. Чистые воды реки манили ее своим ласковым блеском. Совершенно забыв о недавней буре, Эйла понеслась к берегу. Прежде всего ей захотелось утолить жажду; затем она сбросила с себя накидку, предварительно развязав длинный ремень, сняла амулет и, заметив, что дно реки круто уходит вниз, смело бултыхнулась в воду. Вынырнув на поверхность, она неспешно поплыла к крутому противоположному берегу.

Студеная речная вода приятно охладила ее тело. С каким удовольствием Эйла смыла с него степную пыль и грязь, вьезшуюся в поры! Она поплыла против течения и вскоре почувствовала, что оно сделалось куда сильнее; берега же стали заметно круче и выше. Она легла на спину и расслабилась, отдавшись воле потока, не замедлившего повлечь ее за собой. Она посмотрела вверх, на лазурное небо, видневшееся между утесами, и заметила на круче темный провал. «Может, это пещера? – вспыхнуло в ее сознании. – Хорошо бы добраться до нее».

Молодая женщина вышла на берег и, решив обсохнуть, села на теплые камни. Ее вниманием завладели птицы, оглашавшие громким криком кустарник. Часть птиц сновала по земле в поисках червей, которых выгнал на поверхность ночной ливень, другие скакали с ветки на ветку, лакомясь ягодами, усыпавшими кусты.

Вот это малина так малина! Еще никогда в жизни Эйла не видела таких крупных ягод. Птицы приветствовали ее появление дружным шумом крыльев и тут же опустились на окрестные кусты. Она принялась с аппетитом уплетать сладкие сочные ягоды, затем сполоснула руки в реке и надела амулет. Вид засаленной, грязной, насквозь пропахшей потом накидки заставил ее сморщиться. Другой одежды у нее не было. Когда она вернулась в пещеру, в которой после землетрясения царил полнейший беспорядок, она думала лишь о выживании и потому брала только самое необходимое, не заботясь о таких пустяках, как смена летней накидки.

Она думала о выживании все это время. Но безнадежные мысли о будущем, навеянные картиной бесконечных и безрадостных степей, моментально оставили ее, стоило ей увидеть свежую зелень долины. Малина не только не насытила ее, но, напротив, вызвала острое чувство голода. Ей хотелось съесть что-нибудь более существенное. Немного помедлив, Эйла направилась к месту своего ночлега, чтобы достать из корзины пращу. Она расстелила вымокшую и потяжелевшую шкуру на согретых солнцем прибрежных камнях и, надев на себя грязную накидку, приступила к поискам гольшей подходящих размеров и формы.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что берег сложен не только из камней. Эйла увидела массу темно-серого плавника и выбеленных солнцем костей, целая груда которых лежала возле возвышавшегося над берегом скального выступа. Неистовые весенние паводки вырывали с корнем деревья и уносили с собой животных, по неосторожности попадавших в страшную узкую теснину, выбраться из которой они уже не могли. В конце концов их прибило к скале, перегораживавшей реку, а ревущий поток обходил ее стороной и несся дальше. Эйла увидела здесь гигантские олени рога, длинные рога зубров и несколько мамонтовых бивней – даже огромные мамонты не смогли совладать с безудержной силой бурных вод. Здесь

же, возле скалы, лежало несколько крупных валунов, между которыми Эйла заметила светло-серые камни размером поменьше.

«Это же кремь! – воскликнула про себя Эйла, присмотревшись получше. – Я уверена в этом. Конечно, хорошо бы отколоть кусок с помощью отбойника, но я и так не сомневаюсь». Она поискала на берегу небольшой округлый голыш, который хорошо ложился бы в руку. Обнаружив подходящий камень, она попыталась сбить с него грязно-белые известковые наросты. Белесый покров легко раскололся, и она увидела слегка поблескивающую темно-серую поверхность находившегося под ним плотного камня.

«Кремь! Так я и думала! Сколько разных орудий можно изготовить из этих камней! Я смогу сделать сразу несколько штук – про запас... Тогда и пользоваться ими можно будет без опаски...» Она подобрала еще несколько камней, вымытых из известковых отложений, находящихся выше по течению. Неожиданное открытие вдохновило ее на дальнейшие поиски.

Там, где возвышалась стена, которая во времена паводков становилась естественной преградой для низвергавшегося сверху потока, река делала излучину. Нынешний уровень воды позволял легко обогнуть скалу. Именно так и поступила Эйла. Стоило ей заглянуть за каменную громаду, как она буквально остолбенела от изумления. Перед ней расстилалась долина, виденная ею сверху.

За излучиной река разом становилась много шире и мельче – то тут, то там из-под воды виднелись камни. Поток отклонялся на восток и жался к дальнему склону лощины. Судя по пышности и высоте деревьев и кустов, росших на ближнем берегу, они были надежно защищены от свирепых степных ветров. Склон, видневшийся за каменной грядой, находившейся слева от Эйлы, уходил далеко в сторону, постепенно выглаживаясь и сливаясь со степной равниной, лежавшей к северу и востоку от лощины. По широкой долине, поросшей высокими травами, гуляли волны, что поднимались порывами ветра, слетавшего с северного склона. Далеко внизу, в центре долины, паслось небольшое стадо степных лошадей.

Эйла, пораженная красотой и спокойствием открывшейся ей картины, не верила собственным глазам: кто бы мог подумать, что здесь, посреди ветреных пустынных степей, может существовать подобное место? Эта долина была чудесным оазисом, скрытым от непогоды безводных степей в укромной низине, микрокосм изобилия, явленного природой, уставшей от собственной вынужденной скупости и решившей сверх всякой меры излить свои щедроты на эту маленькую лощину.

Молодая женщина стала с интересом разглядывать пасущихся вдали лошадей. Это были крепкие, коренастые животные с достаточно короткими для лошадей ногами, мощными шеями и тяжелыми крупными головами. Вытянутые морды с раздутыми ноздрями вызвали в ее памяти лица некоторых людей из клана. Лошадки были на удивление лохматы и отличались от лошадей, виденных Эйлой прежде, своими короткими жесткими гривами. Несколько животных имели серые шкуры, однако по большей части они были коричневато-желтыми, различаясь в оттенках – от нейтрального бежевого, похожего на цвет здешних земель, до цвета сена. Немного в стороне от остальных стоял светлый жеребец; Эйла заметила в табуне несколько жеребят точно такого же цвета. Жеребец поднял голову, затряс своей короткой гривой и громко заржал.

– Что, гордишься своим племенем? – усмехнулась Эйла.

Она пошла вдоль поля, стараясь держаться возле кустарника, росшего по берегу реки, бессознательно примечая растения, обладающие лечебными свойствами или пригодные для пищи. Это умение было частью искусства целительницы, которому ее обучали в клане. Ее учили определению и сбору целебных трав, Эйла распознавала их практически мгновенно. Но на сей раз ее больше интересовали съедобные растения.

Она не обратила внимания на характерные высокие высохшие зонтики, указывавшие на то, что на глубине нескольких дюймов она сможет найти морковь. Но впечатление это было

обманчивым. Она запомнила это место так хорошо, словно оставила на нем особую мету, решив пока не трогать морковь. Тут же ее острый взгляд упал на след зайца, и она мгновенно напряглась, понимая, что ей хочется именно мяса.

Опытная охотница бесшумно шла по следу, находя то свежий заячий помет, то смятые травинки, то еле заметные отпечатки заячьих лап на сырой земле, пока не увидела неподалеку самого зайца, притаившегося в высокой траве. Она достала свою пращу из-за пояса и осторожно извлекла из складки шкуры пару камней. Животное стрелой помчалось прочь, но было уже поздно. С изяществом, наработанным за многие годы практики, Эйла метнула камни один за другим и удовлетворенно услышала два глухих удара. Оба снаряда угодили в цель.

Эйла подобрала с земли свою добычу и попыталась припомнить, когда именно она освоила технику двух последовательных бросков. Излишне самоуверенная попытка убить таким образом рысь позволила ей оценить и пределы применения подобного приема. Надо сказать, что технику эту, суть которой состояла в практически одновременном совершении двух последовательных бросков (второй камень вкладывался в петлю на возвратном движении пращи), Эйле удалось освоить далеко не сразу.

На обратном пути она сломала одну из нижних ветвей небольшого деревца и заострила ее толстый конец, чтобы накопать дикой моркови. Она положила морковь в складку своей накидки и, прежде чем вернуться к реке, запаслась парой рогатин. Положив зайца и корнеплоды, Эйла достала из корзины палочку и дощечку, с помощью которых добывала огонь, и стала собирать дрова: хворост и сухой плавник, лежавший на берегу рядом с костями. С помощью того же орудия, которое использовалось ею для заточки копалки, имевшей на остром конце небольшую развилку, принялась строгать сухие ветки. Она добавила к стружке предварительно размочаленные сухие стебли полыни и пух семенных коробочек кипрея.

Эйла подыскала самое удобное для разведения костра место, разложила дрова на отдельные кучки, рассортировав их по размерам, и положила рядом трут и лучину. Хорошенько рассмотрев дощечку, вырезанную из сухого побега ломоноса, она взяла в руки каменную провертку и сделала с ее помощью небольшое углубление, после чего вставила в него сухую одревеневшую веточку прошлогоднего рогоза, чтобы измерить глубину лунки. Она положила пух кипрея в выемку, сделанную в куске волокнистой коры, разместив последнюю точно под лункой, сделанной в дощечке, зажала ее между колен и, вставив в нее веточку рогоза, попыталась сосредоточиться. Добывание огня требовало немалых усилий.

Зажав верхний конец палочки между ладонями, она принялась тереть ими друг о друга, вследствие чего палочка начала вращаться то в одном, то в другом направлении, и одновременно слегка придавила вращающуюся палочку к дощечке. Через какое-то время ее медленно сползавшие вниз руки оказались возле самой дощечки. Если бы у нее был помощник, он перехватил бы палочку сверху, не прерывая вращения. Однако такового не существовало, и поэтому ей не оставалось ничего иного, как только прекратить на миг процесс добывания огня и начать его практически сызнова, пытаясь не терять при этом ритма вращения и не ослаблять давления, ибо тепло, выработанное при трении соприкасающихся поверхностей, моментально рассеивалось. Непростой труд добывания огня нельзя было прерывать ни на миг.

Эйла продолжала совершать ритмичные движения, не обращая внимания на капельки пота, то и дело затекавшие ей в глаза. Лунка становилась все глубже и глубже, в ней накапливались мельчайшие опилки мягкой древесины. Она почувствовала запах гари и увидела тонкую струйку дыма, поднимавшуюся из почерневшей лунки, после чего взялась за дело с удвоенной энергией, хотя руки ее уже начинали ныть от усталости. Наконец на дне дощечки появился маленький тлеющий уголек, который быстро прожег ее насквозь и упал в выемку, наполненную сухим трутом. Следующий этап добывания огня был еще ответственнее. Погасни уголек в это мгновение, все пришлось бы начинать сначала.

Она склонила голову так низко, что почувствовала тепло уголька, и принялась осторожно раздувать его. При каждом ее дуновении он разгорался все ярче и ярче, но стоило остановиться, чтобы перевести дух, как он тут же начинал гаснуть. Она насыпала на тлеющий уголек сухих завивающихся стружек. Какое-то время они просто тлели, но уже через минуту над ними заплясал крошечный огонек. Эйла вновь принялась раздувать тлеющий уголек, добавив еще одну горсть стружек. Когда они разгорелись, она стала подкладывать в этот маленький костерок кусочки сухой коры и маленькие веточки.

Эйла позволила себе расслабиться только после того, как занялись сухие коряги, которые она притащила с берега. Немного передохнув, она вновь отправилась за дровами и сложила их неподалеку от костра. После этого она достала из корзины орудие с зазубренным режущим краем и с его помощью стала счищать кору с зеленой ветки, которую она использовала для выкапывания моркови. Эйла воткнула рогатины по сторонам костра и, убедившись в том, что заостренная зеленая ветка длиннее, чем расстояние между ними, занялась зайцем. Прежде всего с него следовало снять шкуру.

К тому времени, когда дрова прогорели и костер обратился в груды пылающих жаром угольев, готовый к жарке заяц был уже насажен на вертел. Она стала было заворачивать внутренности зверька в шкуру, чтобы выбросить и то и другое (именно так она и поступала во время своего путешествия), но внезапно ей в голову пришла неожиданная мысль. «Я смогу использовать эту шкуру, – подумала она. – На все про все уйдет день-другой...»

Она сполоснула морковь в водах реки, заодно смыв с рук заячью кровь, и завернула ее в листья подорожника. Эти большие волокнистые листья были съедобными, но главное их применение состояло в ином – их накладывали на раны и ушибы. Завернутую в листья подорожника морковь Эйла положила возле горящих угольев.

В течение какого-то времени она отдыхала, сидя у костра, после чего решила заняться выделкой пушистой шкурки. Пока тушка зайца жарилась на вертеле, Эйла соскребала с изнаночной стороны его шкурки кровеносные сосуды, волосяные фолликулы и плеву. Скребло ее было давно сломано, и она подумала о том, что ей следовало бы обзавестись новым инструментом.

Она работала, монотонно мыча и размышляя о насущных проблемах. «Быть может, мне придется задержаться здесь на несколько дней, чтобы закончить выделку шкуры. Да и орудиями неплохо бы заняться. Еще нужно будет сходить вверх по течению и заглянуть в ту пещеру... Какой приятный запах... В этой пещере я могла бы прятаться от дождя, хотя, кто знает, нужно ли мне это?»

Она поднялась на ноги и повернула вертел. «Задерживаться нельзя... Мне нужно отыскать людей, прежде чем придет зима». Она перестала скрести шкуру, все ее внимание теперь было сосредоточено на круговерти стремительно сменявших друг друга мыслей и образов. «Где же они? Иза говорила, что на большой земле Других полным-полно. Но тогда почему мне не удастся их отыскать? Что мне теперь делать, Иза?» Неожиданно из ее глаз хлынули слезы. «Иза, Иза... Как мне тебя не хватает... И Креба тоже. И Убы. И Дарка, моего сладкого ребеночка. Дарк, как без тебя плохо. Ты даже не представляешь, каково мне было тебя оставить. Не слушай их – никакой ты не ненормальный, просто ты немного другой. Ты похож на меня... Нет, не на меня... Ты такой же, как все члены клана, – просто ты немного повыше, да и голова у тебя имеет другую форму. Когда-нибудь ты станешь великим охотником. Научись пользоваться пращой. В быстроте ног с тобой не сравнится никто. На Сходбище клана ты выиграешь во всех состязаниях. Впрочем, в борьбе ты можешь кому-то и уступить, но это не значит, что ты будешь слабым. Но кто станет играть и перекликаться с тобой? Кто будет довольно сопеть у тебя под боком?»

Тыльной стороной ладони Эйла смахнула с глаз слезы, решив, что нужно отвлечь себя от этих тягостных раздумий.

«Нет, Дарк, я буду только рада, если рядом с тобой появятся люди, которым ты будешь дорог. Когда ты подрастешь, твоей супругой станет Ура. Ода обещала мне, что вырастит из нее настоящую женщину. Ура тоже нормальная. Просто она отличается от них – точно так же, как и ты. О-хо-хо... А найду ли себе пару я сама?»

Эйла вновь поднялась с земли и принялась разглядывать жарившегося на вертеле зайца, пытаясь как-то отвлечься. Мясо еще не изжарилось, но это не означало, что его нельзя есть. Мелкая светло-желтая морковь имела резкий сладковатый вкус. Эйле не хватало соли, к которой она успела привыкнуть за время жизни на берегу внутреннего моря, но голод, как известно, способен заменить собой все приправы. Утолив его, она вернула вертел с остатками мяса на прежнее место, сама же вновь принялась за выскребание шкурки, чувствуя себя куда лучше.

К тому времени, когда она надумала отправиться в замеченную утром пещеру, солнце уже стояло в зените. Она разделась и, переплыв через реку, стала выбираться на противоположный берег, держась за корни. Стена оказалась куда круче, чем ей виделось вначале. Когда ей наконец удалось добраться до узкого выступа, находившегося перед входом в пещеру, Эйла не раз пожалела, что затеяла это, тем более что пещера на деле оказалась небольшим гротом. Помет гиены, замеченный ею в дальнем темном углу, свидетельствовал о том, что сверху, из степи, было куда проще добраться до грота, но от этого грот, увы, не становился больше.

Она начала спускаться вниз, и тут вниманием ее завладел скальный массив, шедший по противоположному склону распадка и доходивший до знакомой речной излучины. К своему несказанному удивлению, Эйла заметила на поверхности утеса еще одну пещеру, которая, судя по всему, имела куда большие размеры. С того места, где стояла Эйла, хорошо просматривался путь, которым можно было добраться до темного провала. Сердце ее возбужденно забилося. Если пещера окажется достаточно просторной, она сможет провести ночь в сухом месте. Эйла почувствовала такое воодушевление, что не стала спускаться до самого низа стены, а, добравшись примерно до середины, спрыгнула в реку.

«Должно быть, вчера вечером я прошла мимо этой пещеры, когда стала спускаться в лощину, – подумала она, взбираясь на противоположный берег. – Тогда было слишком темно». В тот же миг она вспомнила о том, что к неизвестной пещере следует приближаться с известной осторожностью, и отправилась к месту своего привала, чтобы взять с собой пращу и несколько камней поувесистее.

Хотя вчерашний спуск показался ей очень сложным, оказалось, что подняться на этот склон можно даже без помощи рук. За тысячелетия существования лощины река глубже врезалась в противоположный берег, который вследствие этого стал куда круче. Вскоре Эйла оказалась возле входа в пещеру и взяла свою пращу на изготовку.

Все ее чувства разом ожили. Она напрягла слух, ожидая услышать дыхание зверя или тихую поступь его лап; всматривалась вглубь пещеры, надеясь обнаружить следы ее последнего обитателя; принюхивалась, пытаясь понять, не пахнет ли здесь хищником, или свежими экскрементами, или кровью, – при этом рот ее был слегка приоткрыт, что позволяло ей улавливать тончайшие запахи. Не почувствовав ничего сколько-нибудь подозрительного, она бесшумно направилась ко входу в пещеру, полагаясь теперь скорее не на рассудок, а на интуицию. Остановившись перед темным провалом, она вновь попыталась заглянуть в его глубины.

Она не увидела ничего.

Вход в пещеру был обращен к юго-западу и имел достаточно небольшие размеры. Верхний край провала находился у нее над головой, и она могла достать до него рукой. Дно пещеры казалось сравнительно ровным, однако сразу за входом имелась небольшая ложбинка. Она была покрыта принесенным ветром песком, глиной и всевозможным мусором, оставшимся от прежних обитателей пещеры. Именно благодаря этим позднейшим наслоениям дно пещеры, некогда каменистое и изломанное, и стало таким ровным.

Сколько Эйла ни вглядывалась в полумрак, ей не удавалось заметить никаких следов того, что пещера была обитаемой. Она бесшумно вошла внутрь, поразившись царившей в пещере прохладе, которая после пекла раскаленного солнечными лучами склона казалась особенно ощутимой и благодатной, и остановилась, ожидая, когда ее глаза привыкнут к темноте. Внутри было куда светлее, чем она полагала прежде; в следующее мгновение Эйле стало понятно почему: солнечный свет проникал через находившееся неподалеку от входа небольшое отверстие в верхнем своде. Она тут же подумала о практической ценности этой дыры – через нее мог выходить дым от разведенного в пещере костра.

Другим преимуществом являлась дыра, благодаря которой пещера освещалась настолько хорошо, что Эйле были видны едва ли не все ее углы и закоулки. Пещера не производила впечатления очень уж большой, но ее нельзя было назвать и маленькой. Стены ее расходились от входа в разные стороны, упираясь в почти плоскую заднюю стену. Таким образом, пещера имела форму треугольника, вершиной которого являлся вход, при этом восточная его сторона была существенно протяженнее западной. Самым темным местом был дальний угол, с которого Эйла и решила начать свои изыскания.

Она стала красться вдоль восточной стены, выискивая взглядом трещины или туннели, которые могли вести в сокровенные глубины подземелья, где, может так случиться, таилось что-то ужасное. Возле самого угла лежала груда камней. Эйла осторожно поднялась на нее и оказалась возле каменной ступени, за которой темнел еще один провал.

Она было пожалела, что не взяла факел, но тут же поняла, что он ей вряд ли понадобится. Она не слышала и не чувствовала никаких указаний на то, что там, в темноте, скрывается какое-то живое существо. Взяв пращу и камни в одну руку, поскольку ей не пришлось в голову набросить на себя накидку, в которую она могла бы поместить свое оружие, Эйла поднялась на темную ступень.

Туннель был существенно ниже, чем пещера, – чтобы войти в него, Эйле пришлось пригнуться. Уже в следующее мгновение она поняла, что это всего-навсего небольшой грот с изогнутыми сводами. В дальнем его углу валялась груда костей. Взяв одну из них, Эйла обошла грот и вышла в первую пещеру, стараясь держаться западной стены. В пещере не было другого выхода – то, что вначале представилось Эйле туннелем, ведущим неизвестно куда, оказалось небольшой нишей. Здесь она могла чувствовать себя в полнейшей безопасности. Мало того, пещера эта была необычайно уютной.

Эйла вышла на дальний край террасы, находившейся перед входом в пещеру, и, прикрыв глаза от солнца, огляделась вокруг. Она стояла на самой вершине скального массива. Справа она видела каменистый берег реки и уже знакомую груду плавника и костей. Слева простиралась широкая, поросшая высокими травами долина. Вдалеке река вновь поворачивала на юг, огибая основание противоположной стены, в то время как левый берег постепенно становился все более и более пологим и наконец совершенно сливался со степью.

Эйла принялась рассматривать свою находку. Это была старая, разохшаяся берцовая кость гигантского оленя, на которой ясно запечатлелись клыки зверя, разгрызшего ее, чтобы полакомиться костным мозгом. След их казался Эйле странно знакомым, однако она не могла понять, что же это был за зверь. Можно было не сомневаться в том, что клыки эти принадлежали хищной кошке. Эйла знала плотоядных лучше, чем любой из членов клана, она даже охотилась на мелких и средних хищников. Эти же клыки принадлежали не просто крупной, но по-настоящему гигантской кошке. Эйла резко развернулась и посмотрела на вход в пещеру совсем другими глазами.

Пещерный лев! Эту кость она подобрала в логовище пещерных львов! Найденный ею грот был идеальным местом для львицы и ее потомства. Эйла задумалась. Вероятно, ей не следовало бы ночевать здесь. Ночевка эта могла оказаться совсем не безопасной. Она вновь перевела взгляд на кость. Та явно была старой: пещера, судя по всему, пустовала уже несколько

лет. К тому же перед входом в нее Эйла могла развести костер, который отпугнул бы любого зверя.

Пещера чрезвычайно понравилась Эйле. Таких удобных она еще не видела. Высокие своды, ровный земляной пол. Наверняка там всегда сухо: весенний паводок вряд ли способен затопить ее – уж слишком высоко она находится. Есть даже отдушина для дыма. Эйла подумала о том, что ей следует перетащить сюда свою шкуру и корзину, после чего можно будет заняться дровами и разведением костра. Она поспешила вниз, к реке. Вернувшись назад, она расстелила шкуры на согретом солнцем каменном выступе, занесла корзину в пещеру и стала таскать снизу дрова, решив попутно подыскать и камни для очага.

Эйла недоуменно застыла.

«Зачем мне очаг? Я собираюсь пробыть здесь всего несколько дней. Я должна найти людей. И это должно произойти прежде, чем наступит зима... А если я их так и не найду?»

Эта мысль витала в ее сознании уже долгое время, но высказать ее внятно и отчетливо Эйла до сих пор не решалась – ей было страшно.

«Что произойдет, если настанет зима, а я так и не смогу отыскать людей? Мне будет нечего есть. У меня не будет сухой теплой пещеры, в которой я могла бы найти защиту от ветра и снега...»

Она вновь посмотрела на пещеру и прекрасную, защищенную от непогоды долину, по которой мирно бродили лошади.

«Эта пещера устроила бы меня как нельзя лучше. Когда еще я смогу найти что-то подобное? А долина? Здесь можно заняться собирательством и охотой и запасти пищу впрок. Вода есть. Дров хватит на множество зим. Даже кремень здесь есть. А вот ветра нет. Словом, все, что нужно для жизни, – все, кроме людей...»

Не знаю, смогу ли я провести в полном одиночестве целую зиму? Но она ведь уже не за горами... Если идти, то сейчас – иначе останусь без припасов. А вдруг я действительно никого не найду, что тогда? И еще, почему я так уверена в том, что Другие согласятся принять меня в свое племя? Я ведь их совсем не знаю. Они могут быть такими же плохими, как Бруд. Вспомни, что произошло с бедняжкой Одой. Она говорила, что ее насиловали Другие, которые внешне походили на меня. А если все они такие?»

Эйла вновь обвела взглядом скальный массив и долину. Подойдя к краю террасы, она столкнула вниз небольшой камень, посмотрела на лошадей, пасущихся вдаль, и приняла окончательное решение.

– Все, лошадки, – сказала она вслух. – Я решила на какое-то время задержаться в вашей долине. На поиски Других я отправлюсь только будущей весной. Если я не начну готовиться к зиме прямо сейчас, я просто не доживу до весны.

Речь Эйлы являла собой несколько повторяющихся маловыразительных гортанных звуков. Она прибегала к помощи звуков только в тех случаях, когда ей нужно было назвать кого-то по имени или эмоционально окрасить богатый, сложный язык жестов, которым она владела в совершенстве, – руки ее при этом совершали точные и выверенные, не лишённые изящества движения. Иных языков она не помнила.

Приняв решение, Эйла почувствовала чрезвычайное облегчение. Она страшилась покидать эту чудесную долину, памятуя об изнурительных скитаниях по безводным ветреным степям. Мысль о продолжении пути казалась ей теперь безумной и устрашающей. Стремительно спустившись к реке, она наклонилась, чтобы подобрать с камней накидку и амулет. Она уже хотела взять мешочек с амулетом, но тут заметила рядом с ним небольшую блестящую ледышку. Эйла изумленно взяла ее в руку, силясь понять, как и откуда здесь мог появиться лед, – ведь лето было в самом разгаре. Ледышка оказалась совсем не холодной, она имела гладкие плоские грани правильной формы. Эйла принялась вертеть ее в руках, любясь сверканием граней в солнечном свете. Неожиданно луч, упавший на кристалл, преломился радужным

спектром. Затаив дыхание, Эйла смотрела на радугу, возникшую на земле у нее под ногами. Кристалл кварца буквально потряс ее, тем более что она еще никогда в жизни не видела ничего подобного!

Кристалл этот – так же как и найденный Эйлой кремень – являлся эрратическим, принесенным сюда из других земель. Отломленный от своей глыбы вместе со льдом – элементом, на который он был похож, – он двигался вместе с его нараставшей массой до той поры, пока не вытаял и не попал в аллювий, откуда его вымыли талые ледниковые воды.

Эйла охнула и села наземь, почувствовав, как по спине ее побежали мурашки. Она подумала о том значении, которое имел этот камень для нее самой. Ей вспомнились слова Креба, сказанные им давным-давно, в ту пору, когда она была еще совсем маленькой девочкой...

Стояла зима. Старый Дорв рассказывал соплеменникам свои истории. Поразившись рассказанной им легенде, Эйла обратилась за разъяснениями к Кребу. Речь пошла о тотемах и их значении.

– Тотемы хотят жить в определенном месте. Скорее всего, они бросают бездомных людей, если те странствуют слишком долго. Ты ведь не хочешь, чтобы твой тотем оставил тебя, правда?

Эйла коснулась своего амулета:

– Мой тотем не оставил меня, хотя я была одна и у меня не было дома.

– Все очень просто. Он испытывал тебя. Он нашел тебе дом, верно? Пещерный Лев – сильный тотем, Эйла. Он выбрал тебя и потому может стать твоим покровителем. Но дело не в этом – тотему больше нравится жить дома. Если ты будешь слушаться его, он обязательно поможет. Он подскажет, что тебе следует делать, понимаешь?

– Но как я его услышу, Креб? – удивилась Эйла. – Я никогда не видела духа Пещерного Льва. Как же я пойму, что он мне что-то говорит?

– Ты не можешь увидеть дух своего тотема, поскольку он живет в тебе самой и является частью тебя, понимаешь? И все-таки он говорит с тобой. Поймешь ты его или нет – зависит только от тебя самой. Когда ты будешь принимать какое-то решение, он будет рядом с тобой. Если твой выбор будет правильным, он подтвердит его особым знаком.

– Каким таким знаком?

– Мне трудно ответить на этот вопрос. Это может быть что-то... необычное. Чудесный камень, каких тебе никогда не доводилось видеть, или корень характерной формы, вызывающий у тебя определенные мысли или чувства. Ты должна научиться внимать всем сердцем и разумом, а не глазами и ушами – тогда ты будешь постоянно слышать голос тотема. Когда придет это время и ты обнаружишь знак, оставленный для тебя тотемом, положи его рядом со своим амулетом. Он принесет тебе счастье.

«Пещерный Лев, покровительствуешь ли ты мне так же, как и прежде? Твой ли это знак? Правильное ли я приняла решение? Ты хочешь, чтобы я осталась в этой долине?»

Эйла держала чудесный кристалл в ладонях и, прикрыв глаза так, как учил ее Креб, пыталась прислушиваться к себе, к своему сердцу и разуму. Она хотела понять, не оставил ли ее тотем. Она стала вспоминать о том, как ее вынудили уйти из клана, после чего она отправилась в дальнюю дорогу в надежде найти людей. Иза советовала ей идти на север. Она шла на север до той поры, пока...

«Пещерные львы! Мой тотем прислал их для того, чтобы я повернула на запад и попала в эту долину! Он хотел, чтобы я нашла ее. Ему надоело слоняться с места на место, и он решил, что эта долина станет его домом. Ведь в этой пещере некогда жили пещерные львы... Это его дом... Ему здесь хорошо. Выходит, он не захотел оставить меня? Да, наверняка он решил остаться со мной!»

Эта мысль тут же наполнила покоем душу Эйлы, унося невероятное напряжение, о котором она сама не подозревала до последней минуты. Она улыбнулась и принялась ослаблять узел ремешка, стягивавшего горловину кожаного мешочка. Развязав мешочек, она вытряхнула его содержимое на землю, после чего стала подбирать находившиеся в нем предметы и складывать их обратно.

Первым был кусок красноватой охры. Все члены клана носили с собой по кусочку священного красного камня, являвшегося наипервейшим предметом любого амулета. Камень этот был роздан членам клана в тот день, когда Мог-ур раскрыл значение их тотема. Обычно тотемы даются еще при рождении, Эйла же узнала свой тотем только в пять лет. Креб назвал его вскоре после того, как ее нашла Иза, – это произошло во время ее принятия в клан. Эйла почесала шрамы, оставленные лапой зверя, и перевела взгляд на другой предмет – окаменелого брюхоногого моллюска.

Казалось, что раковина эта принадлежит какому-то морскому созданию, однако на деле она являлась камнем. Это был первый знак, данный ей тотемом, одоббившим ее решение заняться охотой и освоить технику метания камней из пращи. Она охотилась только на хищников, поскольку не могла возвращаться в пещеру с добычей, бросать же в степи убитых съедобных животных ей не хотелось. Хищники же были куда умнее и опаснее всех прочих тварей, что способствовало развитию у Эйлы особых охотничьих навыков.

Следующим предметом, который Эйла подобрала с земли, был ее охотничий талисман – небольшой, покрытый охрой овал, вырезанный из мамонтовой кости и подаренный Эйле Браном. Она получила его после устрашающей и в то же самое время чарующей церемонии, во время которой она стала Женщиной, Которой Дозволено Охотиться. Она потрогала рукой маленький шрам, оставшийся на ее шее. Во время той памятной церемонии Креб сделал ей этот надрез с тем, чтобы умиловить духов предков ее кровью.

Следующий предмет обладал для нее особым значением – глядя на него, ей хотелось плакать. Она зажала в руке три сросшиеся друг с другом блестящие шишечки железного колчедана. Этим знаком тотем дал ей понять, что сын ее останется жив. Последним предметом являлся черный кристалл двуокиси марганца. Мог-ур дал его в тот день, когда она стала целительницей; вместе с этим камнем она получила частицу духа каждого из членов клана. Эйла напряженно наморщила лоб. «Если Бруд проклял меня, значит тем самым он проклял всех? Когда Иза умерла, Креб забрал духов, чтобы она не увела их вместе с собой. А у меня их никто не забирал».

Ею овладело донельзя странное чувство. С того самого времени, когда Креб таинственным образом узнал о том, что она другая, с ней стали случаться приступы небывалой тоски. Ей казалось, что с той поры внутри у нее что-то изменилось. Мысль о том, как может отразиться на клане ее смерть, перепугала Эйлу. Она почувствовала слабость, руки и ноги стало покалывать, к горлу подступила тошнота...

Эйла попыталась избавиться от этого тягостного чувства, отогнать его от себя. Уложив в мешочек свои реликвии и добавив к ним кристалл кварца, она туго затянула ремешок, после чего принялась рассматривать его, дабы убедиться в том, что на нем нет порезов и чрезмерных потертостей. Креб говорил: если она когда-нибудь потеряет этот мешочек, ее ждет верная смерть. Надев его на себя, она почувствовала, что он заметно потяжелел.

Эйла продолжала сидеть на каменистом берегу, силясь понять, что произошло с ней перед тем, как ее нашли ребенком. Она не помнила об этом ровным счетом ничего. Ясно было одно: она совершенно не походила на людей из клана. Мало того, у нее было совсем другое лицо, она отличалась от них и высоким ростом, и светлой кожей. Она видела свое отражение в спокойной воде, и оно казалось ей уродливым. Об этом же ей говорил и Бруд, и все остальные. Огромная безобразная женщина, к которой не захочет подойти ни один мужчина.

«Мне тоже ни один из них не нравился, – подумала Эйла. – Иза говорила, что мне нужен мужчина из моего собственного племени... А вдруг я не понравлюсь и Другим? Кому нужна большая безобразная женщина? Уж лучше остаться в этой долине. Других-то я, может, и найду, а вот пару себе отыщу вряд ли...»

Глава 4

Джондалар припал к земле, наблюдая за табуном из-за высоких золотисто-зеленых трав, согнувшихся под тяжестью зреющих семян. Воздух пах лошадьми, но сухой ветерок, дувший со стороны потных, разгоряченных животных, был тут ни при чем – запах этот источало тело Джондалара, натершегося свежим лошадиным навозом, дабы скрыть собственный запах в том случае, если направление ветра внезапно изменится.

Его бронзовая спина была сплошь усеяна бисеринками пота. Пот стекал с его висков ручьями. Выгоревшие волосы пристали ко лбу. Длинная непослушная прядь, выбившаяся из-под ремешка, надетого на шею, лезла в глаза. Джондалара то и дело кусали отвратительные мухи, привлеченные запахом его потного тела. Левая нога совершенно занемела из-за крайне неудобной позы.

Впрочем, он практически не обращал внимания на эти мелкие неудобства. Он во все глаза смотрел на жеребца, который нервно пофыркивал и бил копытом, почуяв опасность, угрожавшую ему и его гарему. Кобылы, то и дело переходившие с места на место, встали меж людьми и своими жеребятами, однако по-прежнему продолжали щипать травку.

Тонолан застыл в траве в нескольких футах от Джондалара, в каждой его руке было по дротику. Он вопросительно взглянул на брата. Джондалар поднял голову и указал взглядом на серовато-коричневую кобылу. Тонолан кивнул и отвел руку назад, приготовившись к броску.

В тот же миг, словно по сигналу, оба мужчины вскочили и понеслись к пасущимся лошадям. Предупредительно заржав, жеребец попятился назад. Тонолан метнул в кобылу один из своих дротиков, Джондалар же побежал прямо на жеребца, крича и улюлюкая, дабы ошеломить его еще сильнее. План сработал. Жеребцу еще не доводилось иметь дело с такими шумливыми хищниками – четвероногие охотники обычно крались бесшумно. Он громко заржал, метнулся было к человеку, но тут же резко отпрянул назад и галопом понесся вслед за своим табуном.

Братья побежали в том же направлении. Жеребец заметил, что одна из его кобыл стала отставать, и несколько раз куснул ее за бок. Мужчины принялись истошно вопить и размахивать руками, однако на сей раз этот номер у них не прошел – конь встал меж ними и кобылицей, пытаясь защитить и привести в чувство свою подругу. Последняя сделала еще несколько неверных шагов и остановилась, повесив голову. Из бока ее торчал дротик Тонолана. По сероватой шкуре текла ярко-алая кровь...

Джондалар сделал пару шагов вперед, прицелился и метнул свой дротик. Животное дернулось, оступилось и тут же рухнуло наземь. Второй дротик вонзился в мощную шею кобылицы немного ниже жесткой короткой гривы. Подбежавший жеребец нежно обнюхал ее раны и резко отпрянул назад, вновь огласив окрестности неистовым ржанием. Он умчался вслед за табуном – охранять живых, не мертвых.

– Я схожу за нашими котомками, – сказал Тонолан, когда они подошли к убитому животному. – Легче принести сюда воду, чем оттащить лошадь к реке, верно?

– Все мясо мы вялить все равно не будем. Давай возьмем только то, что сможем унести. Тогда и воду носить не придется.

Тонолан пожал плечами:

– Как скажешь. Я захвачу топор, чтобы дробить кости.

Он отправился к реке.

Джондалар достал из ножен свой нож с костяной ручкой и, вонзив его в шею животного, сделал длинный глубокий разрез. После этого он выдернул из недвижимого тела дротики и, глядя на лужицу крови возле головы кобылицы, сказал:

– Когда вернешься к Великой Матери Земле, передай ей нашу благодарность.

Он взял в руку мешочек с амулетом и нащупал каменную фигурку Матери.

«Зеландонии прав, – подумал он. – Если дети Земли когда-нибудь забудут о том, кто их поит и кормит, они могут навсегда лишиться своего дома».

Он вновь взялся за нож, приготовившись забрать долю угощения, дарованного им Дони.

– На обратном пути я заметил гиену, – раздался голос Тонолана. – Похоже, мы накормим не только себя.

– Мать не станет понапрасну разбрасываться лошадьми, верно? – сказал Джондалар, руки которого были уже по локоть в крови. – Она, так или иначе, вернет кобылу себе самой. Ладно, дай-ка мне руку.

– Да, дело рискованное, тут уж ничего не скажешь, – заметил Джондалар, бросив в небольшой костер сухую ветку. Искры, взвившиеся ввысь вместе с дымом костра, тут же растворились в ночном небе. – Что мы станем делать, когда настанет зима?

– До зимы еще далеко. До этой поры мы обязательно кого-то встретим.

– Если мы повернем назад прямо сейчас, то да. До начала холодов мы успели бы добраться до лосадунай. – Он повернулся к брату. – Мы ведь даже не знаем, какие по эту сторону гор бывают зимы. Места здесь открытые, защиты от ветров практически нет, деревьев для костра тоже... Может, нам следует отправиться на поиски шармунай? Они подскажут нам, какие люди живут в тех краях и чего нам следует там ожидать.

– Джондалар, если хочешь, можешь возвращаться назад. Нет, все-таки мне следовало отправиться в это путешествие в одиночку. Конечно, я не мог не обрадоваться, когда узнал, что ты решил пойти со мной... Но видишь, как оно оборачивается...

– Не знаю... Может, так действительно будет лучше, – отозвался Джондалар, уставившись на костер. – Кто скажет, какова длина этой реки? Ты только посмотри на нее. – Он провел рукой, указывая на широкое водное пространство, залитое мерцающим серебристым лунным светом. – Великая Мать рек. Именно поэтому она столь непредсказуема. Когда мы вышли, она текла на восток, верно? Теперь она течет на юг; мало того, она разделилась на такое количество рукавов, что я уже и не знаю, та же это река или нет. Мне все-таки не верится, что ты сможешь пройти ее всю – вплоть до самого устья, Тонолан. И еще, людей-то мы, возможно, встретим, но почему ты так уверен в том, что они будут вести себя дружелюбно?

– В том-то и смысл путешествия, братишка. Ты открываешь новые места, встречаешь новых людей. Тут без риска не обойдешься. Послушай меня, большой брат, хочешь – возвращайся назад. Я говорю совершенно серьезно, слышишь?

Джондалар смотрел на пламя костра, ритмично постукивая по ладони небольшой палочкой. Неожиданно он поднялся на ноги и с силой швырнул палочку в огонь, отчего к небу вновь поднялись снопы искр. Он принялся разглядывать натянутые меж колышков скрученные жилы, на которых было подвешено нарезанное тонкими ломтиками мясо.

– Чего ради я должен возвращаться назад? Можно задаться и другим вопросом: ради чего я должен продолжать путешествие? Что я хочу найти?

– Следующую речную излучину, новый рассвет, новую подругу, – усмехнулся Тонолан.

– И все? Это все, чего ты ждешь от жизни?

– Разве в ней есть что-то другое? Ты родился, и потому ты должен прожить это время как можно лучше. Ну а когда-нибудь ты вновь вернешься к Матери. Что тут еще скажешь?

– Нет, жизнь не может быть столь простой. Наверняка в ней есть и какой-то иной смысл, иное значение.

– Если ты его найдешь, не забудь рассказать об этом мне, хорошо? – зевнул Тонолан. – А пока я приготовлюсь к встрече нового рассвета. Кстати говоря, одному из нас придется посидеть возле костра, иначе к утру от нашего мяса ничегошеньки не останется.

– Ложись, Тонолан. Я послежу и за костром, и за мясом. Я спать все равно не буду...

– Ох, Джондалар, Джондалар, и чего это ты так распереживался? Когда надоест сидеть – разбуди меня.

Когда Тонолан выбрался из палатки, солнце уже поднялось над горизонтом. Он протер глаза и потянулся.

– Ты что, так и просидел всю ночь? Что же ты меня не разбудил, я ведь тебя просил об этом, слышишь?

– Мне нужно было о многом подумать. Какой уж тут сон... Может, хочешь горячего чая из шалфея?

– Спасибо, – отозвался Тонолан, поспешив налить дышащую паром жидкость в деревянную чашу.

Он сел возле костра, держа чашу обеими руками. В воздухе явственно ощущалась прохлада раннего утра, трава поблескивала росой, на нем же была только набедренная повязка. Его вниманием завладели громко щебечущие птички, порхавшие над прибрежными зарослями. Семья журавлей, жившая на поросшем ивняком островке, лакомялась рыбой.

– Ну и как – ты его нашел? – спросил он наконец.

– Кого – его? – удивился Джондалар.

– Смысл жизни. Вон как тебя ночью разобрало. И все-таки, хоть ты меня убей, я не понимаю, как можно не спать из-за этого всю ночь? Другое дело, если бы рядом с тобой была какая-то женщина. Может, кто-то из благословенных Дони прячется за теми ивами, а ты от меня это скрываешь?

– Так я тебе и сказал! – усмехнулся Джондалар. Улыбка его тут же смягчилась. – Брось ты свои шуточки, маленький брат. Я пойду с тобой до самого устья – если, конечно, ты сам не откажешься от этой затеи. Но ответь мне, что ты будешь делать потом?

– Все будет зависеть от того, что мы там найдем. О-хо-хо... Уж лучше бы я спал. И чего это ты так разошелся? Впрочем, я рад, что ты принял такое решение. Надо сказать, я к тебе успел привыкнуть, хоть характер у тебя – хуже не бывает.

– Еще бы ты не был рад. Одно плохо – на подъем ты тяжел.

– Я? Что-то я тебя не понял. Если хочешь мне что-то предложить, выкладывай сразу – мне уже надоело вялить это самое мясо.

– На это уйдет еще несколько дней, если только погода не изменится. Не знаю даже, говорить ли тебе о том, что я увидел...

В глазах Джондалара блеснул лукавый огонек.

– Давай-давай, братишка, выкладывай. Все равно ведь скажешь...

– Тонолан, в этой реке живет огромный осетр... Вот только зачем нам его ловить? Ты ведь и рыбу вялить не захочешь, верно?

– Что значит «огромный»? Скажи яснее, – моментально оживился Тонолан, повернувшись к реке.

– Он такой большой, что нам с тобой его не вытянуть.

– Брось ты. Таких осетров не бывает.

– Я знаю. Но этот был именно таким.

– Покажи мне его.

– За кого ты меня принимаешь? Я что, Великая Мать? По моей просьбе он вряд ли станет красоваться перед тобой... – Заметив расстройство Тонолана, Джондалар поспешил добавить: – Ладно, пойдем, я покажу, где я его видел...

Мужчины подошли к берегу реки и остановились возле поваленного дерева, крона которого находилась в воде. Словно искушая их, огромная неясная тень медленно двинулась вверх по течению и остановилась неподалеку от дерева, так и не поднимаясь на поверхность. Рыбина совершала волнообразные движения, стоя на одном месте.

- Вот так осетр... – потрясенно прошептал Тонолан. – Прародительница всех рыб!
- Но как мы вытащим ее на берег?
- Надо попробовать.
- Этой рыбиной можно накормить целую пещеру. Что мы с ней будем делать?
- Разве ты не говорил, что Мать ничего не дает понапрасну? Мы накормим ею гиен и росомах. Идем за дротиками, – возбужденно пробормотал Тонолан.
- Дротики нам не помогут. Здесь нужны остроги.
- Пока мы будем делать остроги, она куда-нибудь уплывет.
- Все равно без них не обойдешься. С копыа она соскочит, верно? У остроги должны быть или ерши, или глубокие зазубрины – сделать ее не так уж и сложно. Посмотри на это дерево. Обстругаем какую-нибудь ветку потолще – только и делов. Главное, чтобы у нее на конце зуб был... – Каждое слово Джондалар сопровождал красноречивым жестом. – Значит так... Срезаем ветку, заостряем ее конец, не забывая при этом о зубе, и...
- А ты не думаешь, что за это время рыбина все равно уйдет?
- Я вижу ее здесь уже второй раз. Это место ей явно нравится. Рано или поздно она вновь вернется сюда.
- Может, так, а может, и нет...
- Ты можешь предложить что-то другое?
- Тонолан криво усмехнулся:
- Ладно. Твоя взяла. Остроги так остроги.
- Они повернулись спиной к реке и тут же пораженно замерли. Их окружали неведомо откуда взявшиеся мужчины, вид которых не сулил братьям ничего хорошего.
- Откуда только они взялись? – хрипло прошептал Тонолан.
- Должно быть, они увидели наш костер. Кто знает, может, они уже давным-давно следят за нами. Я не спал всю ночь, охранял мясо от стервятников. Похоже, они просто ждали удобного момента. Если бы мы не оставили свои дротики у костра...
- Не очень-то они приветливы. Ни одного дружественного жеста... Что будем делать?
- Попробуй поулыбаться, маленький брат, и сделай подобный жест сам.
- Тонолан попытался взять себя в руки и изобразил на лице некое подобие улыбки. Он поднял обе руки, развернув их ладонями вперед, и шагнул навстречу чужакам:
- Я Тонолан из зелан...
- Дальнейшее его продвижение было остановлено дротиком, вонзившимся в землю возле его ног.
- Ну, Джондалар, другие идеи будут?
- Думаю, теперь их ход.
- Один из мужчин произнес что-то на незнакомом языке, и тут же к братьям подскочили два его соплеменника. Они принялись тыкать своими копыями, понуждая братьев двигаться в нужном направлении.
- Ох, дружок, и чего это ты такой злой? – охнул Тонолан, почувствовав укол копыа. – Я ведь и так иду в эту сторону.
- Подведя братьев к стоянке, чужаки сбили их с ног. Тот же мужчина отдал очередную команду. Его соплеменники послушно забрались в палатку и принялись выгребать оттуда все, что попадалось им под руку. Первым делом они извлекли дротики из боковых карманов котомок, после чего высыпали их содержимое на землю.
- Что вы делаете? – возмутился попытавшийся подняться на ноги Тонолан, однако его тут же вновь вынудили сесть. По руке его потекла струйка крови.
- Успокойся, Тонолан, – попытался урезонить его Джондалар. – Выглядят они агрессивно. Во всяком случае, извиняться перед нами они, похоже, не станут.

– Так-то они встречают гостей... Может, они не слышали о том, что мужчины, находящиеся в путешествии, пользуются особыми правами?

– Тонолан, помнится, недавно ты говорил совсем иначе.

– Не понял?

– Мол, риск придает путешествию особую прелесть. Что это за путешествие, если тебе никто и ничто не угрожает?

– Благодарю, – хмыкнул Тонолан, коснувшись рукой кровотокающей раны. – Вовремя ты мне об этом напомнил.

Мужчина, который, судя по всему, являлся вожаком отряда, отдал очередной приказ, после чего пленников вновь заставили подняться на ноги. Тонолана, на котором была только набедренная повязка, тут же оттащили в сторону, Джондалара же стали обыскивать и забрали у него каменный нож с костяной рукояткой. Когда мужчина потянулся к мешочку, висевшему у Джондалара на поясе, тот машинально схватился за него руками. В следующее мгновение он почувствовал острую боль в затылке и тяжело осел наземь.

Вскоре он пришел в себя, однако к тому времени, когда его голова прояснилась, он уже лежал на боку со связанными за спиной руками.

– Да, Джондалар, зря ты это сказал.

– Что – это?

– Что они вряд ли станут перед нами извиняться.

– Спасибо, – мрачно заметил Джондалар, морщась от ломоты в затылке. – Вовремя ты мне об этом напомнил.

– Интересно, что они с нами сделают?

– В любом случае мы пока живы. Если бы они хотели убить нас, они бы уже это сделали, верно?

– А тебе не кажется, что они берегут нас для какой-то особой цели?

Братья лежали на земле, прислушиваясь к раздававшимся вокруг голосам и наблюдая за чужаками, рыскавшими по стоянке. Донесся запах готовившейся пищи, от которого забурчало в животе. Солнце поднималось все выше и выше, полуденный зной делал жажду почти нестерпимой. Джондалар, не спавший всю эту ночь, стал задремывать. От сна его пробудили крики и неожиданная суматоха. Похоже, пожаловала какая-то важная персона.

Их тут же подняли на ноги. Братья изумленно уставились на дородного детину, тащившего на себе седовласую морщинистую старуху. Наконец этот шедший на четвереньках верзила остановился, после чего старухе помогли сойти с ее скакуна, имевшего человечье обличье, – делалось это с крайним почтением.

– Кем бы она ни была, главнее ее здесь никого нет, – прошептал Джондалар.

В тот же миг ему с такой силой напуддали по ребрам, что он надолго замолчал.

Старуха направилась прямо к ним. Она опиралась на узловатый посох с массивным, покрытым резьбой комелем. Джондалар смотрел на нее во все глаза – еще никогда в жизни ему не доводилось видеть таких старых людей. Ростом она была с ребенка, сморщенное ее тело поражало своей ветхостью, сквозь редкие белые волосы проглядывала розовая кожа черепа. Глубокие морщины, покрывавшие ее лицо, делали его почти нечеловеческим. Тем более удивительно было видеть на этом лице такие глаза. Будь они мутными, слезящимися, выцветшими, Джондалар нисколько бы не удивился. На него же смотрели блестящие умные глаза, исполненные силы и властности. Эта крошечная женщина потрясла его – он не на шутку испугался, понимая, что явилась она сюда именно для того, чтобы посмотреть на него и Тонолана. Речь, видимо, шла о чем-то действительно очень важном.

Она говорила старческим надтреснутым голоском, однако и в нем чувствовалась необычайная сила.

– Мне очень жаль, но я вас не понимаю, – пробормотал Джондалар.

Она вновь заговорила. Постучав себя по груди такой же узловатой, как и ее посох, рукой, старуха произнесла слово, звучащее как «Хадума». После этого она направила свой узловатый палец на него.

– Джондалар из зеландонии, – пробормотал в ответ Джондалар, надеясь, что он правильно понял ее вопрос.

Старуха склонила головку набок – так, словно уже слышала это слово.

– Зе-лан-дони? – переспросила она.

Джондалар утвердительно кивнул и нервно облизал пересохшие губы.

Она смерила его оценивающим взглядом и обратилась к вожаку. Ответ того был краток. Старуха отдала какое-то распоряжение и, повернувшись спиной, направилась к костру. Один из охранников взял в руки нож. Джондалар выразительно посмотрел на брата и увидел в его глазах свои собственные эмоции. Он попытался взять себя в руки и, обратившись с безмолвной мольбой к Великой Матери Земле, зажмурился.

Он раскрыл глаза с неожиданным облегчением, ибо почувствовал, что с него срезали путы. К нему приближался человек с мехом, наполненным водой. Джондалар утолил мучившую его все это время жажду и передал мех Тонолану, руки которого были уже свободны. Джондалар хотел было поблагодарить пленивших их людей, но, вспомнив о недавних побоях, счел за лучшее помолчать.

Стражники со взятыми наперевес грозными копьями препроводили их к костру. Дородный мужчина, принесший на себе старуху, подтащил к костру бревно, бросил на него меховую накидку и встал неподалеку, зажав в ладони рукоять каменного ножа. Старуха опустилась на бревно, и братьев тут же заставили сесть перед ней на землю. Они боялись даже пошелухнуться, понимая, что любое неосторожное движение стражники истолкуют как угрозу древней владычице. Участь их в таком случае была бы весьма незавидной.

Она вновь посмотрела на Джондалара, храня при этом молчание. Он встретился с ней взглядом и тут же почувствовал себя крайне неуверенно и неуютно. Неожиданно она опустила руку в складки накидки, пробурчала нечто саркастическое и, достав из своих одежд небольшой предмет, протянула его Джондалару. Его глаза округлились от изумления. Это была вырезанная из камня фигурка Матери – старуха держала в руках его донии.

Он заметил боковым зрением, что страж, стоявший сбоку от него, неожиданно вздрогнул. Похоже, фигурка донии ему почему-то не понравилась.

Женщина прервала свою тираду и, картинно подняв руку, бросила фигурку наземь. Джондалар, не раздумывая, кинулся к ней, даже не пытаясь скрыть гнев, вызванный тем, что старуха вздумала глумиться над его святыней. Не обращая никакого внимания на направленное прямо на него острие копья, Джондалар схватил каменную фигурку и укрыл ее между ладонями.

Старуха отрывисто рявкнула, и страж тут же поспешил убрать свое копьё. К несказанному удивлению Джондалара, она заулыбалась. В глазах ее заплясали искорки веселья, однако он никак не мог взять в толк, чем же оно вызвано – хорошим настроением или злой волей?

Старуха поднялась с бревна и направилась к Джондалару. От этого она не стала выше – лица их оставались примерно на одном и том же уровне. Она неотрывно смотрела в его изумленные синие глаза, словно пытаясь заглянуть в глубины его души. После этого старуха сделала шаг назад, повернула его голову сначала в одну, затем в другую сторону, пощупала мышцы его руки и, наконец, попыталась оценить взглядом ширину его плеч. Затем старуха легонько подтолкнула его под локоть, предлагая тем самым подняться с земли. Джондалар не понял смысла этого жеста, но страж тут же вразумил его таким пинком, что он буквально вскочил на ноги. Старуха задрала голову – ведь в нем было добрых шесть футов шесть дюймов росту – и принялась обходить Джондалара вокруг, одновременно постукивая кулачком по твердым

мышцам его ног. Джондалар казался самому себе животным, выставленным на торги. Мысль о том, что он может не устроить покупателя, заставила его покраснеть.

После этого старуха принялась разглядывать Тонолана, вскочившего на ноги при первом же ее прикосновении. Быстро осмотрев младшего брата, старуха вновь вернулась к Джондалару. Его розоватые щеки запыхали огнем, когда до него дошел смысл очередного ее жеста. Теперь ее заинтересовал его мужской орган.

Он отрицательно замотал головой и, шутливо выпучив глаза, посмотрел на ухмыляющегося Тонолана. Старуха отдала приказ одному из стражей, и тот послушно схватил Джондалара сзади, в то время как его соплеменник, выказывающий всем своим видом чрезвычайное смущение, принялся развязывать ремешок, которым подвязывался клапан штанов Джондалара.

– Вряд ли она примет твои возражения, – произнес довольно ухмыляющийся Тонолан.

Джондалар зло оттолкнул от себя второго стража и открыл взгляду старухи то, что она так жаждала увидеть, стараясь не обращать внимания на мерзко хихикающего брата, даже не думающего скрывать своего злорадного ликования. Старуха воззрилась на него внимательнее, чем прежде, и, склонив голову набок, коснулась его своим узловатым кривым пальцем.

Алый цвет щек Джондалара стал пурпурным, когда, к его несказанному изумлению, уд его ответил на это прикосновение вполне определенным образом. Старуха довольно закудала, захихикали и стоявшие рядом с ней мужчины, однако в смехе их чувствовалось известное удивление, а быть может, и почтение. Тонолан принялся хохотать, согнувшись в три погибели, на глазах его выступили слезы. Джондалар поспешил прикрыть свою наготу. Он чувствовал себя последним идиотом и не скрывал своей злобы.

– Да, брат, давненько у тебя не было женщины, – насмешливо заметил Тонолан, переведя дух и смахнув слезу со щеки. После этого он вновь зашелся безудержным смехом.

– Надеюсь, очередь дойдет и до тебя, – огрызнулся Джондалар, сожалея о том, что не может достойно ответить этому зубоскалу.

Старая женщина подозвала к себе вожака пленивших их людей и стала ему что-то втолковывать. Последовал оживленный обмен мнениями. Джондалар услышал, как старуха произнесла слово «зеландони», и тут же заметил молодого мужчину, указывавшего на развешанное возле костра мясо. Властный оклик старухи положил конец спорам. Мужчина бросил на Джондалара гневный взгляд и направился к кудрявому юноше. Он что-то сказал ему на ухо, и юноша тут же куда-то унесся.

Братьев отвели к палатке, где им вернули их котомки, из которых были вынуты дротики и ножи. Неподалеку расположился присматривавший за пленниками мужчина. Их накормили, и с наступлением темноты они забрались под кожаный полог. Тонолан пришел в прекрасное расположение духа, Джондалар же, напротив, помрачнел. Он наотрез отказывался разговаривать с братом, который то и дело начинал покатываться со смеху.

Все чего-то ждали, к чему-то готовились. Утром в лагере появилось множество новых людей, встреченных приветственными криками. Выросшие повсюду палатки, занятые мужчинами, женщинами и детьми, делали спартанскую стоянку братьев чем-то вроде лагеря для проведения Летнего сходбища. Джондалар и Тонолан с интересом наблюдали за возведением большого круглого сооружения с прямыми, сделанными из натянутых шкур стенами и конической тростниковой крышей. Отдельные части сооружения были собраны заранее, и поэтому возведение его шло с поразительной скоростью. Когда строительство странного шатра было завершено, в него стали заносить какие-то вязанки и корзины.

Пока готовилась пища, бурная активность несколько поутихла. К полудню возле большого круглого сооружения начала собираться толпа. Бревно, на котором восседала старуха, было положено возле самого входа. Как и прежде, его покрывала шкура. С появлением старухи толпа тут же приумолкла и почтительно расступилась, образовав широкий круг. Джондалар и

Тонолан увидели, что она обращается к одному из своих слуг, указывая при этом в их направлении.

– Наверное, ты так потряс ее своим желанием, что она хочет удостовериться еще раз, – усмехнулся Тонолан.

– Пусть лучше они меня убьют!

– Уж не ослышался ли я? Ты не хочешь переспать с этой красоткой? – невинным голосом спросил Тонолан. – А вчера-то все выглядело совсем иначе, братишка...

Он вновь мерзко захихикал. Джондалар развернулся и гордой походкой направился к толпе чужеземцев.

Братьев завели в центр круга. Властным жестом руки старуха приказала им сесть перед собой.

– Зе-лан-дони? – сказала она, обращаясь к Джондалару.

– Да, – утвердительно кивнул он. – Я Джондалар из зеландонии.

Старуха похлопала по руке сидевшего рядом с ней старика.

– Я Тамен, – произнес тот. Затем последовало несколько непонятных слов, среди которых Джондалар услышал и следующие: – Хадумаи... Давно-давно... Тамен... Запад... Зеландонии.

Джондалар наморщил лоб и неожиданно сообразил, о чем хотел поведать ему старик.

– Тебя зовут Тамен. Потом ты что-то сказал о хадумаи... Когда-то давно ты ходил на запад... Это было твое путешествие? Ты ходил к зеландонии? Ты знаешь язык зеландонии?

– Да, да, путешествие, – оживился старик. – Говори совсем мало. Мало-мало.

Старуха схватила старика за руку и что-то сказала ему на ухо. Тот вновь повернулся к братьям.

– Хадума, – сказал он, указывая на нее. – Мать...

Немного подумав, он указал на стоявших вокруг людей.

– Как зеландонии? Те, Кто Служит Матери? – спросил Джондалар.

Старик отрицательно покачал головой:

– Хадума... Мать. – Старик подозвал к себе стоявших неподалеку людей и поставил их в ряд. – Хадума... Мать... мать... мать... мать...

Произнося слово «мать», он каждый раз указывал на одного из своих соплеменников.

Джондалар стал всматриваться в лица стоявших перед ним людей, пытаясь уяснить смысл сказанного. Тамен был очень стар, хотя и не так стар, как Хадума. Рядом с ним стоял мужчина средних лет. Возле него Джондалар увидел достаточно молодую женщину, которая держала за руку ребенка.

– Ты хочешь сказать, что Хадума – мать матери матери – всего пять раз? – Он поднял вверх растопыренную пятерню и дрожащим от волнения голосом спросил: – Она – мать пяти поколений?

Старик энергично закивал.

– Да, мать пяти... поколений, – повторил он, вновь указав на соплеменников.

– Великая Мать! – восхитился Джондалар. – Сколько же ей лет?

– Да. Великая Мать, – сказал Тамен. – Хадума... Мать... – Он похлопал себя по животу.

– Дети?

– Дети, – кивнул старик. – Хадума, мать, дети...

Он принялся чертить на земле какие-то линии.

– Один, два, три... – принялся считать вслух Джондалар. – Шестнадцать?! Хадума родила шестнадцать детей?

Тамен утвердительно кивнул и указал на начертанные им линии:

– Много сын, много... девочка?

Тамен неуверенно пожал плечами и вопросительно посмотрел на Джондалара.

– Много дочка? – предложил тот.

Тамен просиял:

– Много дочка! – Он на миг задумался. – Живой. Все живой. Много дети. – Он поднял руку, приставив к ней палец второй руки. – Шесть пещера. Хадумаи.

– Представляю, что бы они с нами сделали, посмотри мы на нее косо! – заметил Тонолан. – Это их мать. Живая Прародительница!

Услышанное не столько поразило, сколько озадачило Джондалара.

– Знакомство с Хадумой – большая честь. Но скажи, что происходит? Почему нас взяли в плен? Для чего сюда пришла Хадума?

Старик выразительно посмотрел на вялившееся мясо и указал на молодого мужчину, участвовавшего в поимке братьев.

– Джерен – охота... Делай охота. – Тамен нарисовал на земле круг с двумя сходящимися касательными. – Зеландонии делай бегай-бегай. – Немного подумав, он добавил: – Лошадь убегай.

– Вон в чем дело! – воскликнул Тонолан. – Должно быть, они окружили табун и ждали того момента, когда лошади подойдут поближе. Мы же их вспугнули.

– Теперь я понимаю, почему он был так зол, – сказал Джондалар, обращаясь к Тамену. – Но ведь мы и не подозревали о том, что здесь находятся ваши охотничьи угодья. Конечно же, мы останемся и будем охотиться вместе с вами до той поры, пока не возместим убытков. И все-таки встречать гостей так, как это делаете вы, нельзя. Разве он не знает о том, что совершающие путешествие находятся в особом положении? – спросил он, с трудом сдерживая гнев.

Всех его слов старик понять не мог, однако общий их смысл был ему ясен.

– Гости мало... Запад забывай... Обычай забывай...

– Так ты напомни его! Ты ходил в путешествие; когда-нибудь в него может отправиться и он, верно? – сердито засопев, произнес Джондалар. Он до сих пор не понимал смысла происходящего и потому старался вести себя сдержанно. – Тогда ответь, для чего сюда пришла Хадума? Разве можно путешествовать в таком преклонном возрасте? Как вы ей это позволили?

Тамен улыбнулся:

– Хадума сам себе голова. Хадума говори... Джерен находи думаи. Плохой... знак?

Джондалар кивнул, удостоверяя Тамена в существовании такого слова, хотя смысл сказанного оставался для него неясным.

– Джерен дал мужчина ходи-ходи. Говорит – Хадума плохой прогоняй. Тогда Хадума приходи.

– Думаи? Думаи? Может, ты говоришь о моей донии? – спросил Джондалар, достав из мешочка резную каменную фигурку.

Соплеменники Тамена дружно ахнули и попятились назад. Происходящее явно не вызвало у них восторга. Хадума поспешила успокоить своих сородичей.

– Но ведь донии – хороший знак! Она приносит удачу! – запротестовал Джондалар.

– Женщина приносит удача – да... Мужчина... – Тамен надолго замолчал, пытаясь найти нужное слово. – Кошунство...

Джондалар крайне изумился:

– Но если донии сулит удачу женщине, почему она бросила ее на землю?

Он сопроводил эти слова соответственным жестом, понятным всем присутствующим. Хадума вновь что-то сказала старику.

– Хадума живет долго-долго. Большой удача. Большой... чудо. Хадума говори мне – зеландонии свой обычай. Зеландонии не хадумаи! Говорит – зеландонии плохой?

Джондалар отрицательно покачал головой.

– Наверное, она хотела испытать тебя, Джондалар, – предположил Тонолан. – Она знает о том, что у нас разные обычаи, вот она и решила посмотреть, что ты станешь делать, если она оскорбит...

– Да, да – оскорбит, – перебил его Тамен, услышав знакомое слово. – Хадума не знает все... мужчина, хороший... мужчина. Хочет смотреть зеландонии оскорбит Мать.

– Слушай, это ведь не простая донии, – раздраженно заметил Джондалар. – Она очень старая. Ее дала мне мать, которая, в свою очередь, получила ее от предков.

– Да, да! – энергично закивал Тамен. – Хадума знать. Мудрый, самый мудрый. Большой жизнь. Большой чудо – прогоняй плохой. Хадума знать мужчина-зеландонии, хороший мужчина. Хочет мужчина-зеландонии. Хочет... слава Матери.

Заметив появившуюся на лице Тонолана ухмылку, Джондалар смущенно потупился.

– Хадума хотеть, – Тамен указал на его глаза, – синий глаз. Почтить Мать. Дух зеландонии... делать ребенок. Синий глазка.

– Ну ты даешь, большой брат! – вырвалось у Тонолана. – А всё твои синие глаза! Она в тебя влюбилась! – Он попытался придать лицу серьезное выражение, боясь задеть противную сторону, однако это ему не удалось. – О Мать! Скорее бы мы оказались дома – представляю, как бы рассмешила их эта история! Джондалар – мужчина, которого помогают все женщины! Ну что, ты все еще хочешь вернуться назад? Нет, я чувствую, до устья реки нам не дойти...

Тонолан уже покатывался со смеху.

Джондалар несколько раз сглотнул:

– Я... Хадума полагает, что Великая Мать... все еще может благословить ее дитятей?

Тамен недоуменно воззрился на Джондалара и корчащегося от смеха Тонолана. В следующее мгновение на его лице появилась широкая улыбка. Он что-то сказал старухе, и слова его вызвали дружный смех присутствующих – громче всех хихикала сама старуха. Тонолан ржал, словно конь, из глаз его ручьем текли слезы.

Единственным человеком, не разделявшим всеобщего веселья, был сам Джондалар.

Старик затряс головой, пытаясь унять соплеменников:

– Нет-нет, зеландонии... Нория! Нория, иди сюда!

Вышедшая вперед девушка смущенно улыбнулась и посмотрела на Джондалара. Она была очень молода и казалась скорее девочкой, чем женщиной. Смех стал затихать.

– Хадума – большой шаман, – сказал Тамен. – Хадума благословлять. Нория – пять... поколений. – Он показал Джондалару раскрытую пятерню. – Нория делай детка. Шесть поколений... – Он присоединил к пяти пальцам еще один, шестой палец. – Хадума хочет мужчина-зеландонии. Почтить мать... – Тамен улыбнулся, припомнив нужные слова: – Первая Радость.

Сведенное напряжением лицо Джондалара мгновенно разгладилось, в уголках рта стало угадываться некое подобие улыбки.

– Хадума благословлять. Давать дух Нория. Нория делай детка, зеландонии глазка.

Джондалар громко рассмеялся, испытывая крайнее облегчение и одновременно предчувствуя наслаждение. Он победно посмотрел на своего брата. Тот уже и не думал смеяться. «Ну, брат, что же ты расскажешь нашим сородичам? Как тебе эта старая карга?» Он повернулся к Тамену:

– Пожалуйста, передай Хадуме, что я почту это за честь. Я буду рад ублажить Мать и исполнить вместе с Норией ритуал Первой Радости.

Он с улыбкой посмотрел на молодую женщину. Та робко улыбнулась, но тут же, очарованная взглядом его синих глаз, заулыбалась куда смелее и откровеннее.

Тамен вновь обратился к Хадуме. Та согласно кивнула и жестом попросила братьев подняться на ноги, после чего возобновила осмотр высокого светловолосого красавца. Напоследок она еще раз заглянула в его синие глаза, тихонько хихикнула и скрылась в большой круглой палатке. Посмеивающийся народ стал потихоньку расходиться.

Братья продолжили свой разговор с Таменом. Конечно, он знал язык зеландонии из рук вон плохо, однако все прочие его соплеменники не знали его вовсе.

– Когда ты ходил к зеландонии? – спросил Тонолан. – Ты не помнишь, что это была за пещера?

– Очень давно, – ответил тот. – Тамен тогда был совсем молодой – как зеландонии.

– Тамен, это мой брат Тонолан, а меня зовут Джондалар. Джондалар из зеландонии.

– Я... я вас приветствую, Тонолан и Джондалар, – улыбнулся старик. – Я – Тамен, третье поколение хадумаи. Давно не говорил зеландонии. Моя забывать. Хорошо не говорить. Тамен... Тамен... В голова оставаться?

– Помнить? – предположил Джондалар. В ответ старик утвердительно закивал. – Говоришь, третье поколение? Я-то думал, ты доводишься Хадуме сыном.

– Нет, – покачал головой Тамен. – Хотел зеландонии знать Хадума – мать.

– Меня зовут Джондалар, Тамен.

– Джондалар, – согласно кивнул старик. – Тамен не сын Хадума. Хадума делай дочка.

Он поднял вверх палец и вопросительно посмотрел на Джондалара.

– Одна дочка? – спросил Джондалар.

Тамен покачал головой.

– Первая дочка?

– Да. Хадума делай первый дочка. Дочка делай первый сын. – Он указал на себя. – Тамен.

Тамен иметь супруг? – (Джондалар подтвердил правильность выбранного слова кивком.) – Тамен иметь супруг мать матери Нория.

– Кажется, я понял. Ты – первый сын дочери Хадумы, а твоя жена – бабушка Нории.

– Да... Так говорить. Бабушка. Нория делать... большой честь Тамен. Шесть поколений.

– Для меня это тоже большая честь, ведь я стану участником ее ритуала Первой Радости.

– Нория делай детка зеландонии глазка. Делай Хадума... счастливый. – Он улыбнулся, вспомнив это слово. – Хадума говори, большой зеландонии делай... большой сильный дух. Делай сильный хадумаи.

– Тамен, – сказал Джондалар, внезапно нахмурившись, – мой дух не обязательно сделает детку Нории, ты ведь это и сам знаешь.

Тамен довольно ухмыльнулся:

– Хадума – большой шаман. Хадума благословляй, Нория делай. Большой шаман. Женщина совсем без детка. Хадума...

Тамен указал пальцем на пах Джондалара.

– Трогать? – тихо спросил Джондалар, почувствовав, как запыхали его уши.

– Хадума трогай, женщина делай детка. Женщина... нет молоко, да? Хадума трогай – женщина много молоко. Хадума делай Джондалар... большой честь. Много мужчина хочет Хадума трогай. Делай мужчина сильный – много сила – много время, да? Делай мужчина... приятный... – (Все трое заулыбались.) – Все время делай женщина приятный. Много женщина, много время. Хадума – большой шаман. – Он было замолчал, но тут же, посерьезнев, добавил: – Нельзя злить Хадума. Большой шаман сильно злится.

– А я над ней смеялся... – вздохнул Тонолан. – Послушай, может, она и меня... потрогает? Ох уж мне эти синие глаза...

– Маленький брат, тебя и трогать не надо – достаточно на тебя посмотреть женщине, и...

– Ладно тебе. Можно подумать, и ты без посторонней помощи не смог бы обойтись. Кому они доверили проведение ритуала? И как это они не обратили внимания на сероглазого младшего брата?

– Бедный мой братишка. На стоянке полным-полно женщин, а он проведет эту ночь в одиночестве. На тебя это совсем не похоже.

Они рассмеялись, к ним присоединился и Тамен, непонятным образом сумевший уловить смысл сказанного.

– Тамен, может, ты расскажешь, как у вас проводится ритуал Первой Радости? – спросил Джондалар серьезным тоном.

– Может, вы начнете с того, что вернете нам дротики и ножи? – любопытно спросил Тонолан. – У меня есть одна неплохая идея. Пока мой большой брат будет охмурять взглядом своих синих глаз эту юную красотку, я попробую успокоить обиженного охотника.

– Но как? – изумился Джондалар.

– В этом мне поможет бабушка...

Тамен удивленно воззрился на Тонолана, не понимая смысла его слов.

И в тот вечер, и в течение всего следующего дня Тонолан практически не видел Джондалара – тот проходил обряд очищения; вначале Тамен помогал ему хоть как-то преодолевать языковой барьер, но старик вскоре ушел, оставив Джондалара в обществе хмурых пожилых женщин. Когда появлялась Хадума, возникало некоторое взаимопонимание, в ее отсутствие Джондалар делал ошибку за ошибкой.

Хадума не пыталась управлять своими сородичами, однако было совершенно очевидно, что они готовы выполнить любой ее приказ. Они почитали и побаивались свою древнюю прародительницу, сохранившую удивительную живость и ясность ума. Непостижимым образом она приходила на помощь Джондалару именно в те минуты, когда он действительно в ней нуждался. Скажем, в один из моментов церемонии он нечаянно нарушил какое-то совершенно неведомое ему табу и тут же увидел вбежавшую в палатку разгневанную Хадуму, которая принялась колотить своей клюкой перепуганных соплеменниц. При этом Джондалару она не сказала ни слова – уж очень ей хотелось, чтобы у шестого поколения ее потомства были синие глаза.

Вечером Джондалара наконец завели в большой круглый шатер, хотя назначение последнего оставалось для него неизвестным. Оказавшись внутри, он решил первым делом оглядеться. С одной стороны стояли два каменных светильника, представлявшие собой наполненные жиром чаши, в которых горели фитили, скрученные из сухого мха. Земля была покрыта шкурами, а на стенах висели хитроумные плетения, сделанные из коры шелковицы. За покрытым мехом помостом висела белая шкура коня-альбиноса, украшенная красными головками птенцов большого дятла. На самом краешке платформы, скромно потупив взор, сидела Нория.

С другой стороны Джондалар увидел небольшую кабинку, отделенную от основного пространства шатра подвешенными к потолку шкурами, покрытыми таинственными знаками. Одна из шкур была разрезана на узкие полоски. Джондалар почувствовал, что там, в кабине, кто-то сидит. В тот же момент старческая рука раздвинула кожаную завесу, открыв морщинистое лицо Хадумы. Джондалар облегченно вздохнул, ритуал Первой Радости предполагал присутствие охранителя, призванного засвидетельствовать потерю девственности и оградить женщину от возможной грубости. Будучи чужаком, Джондалар, по вполне понятным причинам, страшился здешних охранителей, тем более что он не был знаком с принятыми в этом племени обычаями. Что до Хадумы, то она его нисколько не смущала. Он только не мог понять, как ему следует повести себя в этой ситуации: поздороваться со старухой или же сделать вид, что он ее не заметил. Завеса в тот же миг сомкнулась, тем самым положив конец его сомнениям.

Увидев его, Нория поспешила подняться на ноги. Джондалар улыбнулся и направился к ней. Она была много ниже его. Миловидное лицо Нории обрамляли светло-русые волосы. Раскрашенная, сплетенная из непонятного волокна юбка подвязывалась на поясе и спускалась чуть ниже колен. Рубаха из мягкой оленьей кожи, разукрашенной пестрыми перьями, была плотно стянута на груди узким шнурком.

Чем ближе подходил Джондалар, тем испуганнее становилась Нория, всеми силами пытавшаяся выдавить из себя улыбку. Стараясь не делать резких движений, он осторожно сел

на краешек платформы и вновь улыбнулся. Она заметно успокоилась и тоже села на помост, стараясь держаться несколько поодаль.

«Если бы я знал ее язык... – подумал Джондалар. – Как она испугалась... Впрочем, ничего удивительного здесь нет – она ведь меня совсем не знает. Испуг делает ее еще привлекательнее...» Ему хотелось защищать и опекать это хрупкое юное существо, вместе с тем Нория вызывала у него и совершенно иные желания. Он заметил поодаль резную деревянную чашу, возле которой стояло несколько чашек поменьше. Угадав его желание, Нория тут же наполнила одну из чашек янтарной жидкостью и подала ее Джондалару. Он благодарно принял ее, легко коснувшись руки Нории, вздрогнувшей от неожиданности. Напиток этот отдаленно напоминал брагу. Памятуя о том, что бывает с теми, кто пьет брагу чашами, Джондалар сделал пару осторожных глотков и отставил чашку в сторону:

– Спасибо, Нория.

– Джондалар? – спросила она, посмотрев на него своими светлыми глазами. Понять, серые они или голубые, было невозможно...

– Да, Джондалар... Джондалар из зеландонии.

– Джондалар... Мужчина, зеландонии.

– Нория. Женщина-хадумаи.

– Жен-щи-на?

– Женщина, – утвердительно кивнул Джондалар, легко коснувшись ее груди.

Нория отшатнулась назад.

Джондалар развязал шнурок своей рубахи и сбросил ее наземь. Криво усмехнувшись, он коснулся своей поросшей золотистыми волосками груди и, покачав головой, произнес:

– Не женщина. Мужчина.

Она тихонько захихикала.

– Нория – женщина, – вновь повторил он, протянув руку к ее груди.

На сей раз она уже не стала шароухаться назад. Улыбка ее исполнилась спокойствия и сладостной истомы.

– Нория – жен-щи-на, – пробормотала она, блеснув глазами, и указала пальцем на низ его живота. – Джондалар – муж-чи-на.

Внезапно она вновь чего-то перепугалась и, наполнив чашу Джондалара до краев, протянула ему. Рука ее при этом сильно дрожала.

Он благодарно принял чашу и, сделав небольшой глоток, предложил ее Нории. Она кивнула, и тогда он поднес чашу к ее рту. Для того чтобы взять ее, Нории пришлось коснуться его рук. Едва она поставила чашку на землю, Джондалар взял ее за руки и поцеловал сначала в одну, потом в другую ладонь. Ее глаза округлились от удивления. Джондалар нежно взял ее за плечи и, притянув к себе, поцеловал в шею. Она мгновенно напряглась и замерла, сгорая от нетерпения и холодея от ужаса.

Он придвинулся еще ближе и опять поцеловал Норию в шею. Его ладонь скользнула вниз и охватила ее грудь. Хотя Нория была по-прежнему испугана, она почувствовала, что ее тело стало откликаться на прикосновения мужчины. Он запрокинул ее голову назад, целуя Норию в шею. Его язык пробежался по горлу Нории. Джондалар протянул руку и развязал узел шнуровки ее балахона из оленьих шкур. Потом губы Джондалара скользнули по щеке Нории и нашли ее губы. Он приоткрыл свой рот и просунул кончик языка между губами Нории. А когда они приоткрылись, постарался раздвинуть их еще больше.

Затем он отстранился, держа ее за плечи, и улыбнулся. Глаза Нории были закрыты, рот готов для поцелуев, а дыхание участилось. Лаская ее грудь, Джондалар поцеловал Норию вновь, а потом еще больше распустил шнуровку на ее одежде. Она замерла. Он помедлил, улыбнулся, взглянул на нее и еще больше распустил шнуровку на ее одежде. Нория сидела не

шелохнувшись, взглядываясь в лицо Джондалара. А он возился со шнуровкой ее балахона до тех пор, пока олени шкуры не были распахнуты на груди.

Джондалар прильнул к ее шее и сдернул балахон, обнажив плечи Нории и открыв молодые упругие груди с темными ореолами. Почувствовав, как вздыбилось его мужское естество, он стал покрывать поцелуями плечи Нории, прикасаясь к ним языком и чувствуя, как дрожит девушка. Джондалар ласкал ее руки, приспуская балахон девушки; его пальцы пробежались по ее спине, в то время как язык касался ее шеи и груди. Потом Джондалар стал целовать ее грудь и почувствовал, как соски Нории затвердели под его губами. Нория судорожно вздохнула, но не отстранилась. Он стал целовать ее другую грудь и, целуя, повалил на мягкий мех.

Нория открыла глаза и взглянула на него. Ее сузившиеся глаза горели. Глаза у Джондалара были пронзительно-синими, и Нория не могла отвести от них взгляд.

– Джондалар – мужчина, Нория – женщина, – вымолвила она.

– Джондалар – мужчина, Нория – женщина, – хриплым голосом подтвердил Джондалар.

Он сорвал со своих плеч одежду, чувствуя, как его мужское естество стремится вырваться наружу. Склонившись к Нории, он снова стал целовать ее, а она приоткрыла рот и попыталась своим языком найти его язык. Лаская грудь Нории, Джондалар провел языком по шее и плечу девушки. Губами он нащупал ее сосок и впился в него поцелуем. Нория застонала, и он почувствовал, как у него участилось дыхание.

«У меня слишком долго не было женщины, – подумал он, – и я хотел бы овладеть Норией немедленно... Будь нежным, не испугай ее, – одернул он себя, – у нее это в первый раз, и у тебя впереди еще целая ночь. Подожди до тех пор, пока не почувствуешь, что она тоже хочет тебя».

Он погладил ее обнаженное тело, нащупывая пояс, скреплявший нитями балахон из оленьих шкур. Развязав пояс, он положил руку на живот Нории. Девушка напряглась, затем расслабилась. Ладонь Джондалара двинулась ниже, к бедрам, ощутив мягкие волосы на ее лобке. Нория раздвинула колени, и ладонь Джондалара скользнула по внутренней части ее бедра.

Он отнял руку, сел, а потом снял с Нории балахон из звериных шкур и швырнул его на землю. Поднялся и взглянул на нежное, еще не вполне сформировавшееся тело. Она улыбнулась ему доверчиво и призывно. Джондалар сорвал набедренную повязку. Нория судорожно вздохнула, увидев его вздыбленный набухший член, и в ее глазах мелькнула искорка страха.

Нория с интересом слушала рассказы женщин о ритуале Первой Радости, правда некоторые из них говорили, что не такая уж это радость. Они говорили, что дар Радости получили только мужчины и что женщины даруют радость мужчинам, чтобы привязать их к себе. Чтобы мужчины охотились, приносили еду и шкуры женщинам, пока те вынашивают и воспитывают их детей. Норию предупреждали, что во время ритуала Первой Радости ей могут причинить боль. Но как же иначе? Разве этот большой член может поместиться в ней?

Испуг девушки был понятен Джондалару. Он хотел, чтобы Нория преодолела страх. Джондалару нравилось пробуждать желание у девушек во время дарованного Матерью ритуала Первой Радости. Это требовало умения и терпения. «Когда-нибудь, – подумал Джондалар, – мне хотелось бы доставить девушке радость в первый раз, не думая о том, что я могу причинить боль». Но он знал, что это невозможно: ритуал Первой Радости всегда немного болезненный для женщины.

Он опустился около Нории, давая девушке время прийти в себя. Глаза Нории были прикованы к его вздыбленному мужскому естеству. Джондалар взял ее руку и положил на свой пульсирующий член, казалось живущий собственной жизнью. Нория ощутила нежность кожи, теплоту и упругость. Она почувствовала острое приятное возбуждение и ощутила, что внутренность ее бедер увлажнилась. Нория попыталась улыбнуться, но в ее глазах по-прежнему таился страх.

Джондалар лег рядом и нежно поцеловал девушку. Они смотрели глаза в глаза. Нория почувствовала желание Джондалара, его голод и некую неукротимую силу, которой не могла

подобрать название. Ее притягивала удивительная глубина его синих глаз. Нория почувствовала, как в ней нарастает желание. Она все еще страшилась боли, но захотела Джондалара. Девушка потянулась к нему, закрыла глаза, приоткрыла рот и всем телом прижалась к мужчине. Джондалар подарил ей поцелуй, затем позволил ей вернуть этот дар. Он нежно поцеловал ее в шею и стал неторопливо ласкать ее живот и бедра. Он раздумывал, не поцеловать ли ее снова в сосок, но в этот момент Нория стала целовать его в губы. Рука Джондалара скользнула в теплую расщелину между ее бедрами и нащупала маленький пульсирующий бугорок. С губ Нории сорвался стон.

Джондалар стал сосать и нежно покусывать ее сосок, продолжая ласкать Норию между бедрами. Постанывая, она стала вращать ими. Пальцы Джондалара скользнули вглубь. Нория судорожно вздохнула, когда язык мужчины коснулся ее живота. Он почувствовал, как напряглось ее тело, сполз с ложа и встал на колени около нее. Он раздвинул ноги Нории и лизнул терпкую влагу с внутренней стороны ее бедер. Нория судорожно вздохнула, едва сдержав крик. Каждый ее вздох превращался в стон. Она мотала головой из стороны в сторону.

Руками он еще шире раздвинул ноги Нории и стал целовать ее теплую промежность, языком нащупывая заветный бугорок. Нория стонала, двигая бедрами. Желание все больше охватывало Джондалара. Он еле сдерживал себя. Услышав судорожное дыхание Нории, он приподнялся с колен и осторожно ввел головку своего могучего члена в Норию, открыв еще никем не распахнутую дверь. Стиснув зубы, Джондалар продвигался по мягкому, теплому, влажному, тесному колодцу.

Когда Нория охватила его ногами за талию, Джондалар почувствовал, что столкнулся с препятствием внутри девушки. Тогда он снова нащупал пальцами бугорок между ногами девушки и стал нежно ласкать его, до тех пор пока с губ Нории не сорвался крик и он не почувствовал, как ее бедра поднялись навстречу ему. Джондалар чуть отстранился, а потом резко подался вперед. Он почувствовал, что барьер преодолен. Нория вскрикнула от боли и удовольствия. Он услышал свой сдавленный стон, когда из его содрогающегося тела изверглось семя.

Джондалар вышел из нее, а затем, уже не сдерживая себя, проник в нее еще несколько раз, чувствуя, как последние капли семени покидают его. Все было закончено. Джондалар рухнул рядом с Норией. Его голова покоилась на ее груди, он тяжело дышал. Женщина расслабилась. Ее голова была повернута набок, глаза закрыты. Когда через несколько минут Джондалар отстранился от Нории, он увидел кровь на белых меховых шкурах постели. Он поудобнее устроил тело девушки на ложе и улегся рядом, утонув в мехах.

Через некоторое время, когда сердцебиение и дыхание Джондалара успокоились, он почувствовал, что кто-то прикасается к его голове. Открыв глаза, он увидел морщинистое лицо и сверкающие глаза Хадумы. Нория чуть пошевелилась. Хадума улыбнулась, удовлетворенно кивнула и завела заунывные песнопения. Нория открыла глаза. Она была рада видеть колдунью. Когда старуха убрала руки от головы Джондалара и положила их ей на живот, это доставило Нории еще больше удовольствия. Распевая заклинание, Хадума высвободила испачканные кровью меха из-под лежащих на них тел. Считалось, что кровь женщины, пролитая во время ритуала Первой Радости, обладает волшебными свойствами.

Улыбнувшись, старуха снова взглянула на Джондалара и коснулась скрюченным пальцем его поникшего члена. Джондалар почувствовал, что его вновь охватывает желание: его плоть восстала, затем поникла. Хадума тихо усмехнулась и покинула шатер.

Утомленный Джондалар устроился около Нории, а она, сидя рядом, смотрела на него блестящими томными глазами.

– Джондалар – мужчина, Нория – женщина, – произнесла она, чувствуя, что теперь имеет на это полное право, наклонилась и поцеловала его.

Джондалар с удивлением почувствовал, как в нем вспыхнуло желание, и задумался, уж не дано ли оно ему прикосновением Хадумы. Но он перестал думать об этом, потому что пришло время научить юную Норию, как подарить радость мужчине, чтобы тот в ответ подарил наслаждение ей.

К тому времени, когда Джондалар вышел из палатки, огромный осетр уже был вытасчен на берег. Незадолго до этого Тонолан заглянул в шатер и показал ему остроги, однако Джондалар только покачал головой и, обняв Норию, вновь забылся сном. Когда наконец он проснулся, Нории рядом с ним уже не было. Он натянул штаны и направился к берегу. Увидев радостно смеющихся Тонолана, Джерена и нескольких его сородичей, он пожалел о том, что отказался составить им компанию.

– Нет, вы только посмотрите, кто к нам пришел! – радостно заблеял Тонолан. – Сколько нам пришлось уродоваться, чтобы извлечь эту старую Хадуму из воды, а он знай себе на ложе нежится...

Джерен тут же уловил смысл сказанного.

– Хадума! Хадума! – завопил он, покатываясь от смеха и указывая пальцем на огромную рыбину.

Он стал обходить ее и остановился перед примитивной акульей головой осетра. Длинные усы говорили о том, что рыбина живет на дне и питается водорослями. Если бы не огромные размеры – ее длина составляла не менее пятнадцати футов, – она была бы совершенно безобидной.

Молодой охотник ухмыльнулся и принялся покачивать бедрами перед носом огромной старой рыбы, словно хотел удостоиться ее касания.

– Хадума! Хадума!!!

Округа огласилась грубым хриплым смехом его сородичей. Джондалар заулыбался. Охотники стали плясать вокруг рыбины, тряся телесами и выкрикивая имя своей прародительницы:

– Хадума! Хадума!

Вскоре танец превратился в настоящую драку – все его участники пытались пробиться к заветному месту возле рыбьей головы. Один из охотников плюхнулся в реку и тут же поспешил затащить туда же своего товарища. Не прошло и минуты, как в реке успели побывать все танцоры – в том числе и Тонолан.

Выбравшись на берег, он первым делом устремился к своему старшему брату.

– Думаешь, тебе удастся уйти отсюда сухим? – сказал он упиравшемуся изо всех сил Джондалару. – Нет, братишка, ничего у тебя не выйдет! Джерен, давай окунем Синий Глазка!

Едва слышав свое имя, Джерен поспешил к братьям. За ним побежали и все остальные. Совместными усилиями они подтащили Джондалара к берегу. В следующее мгновение все участники этой шутилой свалки оказались в воде, что еще пуще рассмешило их. Мокрые и донельзя довольные, они вышли на берег, и тут один из них заметил, что возле рыбины стоит не кто иной, как сама Хадума. Смех тут же смолк.

– Хадума? – строго спросила старуха.

Охотники испуганно переглянулись и застенчиво потупили глаза. Старуха довольно захихикала и, встав возле рыбьей головы, закрутила своим задом. Ее счастливые отпрыски радостно засмеялись и, подбежав к ней, дружно стали на четвереньки – каждому хотелось, чтобы Хадума прокатилась именно на его спине.

Джондалар вновь улыбнулся, мгновенно поняв, что подобную игру они затевали не впервые. Соплеменники не только почитали свою древнюю прародительницу, они по-настоящему любили ее. А Хадума, соглашаясь участвовать в их забавах, получала от этого явное удовольствие. Старуха огляделась по сторонам и, заметив Джондалара, указала на него пальцем. Мужчины подозвали его к себе и с величайшим почтением и осторожностью посадили старуху ему

на спину. Он медленно поднялся на ноги. Хадума показала ему почти невесомой, однако Джондалар не мог не поразиться ее силе и цепкости.

Он медленно пошел вслед за охотниками, побежавшими вдоль берега, но Хадума тут же ударила его по плечу, требуя, чтобы и он перешел на бег. Джондалар послушно исполнил ее приказание и понесся за ликующими отпрысками Хадумы. Они бегали по берегу, пока совершенно не выбились из сил. Джондалар осторожно опустил старуху на землю. Та нашла свою клюку и, гордо выпрямившись, направилась к стоянке.

– Вот это старуха так старуха! – восторженно воскликнул Джондалар, обращаясь к Тонолану. – Шестнадцать детей, пять поколений потомков – ты только подумай! Нисколько не сомневаюсь, она доживет и до того времени, когда родится шестое поколение...

– Увидит шестой потомка, потом умирай.

Джондалар испуганно обернулся. Он даже не услышал, как к ним подошел Тамен.

– Что значит «умирай»?

– Хадума говори – Нория делай синий глазка, дух зеландонии, потом Хадума умирай. Говори – долго здесь сиди, пора уходить. Смотреть детка – тогда умирай. Имя детка джондал – шестой поколение хадумаи. Хадума счастливый зеландонии. Говори – хороший мужчина. Делай приятный Первый Радость трудно. Мужчина-зеландонии – хороший мужчина.

Джондаларом владели противоречивые чувства.

– Если она сама хочет умереть, значит так оно и будет. Но мне грустно даже думать об этом, – сказал он печальным голосом.

– Все хадумаи будет грустный, – кивнул Тамен.

– Скажи, смогу ли я встретиться с Норией? Времени-то прошло совсем ничего... Просто я не знаю ваших обычаев, понимаешь...

– Обычай нету... Хадума говори – да. Твоя скоро уходи?

– Если этот осетр устроит Джерена, то да. Нам нужно спешить. Но скажи, откуда ты это знаешь?

– Мне говори Хадума.

Вечером на стоянке начался настоящий пир, благо осетрины хватало на всех. Днем все члены племени занимались разделкой и нарезкой огромной рыбьей туши. Предназначенная для вяления осетрина резалась узкими полосками. Тогда же Джондалар увидел и Норию – она и несколько сопровождавших ее женщин направлялись к неведомой ему стоянке, находившейся выше по течению реки. Ее привели к нему только с наступлением темноты. Они отправились к реке. Джондалар заметил, что за ними неотступно следуют две женщины, и печально вздохнул. Они уже и так нарушили существующее правило, запрещавшее видеться участникам ритуала в течение нескольких дней, оставить же их наедине сородичи Нории не решились.

Они молча стояли под деревом. Нория печально понурила голову. Джондалар убрал упавшую на ее лицо прядку волос и, взяв Норию за подбородок, повернул к себе ее лицо. В ее глазах стояли слезы. Он отер их костяшками пальцев и поднес ставшую влажной руку к своим губам.

– О Джондалар... – прошептала она, припав к нему.

Он обнял Норию и дважды поцеловал ее в губы – первый раз нежно, второй – страстно.

– Нория... Женщина... Красавица...

– Джондалар делай Нория женщина, – пробормотала она. – Делай Нория... Делай...

Она едва не разрыдалась, понимая, что ей так и не удастся найти нужных слов.

– Я знаю, Нория. Знаю...

Он сделал шаг назад и, улыбнувшись, легко похлопал ее по животу. Заплаканное личико Нории осветилось улыбкой.

– Нория делай зеландонии. – Она нежно коснулась его века. – Нория делай Джондал. Хадума...

– Да, – кивнул Джондалар. – Тамен сказал мне об этом. Джондал – шестое поколение хадумаи... – Он взял в руку свой мешочек. – Нория, я хочу кое-что дать тебе, слышишь? – Достав из мешочка каменную донии, он вложил ее в раскрытую ладонь Нории. Как ему хотелось сказать ей о том, сколь дорога ему эта старинная, передававшаяся из поколения в поколение вещь, полученная им от матери... Он печально улыбнулся. – Эта донии – моя Хадума. Хадума Джондалара. Теперь она твоя. Хадума Нории.

– Хадума Джондалара, – изумилась она, глядя на резную каменную фигурку. – Хадума Джондалара? Нория?

Он утвердительно кивнул. Заливаясь горячими слезами, Нория поднесла донии к губам:

– Хадума Джондалара...

Тонкие ее плечики сотрясались от рыданий. Совершенно неожиданно она поцеловала его в лицо и, заплакав еще горше, не разбирая дороги побежала к стоянке.

С ними прощался весь лагерь. Рядом с несчастной, обливавшейся слезами Норией стояла довольная, улыбающаяся Хадума. Джондалар вновь смахнул со щеки Нории слезинку и поднес руку к губам. Нория печально улыбнулась. Джондалар вздохнул и направился к терпеливо дожидавшемуся его Тонолану, заметив в последний момент томный взгляд, брошенный на Норию Джереном.

Нория стала женщиной, получившей благословение самой Хадумы. Ее ребенок должен был осчастливить очаг ее мужчины. Все уже знали о том, что во время ритуала она испытывала блаженство и радость, и это значило, что она станет хорошей женой – любвеобильной и желанной.

– Ты действительно считаешь, что твой дух даст Нории ребенка? – поинтересовался Тонолан, когда стоянка осталась позади.

– Что я тебе могу ответить? Хадума очень мудрая женщина. Она знает куда больше, чем все остальные. Она действительно «большой шаман». Если кто-то и способен на такие вещи, так это она.

Какое-то время они молча шли вдоль берега. Наконец Тонолан сказал:

– Большой брат, мне нужно задать тебе один вопрос.

– Задавай.

– Как это тебе удастся? Я знаю, все мужчины говорят, что они готовы участвовать в ритуале Первой Радости хоть каждый день, хотя на деле многие побаиваются его. Я знаю нескольких мужчин, которых постигла неудача, – ты понимаешь, о чем я... Честно говоря, я и сам не очень-то уверенно чувствую себя в этой роли, пусть у меня и не было таких случаев, чтобы я с ней не справился. Тебя же выбирают постоянно, верно? Мало того, все эти женщины после этого влюбляются в тебя. Как ты это делаешь? Я наблюдал за тобой во время празднеств, но ничего необычного не заметил – ты делаешь это точно так же, как и все остальные.

– Не знаю, Тонолан, – ответил Джондалар, пожав плечами. – Я пытаюсь быть заботливым, и только.

– Можно подумать, другие мужчины этого не делают. Здесь явно что-то не так. Как это говорил Тамен? «Делать женщина приятный – трудно». Скажи, в чем твой секрет? Я стараюсь не делать ей больно, и только. Был бы ты недоразвитым, я бы еще понял... Давай открой своему братишке секрет. Я ведь никогда не тяготился женским обществом, ты же знаешь... По мне, чем их больше, тем лучше.

Джондалар замедлил шаг и повернулся к Тонолану:

– Да, с тобой все понятно. Наверное, я обещал Мароне вернуться именно для того, чтобы у меня был повод уйти от любой из них. – Джондалар наморщил лоб. – Ритуал Первой Радости является для женщины совершенно особым событием. Для меня – тоже. Но многие молодые

женщины в каком-то смысле так и остаются девочками. Им что мальчишки, что мужчины – все едино... Как ты скажешь такой молодой женщине, с которой ты только что провел эту особую ночь, что предпочел бы иметь дело не с нею, а с женщиной, более искушенной в любовных делах? Великая Дони, Тонолан! Мне не хочется обижать их, но влюбиться и провести вместе ночь – не совсем одно и то же.

– Джондалар, порой мне кажется, что ты никогда никого не любил.

Джондалар ускорил шаг.

– Что ты хочешь этим сказать? Я любил многих женщин.

– Как тебе сказать... Мы говорим о разных вещах.

– Откуда ты это знаешь? Ты-то сам кого-нибудь любил?

– Да. Со мной такое случалось несколько раз, пусть обычно это длилось и недолго...

Ладно, брат, не хочешь говорить, не говори. Можешь от меня не убежать.

Джондалар вновь пошел помедленнее.

– Может, ты и прав. Я действительно никого не любил... Наверное, я вообще никого не люблю...

– Ну и что с того? Кому от этого будет хуже?

– Слушай, оставь ты меня в покое! – зло выпалил Джондалар и тут же совсем другим тоном добавил: – Не знаю, Тонолан... Мне нравятся женщины... Каждый раз, когда я участвую в ритуале Первой Радости, сердце мое переполняется любовью и восторгом. Но я предпочитаю иметь дело с женщинами, а не с девушками. Она должна быть свободной и раскованной, со своими желаниями и предпочтениями, понимаешь? При этом она может быть молодой или старой, наивной или опытной – словом, какой угодно...

– Много хочешь, братишка.

– Ты спросил – я ответил.

Какое-то время они шли молча.

– Слушай, может, ты знаешь, сколько лет зеландонии? – неожиданно спросил Тонолан. – Наверное, чуть помоложе Матери, верно?

Джондалар мгновенно насторожился:

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Говорят, еще несколько лет назад она была редкостной красавицей. Старые люди утверждают, что никто не мог с ней сравниться. Мне трудно это понять, но они почему-то считают ее достаточно юной для того, чтобы быть Первой из Тех, Кто Служит Матери. Расскажи мне о ней, большой брат. И ответь мне, правда ли то, что они говорят о тебе и зеландонии?

Джондалар остановился и заглянул в лицо своему брату.

– Сначала скажи, что они говорят обо мне и зеландонии? – процедил он сквозь зубы.

– Прости... Не надо было мне говорить об этом... Будем считать, что я ни о чем тебя не спрашивал, идет?

Глава 5

Эйла вышла из пещеры и, остановившись на краю каменного карниза, принялась потягиваться и тереть глаза. Солнце только-только взошло; прикрыв глаза рукой, Эйла стала искать взглядом табун. Она провела в пещере всего несколько дней, но подобное начало утра уже стало входить у нее в привычку. Такой обычай делал ее одинокое существование более сносным – в эти минуты она вспоминала о том, что в долине, кроме нее, живут и другие живые существа.

Она уже была знакома с повадками лошадей, знала, куда и когда они ходят на водопой и под какими деревьями скрываются от полуденного зноя. Она стала выделять некоторых животных. Ей нравился годовалый жеребенок с очень светлой сероватой шкурой, казавшейся на фоне его темных задних ног и жесткой гривы едва ли не белоснежной; темная полоска виднелась и на его спине. Эйла выделяла среди прочих и мышастую кобылицу с жеребенком, шкура которого имела такой же золотистый цвет, как и у жеребца. Конечно же, самым заметным в табуне являлся его вожак, место которого когда-то должен был занять один из годовалых жеребят, вызывавших у жеребца досаду, или кто-нибудь из еще более молодых животных. Золотистый жеребец с темно-коричневыми гривой и задними ногами находился в самом расцвете сил, что не могло не сказаться на его повадках.

– Доброе утро, лошадиное племя! – просигналила Эйла, сделав приветственный жест, обычный для этого времени суток. – Сегодня я спала долго. Вы уже успели утолить жажду, а я еще нет...

Эйла легко и уверенно сбегала к реке – за прошедшие несколько дней она успела изучить эту дорогу до малейших деталей. Утолив жажду, она решила искупаться и сбросила с себя шкуру. Это была ее старая накидка, которую она успела не только выстирать и высушить, но и обработать скреблом, вернув коже прежнюю мягкость. Естественно присущие Эйле аккуратность и чистоплотность были подкреплены воспитанием, полученным у Изы, успех растительной фармакопеи которой во многом зависел от аккуратности и точности, – путаница в подобных делах считалась совершенно недопустимой. Она ясно осознавала и опасность, которую таили в себе грязь и инфекции. Конечно же, грязь являлась неизбежным спутником любого путешественника, но здесь, на берегу реки, с ней можно было расстаться.

Она взъерошила свои густые светлые волосы, волнами падавшие ей на плечи.

– Сегодня утром я помою голову, – произнесла она вслух.

Вспомнив о зарослях мыльного корня, она отправилась к излучине. Набрав корней, она вернулась назад и увидела возле берега большой, выступающий из-под воды валун с несколькими чашеобразными углублениями. Подобрал с земли круглый камень, она пошла к валуну. Она обмыла корни и, налив воду в одно из углублений, принялась растирать их, насыщая воду мыльным сапонином. Когда выемка наполнилась пеной, она намылила ею голову и тело, после чего нырнула в воду.

Большой кусок высившейся над склоном стены в свое время рухнул вниз. Эйла забралась на его надводную часть, согретую лучами солнца. Ее отделяла от берега узкая протока, вода в которой доходила Эйле до пояса. Часть ее была затенена ветвями большой ивы, оголенные корни походили на длинные костлявые пальцы, тянущиеся к реке. Она отломила ветку с кустика, ухотившего корнями в узкую трещину, зубами очистила ее от коры и принялась расчесывать ею свои сохнувшие на солнце волосы.

Она мечтательно смотрела в воду, мыча себе под нос что-то невразумительное, и тут ее внимание привлекло какое-то движение. Она мгновенно насторожилась и, присмотревшись получше, увидела под корнями крупную форель. «Я не ела рыбы с тех самых пор, как покинула пещеру», – подумала она, тут же вспомнив о том, что еще не завтракала.

Она отошла к противоположному концу каменного островка, бесшумно спустилась в воду и, отплыв далеко в сторону, вышла на мелководье. После этого она опустила руку под воду и медленно-медленно пошла назад, борясь с сильным течением. Оказавшись возле дерева, она увидела перед собой форель, затаившуюся под корнями.

Глаза Эйлы возбужденно сверкнули. Она стала вести себя еще осторожнее, боясь вспугнуть добычу. Остановившись в футах от хвоста рыбы, она завела над ней руку и легко коснулась ее головы. В следующее мгновение она схватила форель за жабры и швырнула ее на берег. Форель отчаянно забилась на камнях, однако агония ее была недолгой.

Эйла довольно улыбнулась. Ловить форель руками ее учили еще в детстве. Сейчас она испытывала такую же радость, как и в тот раз, когда ей удалось поймать свою первую рыбу. Она хорошенько рассмотрела это место, понимая, что со временем сюда могут приплыть и другие. Вернувшись на берег, она подняла с земли свою добычу, вспоминая вкус форели, запеченной на раскаленных камнях. Рыба была настолько крупной, что Эйла вряд ли смогла бы съесть ее за один присест.

Пока готовился завтрак, Эйла занималась плетением корзины из листьев юкки, собранных ею накануне. Это была самая обычная корзина, предназначенная для вполне конкретной цели, но благодаря некоторым вариациям, позволявшим менять фактуру материала, Эйле удалось сделать на ней простенький узор. Она работала быстро и со знанием дела, стараясь, чтобы корзина получилась водонепроницаемой. Такие корзины обычно использовались для готовки, но Эйле она была нужна совсем для иной цели. Она хотела сделать емкость для хранения зимних припасов.

«Собранная вчера смородина высохнет через несколько дней, – подумала она, посмотрев на круглые красные ягоды, рассыпанные на травяных матах, лежавших перед входом в пещеру. – К тому времени поспеют другие ягоды. Черники будет много, а вот на сохнущую маленькую яблоньку рассчитывать особенно не приходится. Вишен тоже много, но они вот-вот перезреют. Если уж их собирать, так сегодня. Если птицы не поклюют семена подсолнечника, можно будет собрать и их. Возле яблони я видела знакомые кустики, похожие на лещину. Только они какие-то мелкие, не то что возле нашей пещеры... Может, в шишках тех сосен есть орешки? Я смогу собрать их и попозже. Скорее бы приготовилась эта рыба!

Надо засушить зелени. И лишайников. И грибов. И кореньев. Все корни сушить не нужно – часть можно положить в дальний конец пещеры. Может, собрать побольше семян амаранта? Они такие маленькие, поэтому их вечно не хватает. Нужно запастись зерно – на лугу зрелых колосьев предостаточно... Так, сегодня я буду собирать зерно и вишню, но прежде мне нужно запастись корзинами... Может, сделать их из бересты? Жаль, что у меня нет сыромятной кожи, из которой можно было бы изготовить большой мешок.

Когда я жила с кланом, там всегда находились лишние шкуры. О-хо-хо... А что я буду надевать на себя зимой? Шкурки кроликов и хомяков слишком малы и тонки. Если бы я могла охотиться на мамонтов, у меня было бы много жира – даже на светильники могло бы хватить. Разве есть что-нибудь вкуснее и сытнее мяса мамонта? Интересно, готова ли форель?»

Эйла сдвинула в сторону мягкий лист и потыкала рыбу тонкой палочкой. Рыба была уже практически готова.

«Если бы хоть немного соли... Но поблизости нет моря. Тут уж ничего не поделаешь. У листьев мать-и-мачехи солоноватый вкус, к ним можно добавить семена и листья других растений. Иза могла сделать вкусной любую пищу. Может, мне стоит отправиться в степь и поохотиться там на куропаток? А потом приготовить их так, как это нравилось Кребу?»

К ее горлу тут же подступил комок. Эйла затрясла головой, пытаясь отогнать от себя воспоминания об Изе и о Кребе.

«Еще мне нужно где-то развесить травы – для заварки и для снадобий. Я ведь могу заболеть. Надо будет срубить несколько молодых деревьев и натянуть между ними кожаные ремни.

Надо, чтобы они немного высохли... Рубить деревья на дрова мне, скорее всего, не придется – валежника и плавника предостаточно, да и лошадиный помет годится... Если его высушить, он горит прекрасно. Начну таскать дрова прямо сегодня, а через несколько дней займусь орудиями. Какое счастье, что я нашла здесь кремь. Рыба, должно быть, готова...»

Эйла ела форель прямо с раскаленных камней, на которых она запекалась. Она подумала о том, что в грудке костей и плавника можно будет найти какую-нибудь плоскую кость или доску, чтобы использовать ее в качестве тарелки. Для этой цели лучше всего подходили лопаточные и тазовые кости. Она опорожнила свой маленький мех, вылив его содержимое в чашу для готовки, и в который раз пожалела о том, что у нее нет желудка какого-нибудь крупного животного – из такого желудка она смогла бы сделать новый, куда более вместительный мех. Опустив в воду несколько раскаленных камней, она бросила в чашу горсть сухих плодов шиповника, хранившихся в сумке со снадобьями. Обычно она использовала шиповник как лекарство от легкой простуды, но из него можно было заваривать и вкусный, приятный чай.

Непростая задача сбора, обработки и хранения даров долины несколько не страшилась Эйлу, напротив, она хотела заняться ее решением прямо сейчас. Нужно было как-то отвлечь себя от мыслей об одиночестве. Она прекрасно понимала и то, что времени на эту работу у нее осталось совсем немного. Помощников у нее не было, а запастись следовало очень и очень многое. Впрочем, хватало тревог и без того...

Попивая горячий чай, Эйла продолжала плести корзину. Что ей понадобится для того, чтобы пережить долгую зиму?

«Шкура, которой я буду укрываться зимой, – подумала она. – Мясо. Ну а жир? Какой-то запас жира тоже нужен. Зимой без него никак не обойтись. Лучше заняться не корзинами, а коробами из бересты, но для того, чтобы их клеить, мне понадобятся копыта, кости и мездра – иначе клей не сварить. Где же я возьму большой мех для воды? А ремни для сушилки? Я смогла бы обойтись жилами и внутренностями, которые набила бы жиром, и...»

Ее быстро двигавшиеся пальцы внезапно замерли. Эйла потрясенно уставилась прямо перед собой. «Мне достаточно убить одно-единственное большое животное, чтобы все это стало явью! Одно-единственное! Но как это сделать?»

Эйла доплела свою небольшую корзинку, поставила ее внутрь старой, а ту повесила себе на спину. После этого сложила орудия в складку своей накидки, прихватила с собой копалку и пращу и отправилась в сторону луга, где находилась дикая вишня. Сначала она собрала все ягоды, до которых можно было дотянуться с земли, после чего полезла на дерево. Переспевшие кисло-сладкие ягоды она съедала на месте, прочие складывала в свою корзину.

Спустившись вниз, Эйла решила прихватить с собой и вишневой коры, считавшейся сильным средством от кашля. Она стесала каменным топором тонкий слой плотной наружной коры, после чего принялась соскребать ножом мягкий камбий. Когда-то в детстве ей довелось собирать вишневую кору для Изы. Неожиданно Эйла заметила на поле нескольких мужчин, решивших поупражняться в метании камней и дротиков. Она знала, что подсматривать за другими нехорошо, но ей было интересно, как же старый Зуг будет учить мальчика метанию камней из пращи. Она знала и о том, что женщинам возбраняется брать в руки оружие, однако, когда мужчины ушли, оставив пращу на земле, не смогла устоять перед таким соблазном. Ей страшно хотелось метнуть камень-другой.

«Интересно, дожила бы я до этого момента, если бы не подобрала ту пращу? Впрочем, если бы я не научилась владеть ею, Бруд не относился бы ко мне так плохо и мне, возможно, не пришлось бы уходить оттуда... С другой стороны, тогда не было бы и Дарка... Если бы, если бы... – подумала Эйла с грустной усмешкой. – Зачем думать о том, чего нет? Они там – я здесь. А с пращой охотиться на крупное животное просто смешно. Мне нужен дротик!»

Эйла направилась к реке, чтобы отмыть руки от липкой вишневой смолы и утолить жажду. Путь ее проходил через осиновую рощу. Вид стройных молодых деревьев заставил ее

остановиться. Потрогав ствол одной из осин, она просияла. Это именно то, что ей нужно! Она сможет сделать копье!

Эйла поежилась.

«Представляю, как озлился бы сейчас Бран! Он разрешил мне охотиться, но только с помощью пращи, и никак иначе. Он... Но что бы он сделал? Что? Я здесь, а они там... К тому же я для них умерла. Здесь только я – я одна...»

И тут что-то оборвалось в ней, подобно перетянутой, не выдержавшей напряжения жиле. Эйла рухнула на колени. «Как бы мне хотелось, чтобы рядом со мной жил какой-нибудь человек! Кто угодно. Какой угодно. Даже Бруду я была бы рада. Если бы он разрешил мне вернуться назад и увидеться с Дарком, я согласилась бы навсегда отказаться от пращи». Эйла зарыдала в голос, прикрыв лицо руками и припав к тонкой осинке.

Ее плач не взволновал ни одного из здешних обитателей. Мелкие создания, населявшие луг и рощу, постарались уйти как можно дальше от этого странного существа, производившего непонятные всхлипывающие звуки. Никто не мог ни услышать, ни тем более понять ее. Во время своих скитаний Эйла лелеяла надежду на то, что ей удастся найти людей – таких же людей, как она сама. Теперь же, когда она решила остановиться в этой долине, надеяться ей было уже не на что. Ей оставалось одно – принять свое одиночество как должное, сжиться с ним. Но не только чувство одиночества мучило Эйлу – ее снедала постоянная тревога о будущем. Она с ужасом думала о приближающихся холодах. Насколько суровы здешние зимы? Сможет ли она пережить эту пору? Все последние дни она жила в страшном напряжении, которое и являлось истинной причиной ее слез. Впрочем, теперь, когда она наплакалась вволю, ей стало заметно легче.

Когда она поднялась на ноги, ее слегка знобило, однако она заставила себя взять в руки каменный топор и принялась подрубать сначала одну, потом другую молодую осинку. «Я видела, как мужчины делают копья, – подумала она, срубая с дерева ветки. – Это совсем не сложно». Она оставила очищенные от ветвей стволы на краю поля и отправилась собирать колосья односеменной пшеницы и ржи. Этому она посвятила весь остаток дня. Возвращаясь назад, она прихватила с собой и будущие древки копий.

Едва ли не весь вечер ушел у нее на очистку осиновых стволов от коры и на их обстругивание. Во время короткого перерыва она приготовила немного зерна (она собиралась съесть его с остатками рыбы) и рассыпала вишню по матам. Эйла приготовилась к следующему шагу еще до наступления темноты. Она перетащила древки в пещеру и, отмерив на одном из них нужную длину, несколько больше ее собственного роста, сделала зарубку. После этого она принялась обжигать отмеренную часть в пламени костра, равномерно вращая древко вокруг оси, как это делали мужчины из клана. Сняв почерневший верхний слой зубчатым скреблом, она продолжила обжиг, время от времени углубляя круговую канавку. Когда наконец верхняя часть ствола отломилась, она занялась обжигом и заточкой острия копья, после чего взялась за обработку второй осины.

Работу эту Эйла закончила очень поздно. Она чувствовала крайнюю усталость, которая ее радовала. Чем больше устаешь, тем сильнее хочется спать. Ночи стали для нее самым тягостным временем. Эйла засыпала огонь, подошла к выходу из пещеры и подняла глаза к ночному небу, усеянному множеством сверкающих звезд, пытаясь хоть как-то отсрочить время отхода ко сну. Ложе ее представляло собой неглубокую яму, заполненную сухой травой, на которую была брошена шкура. Эйла направилась туда медленным шагом и легла на шкуру так, чтобы были видны тлеющие уголья костра.

Стояла полнейшая тишина. Здесь не было ни людей, готовящихся отойти ко сну, ни храпа, ни звуков любовных игр – ни единого вздоха, кроме ее собственного дыхания. Она потянулась к мягкой шкуре, которой когда-то подвязывала к спине сына, и прижала ее к груди,

почувствовав, как по щекам побежали горячие слезы. Она укрылась с головой и свернулась в калачик, чувствуя, что на сей раз ей не скоро удастся заснуть.

Эйла проснулась оттого, что ей захотелось облегчиться. Она вышла из пещеры и увидела у себя на ноге кровь. Вернувшись назад, она стала рыться в своих нехитрых пожитках, разыскивая полоски мягкой кожи и специальный пояс. Кожу эту давно следовало выбросить. Эйла пыталась стирать ее, однако она стала жесткой и засаленной. Если бы у нее была шерсть муфлона... Она вспомнила о мягкой кроличьей шкурке. «Я хотела оставить эту шкурку на зиму, но до той поры я еще успею добыть кроликов...»

Нарезав шкурку на узкие полоски, она отправилась к реке, желая совершить ставшее привычным утреннее омовение. «И как это я могла об этом забыть? Теперь я и делать-то ничего не смогу, разве что...»

Она расхохоталась. Здесь женское проклятие не имело силы. Здесь не было ни мужчин, на которых она могла бы посмотреть, ни предназначенной для них пищи, которую она могла оквернить своим прикосновением. Она была одна. Одна-одинешенька.

«И все-таки мне следовало это предвидеть... Правда, дни теперь несутся так быстро... Кто бы мог подумать, что прошло столько времени? Давно ли я попала в эту долину?» Она пыталась вспомнить, но дни словно сливались воедино. Эйла нахмурилась. «Это ведь очень важно... Может, времени у меня осталось куда меньше, чем я думала...» На миг ею овладела паника. «Все не так уж и плохо, – напомнила она самой себе. – До тех пор пока не созреют плоды и не опадут липы, снег не пойдет. Ладно, попробую вести счет дням...»

Некогда Креб показал, как следует делать зарубки на палке, чтобы отметить ход времени. Он поразился тогда ее сообразительности: она вмиг поняла, что к чему, хотя он лишь кратко объяснил это, снисходя к ее постоянным вопросам. Это священное знание передавалось только мог-урам и их прислужникам, и о нем не следовало говорить с девчонкой, поэтому он запретил ей упоминать об этом. Ей вспомнился гнев Кребса, заставшего ее за изготовлением подобной палки, с помощью которой она хотела считать дни между полнолуниями.

– Креб, если ты видишь меня из мира духов, пожалуйста, не гневайся на Эйлу, – сказала она на своем безмолвном языке жестов. – Ты же понимаешь, как это важно.

Она нашла длинную гладкую палку, взяла в руки кремневый нож и сделала зарубку. Немного подумав, она дополнила ее еще двумя зарубками, после чего поднесла к лицу руку с тремя оттопыренными пальцами. «Вроде бы дней прошло куда больше... Сколько, я не знаю... Пусть уж будет столько. Сегодня вечером я добавлю еще одну зарубку, завтра – еще, и так – каждый день». Она вновь посмотрела на палку. «А вот над этой зарубкой я сделаю другую – поменьше, – помечу день, когда у меня пошла кровь...»

После того как Эйла изготовила копьё, луна прошла через добрую половину своих фаз, но она все еще не понимала, каким образом можно добыть большое животное. Она сидела возле входа в пещеру, устремив взгляд к звездному небу. Летний зной настолько измучил ее, что она искренне радовалась вечерней прохладе. Эйла только что закончила новый летний наряд. Надевать в такую жару свою обычную накидку ей не хотелось. Возле пещеры она могла ходить и голой, но, если речь шла о дальних походах, ей нужно было иметь при себе накидку со складками, в которых она носила и орудия, и находки. Став женщиной, она стала подвязывать свою пышную грудь широкой кожаной лентой, что позволяло ей бегать и прыгать, не испытывая никаких неудобств. Здесь, в долине, где можно было не бояться косых взглядов мужчин, подобный наряд представлялся ей самым разумным.

Шкуры, которую она могла бы укоротить, у нее не было, и потому она стала использовать в качестве набедренной повязки и пояса, стягивавшего ей грудь, кожу кроличьих шкурок.

Утром Эйла решила отправиться в степь. Копья у нее теперь имелись – оставалось надеяться на то, что попадется и достойная дичь.

По пологому северному склону долины она могла подняться к степной равнине, лежавшей к востоку от реки; выбраться на запад было куда сложнее – ей пришлось бы карабкаться вверх по крутому обрыву. Эйла встретила в степи оленей, зубров, лошадей и даже нескольких сайгаков, однако вернулась домой с парой куропаток и большим тушканчиком. Все объяснялось тем, что крупные животные не подпускали ее к себе, предпочитая отходить на безопасное расстояние.

Дни проходили за днями, и Эйла, не оставлявшая попыток добыть крупную дичь, стала постепенно впадать в уныние. Она частенько бывала в обществе мужчин и потому не могла не слышать разговоров об охоте, тем более что ни о чем ином мужчины не говорили. Так вот, мужчины всегда охотились сообща. Излюбленная их тактика походила на тактику волчьей стаи и заключалась в следующем: они отсекали одно из животных от стада и загоняли его до такой степени, что к моменту нанесения решающего удара их жертва уже едва держалась на ногах. Эйла же охотилась в одиночку.

Иногда мужчины рассказывали о том, как таятся, поджидая своих жертв, терпеливые огромные кошки, чтобы затем, сделав молниеносный бросок, поразить их своими страшными когтями и клыками. Но, увы, Эйла не обладала ни когтями, ни клыками, ни проворностью кошки. К тому же она никак не могла привыкнуть к этим длинным и тяжелым копьям... и все-таки иного выхода у нее попросту не существовало.

В ночь новолуния ей в голову пришла неплохая идея. В новолуние – Праздник Пещерного Медведя проводился именно в такие ночи – она частенько вспоминала Собрания клана.

Она стала вспоминать охотничьи сцены, представленные разными кланами. Лучше всех танцевал неистовый, могучий Бруд, рассказывавший собравшимся о том, как ему и его соратникам, вооруженным факелами, удалось загнать в гиблый распадок огромного мамонта. Вторыми были хозяева, показавшие гостям, как они вырыли на тропе, которой носороги шли на водопой, глубокую яму, покрыли ее ветками и загнали это страшное животное, известное своей непредсказуемостью и неистовостью.

Выйдя на следующее утро из пещеры, Эйла первым делом отыскала взглядом лошадей. На сей раз она их уже не приветствовала. Хотя Эйла узнавала всех животных, входивших в табун, они стали для нее едва ли не друзьями, но сейчас, когда речь шла о ее выживании, об этом можно было забыть.

В течение нескольких дней она только и делала, что наблюдала за лошадьми. Ее интересовало, где животные предпочитают пастись, как идут на водопой, где они проводят ночи. Постепенно у нее сложился план. Она старалась продумать все, вплоть до мельчайших деталей.

Целый день у нее ушел на то, чтобы нарубить веток и перенести их на луг. Она перегородила ими узкий проход между деревьями, росшими на берегу реки. Затем стала собирать смолистую кору и ветки хвойных деревьев, сухие трухлявые коряги, загоравшиеся в мгновение ока, и сухую прошлогоднюю траву. Вечером она занялась изготовлением дымных факелов, для чего ей и понадобились смола и трава.

Утром следующего дня она захватила с собой из пещеры палатку и рог зубра. Спустившись к подножию стены, она извлекла из-под груды плавника большую плоскую кость и принялась затачивать ее край. После этого она прихватила с собой все имевшиеся в ее распоряжении ремни и жилы, искренне надеясь на то, что они ей действительно понадобятся, и, спустившись вниз, принялась срывать с деревьев лианы и бросать их на берег. Она перенесла на берег груды плавника и валежника, для того чтобы развести огонь и здесь.

К вечеру все было готово. Эйла нервно расхаживала по берегу, наблюдая за передвижениями табуна и то и дело с опаской поглядывая на небо. На востоке появилось несколько тучек. Оставалось надеяться на то, что они не затмят собой света луны. Эйла приготовила себе

немного зерна и ягод. Впрочем, есть ей не хотелось. Она взяла в руки копьё и, сделав несколько пробных замахов, вновь положила его на землю.

После этого она снова подошла к горе плавника и костей и извлекла из нее длинную плечевую кость оленя с массивным мослом. Она с силой ударила ею по лежавшему здесь же бивню мамонта и сморщилась, почувствовав в плече неожиданно сильную отдачу. При этом сама кость совершенно не пострадала. О лучшей дубинке не приходилось и мечтать.

Луна вышла из-за горизонта еще до захода солнца. Эйла пожалела о том, что ей ни разу не довелось присутствовать на церемониях, предшествующих охоте. Женщин на них не допускали, ибо считалось, что их присутствие оборачивается для охотников неудачей.

«Скажут тоже, – подумала про себя Эйла. – Будь так, я бы ни за что не стала охотницей. Правда, охотиться на крупных животных мне еще никогда не приходилось...» Она сжала в руке мешочек с амулетом и подумала о своем тотеме. Охотницей ее сделал сам Пещерный Лев! Так сказал ей Креб. Иначе как можно было объяснить то, что она обращалась с пращой куда искуснее любого мужчины? Бран считал ее тотем излишне сильным для женщины и этим объяснял присутствие мужских черт в ее характере. Оставалось надеяться на то, что тотем в очередной раз принесет ей счастье.

Сумерки быстро сгущались. Когда Эйла подошла к речной излучине и увидела вдали угомонившихся до утра лошадей, на землю уже опустилась ночь. Взяв с собой плоскую кость и палатку, Эйла заспешила по высокой траве к просвету между деревьями. Именно сюда лошади приходили по утрам на водопой. В меркнувшем свете листва казалась уже не зеленой, а серой. На фоне быстро темневшего неба дальние деревья сливались в сплошную черную массу. Эйла разложила шкуру на земле и принялась рыть яму, надеясь на то, что ночь выдаться светлой.

Поверхность земли оказалась покрытой плотной коркой, однако под ней грунт был податливым и мягким. Наточенная лопатка входила в него на удивление легко. Вырытый грунт Эйла отбрасывала на шкуру. Время от времени она отгаскивала ее к деревьям, где и сыпала грунт в траву, опасаясь, что куча земли у самой тропы может напугать осторожных и пугливых лошадей. Когда яма стала глубже, она начала класть шкуру на дно. Работа оказалась достаточно трудной, при этом Эйла совершала ее, полагаясь не столько на зрение, сколько на осязание и интуицию. Рыть яму в одиночку ей еще не доводилось. Большие, выложенные камнем ямы для готовки, где можно было запечь добрую половину оленьей туши, выкапывались совместными усилиями всех женщин. Надо заметить, они существенно уступали в размерах этой ямнице.

Стенки ее доходили Эйле до пояса. Внезапно она поняла, что на дне начала выступать вода, и тут же пожалела о том, что стала рыть ловушку так близко к реке. Вода быстро прибывала. К тому времени, когда Эйла наконец сдалась и решила выбраться из ямы, грязная жижа успела подняться выше ее лодыжек.

«Надеюсь, хватит и этого, – подумала она. – В любом случае ничего иного мне не останется. Чем глубже я ее вырою, тем больше в ней будет воды...» Она глянула на луну и поняла, что времени у нее осталось совсем немного.

Она побежала к тому месту, где лежали заготовленные накануне ветки, и, споткнувшись о невидимый корень, тяжело рухнула на землю. «Как это я?» – подумала она, потирая ногу. Ладони и колени саднило, из ссадины сочилась кровь.

Мысль о собственной уязвимости и хрупкости потрясла Эйлу до глубины души. «А если бы я сломала себе ногу? Случись что, мне и помочь некому. Что бы я делала? У меня даже огня с собой нет. А если на меня нападет какой-нибудь зверь?»

Она живо представила себе, как на нее, хищно блеснув глазами, бросается злобная рысь, и рука ее сама потянулась к праще.

Праща оказалась на месте, и это тут же успокоило Эйлу. «Я ведь мертвая... По крайней мере, они меня считают такой. Если что-то должно произойти, так это все равно произойдет, и ничего ты с этим не поделаешь. Беспочиниться не о чем... Главное сейчас – поспеть до утра...»

Она принялась подтаскивать к яме срубленные накануне деревца и ветки. Окружить лошадей в одиночку она не могла, ущелий с отвесными стенами в долине не существовало, однако Эйла интуитивно пришла к совершенно замечательной идее. Недаром она отличалась от всех прочих членов клана не только физически, но и прежде всего развитым, отмеченным печатью своеобразного гения мышлением. Да, в долине не было ущелья, но ведь она может вырыть его!

То, что идея эта принадлежала не ей, не имело особого значения. Для нее она была новой. Эйла не считала ее открытием в полном смысле этого слова. Скорее изменением приемов, которыми пользовались охотники клана; благодаря этому женщина в одиночку могла охотиться на таких животных, о каких мужчина-охотник не смел и мечтать. Это было подлинное открытие, вызванное необходимостью.

Эйла с опаской посмотрела на небо и принялась возводить по сторонам тропы, ведущей к реке – а значит, и к яме, – зеленые заграждения, сплетая ветки срубленных деревьев. Она перекрыла ими все проходы. На востоке звезды уже начинали меркнуть. К тому времени, когда Эйла покончила с этой работой и окинула тропинку взглядом, стало светать. Ранние птицы огласили долину радостными трелями.

Яма имела прямоугольную форму. Длина ее была несколько больше ширины. По краям виднелись грязные следы, оставшиеся от шкуры. В треугольном пространстве, ограниченном с двух сторон сплошными зелеными стенами, сходящимися к яме, трава была не менее грязной. За ямой виднелась река, воды которой отражали свет разгоравшейся зари. Крутой южный склон долины все еще оставался покрытым мглой, однако верхняя его часть тоже начинала постепенно проявляться.

Эйла повернулась в другую сторону и попыталась найти взглядом лошадей. Этот куда более пологий склон долины становился достаточно высоким только в западной ее части, где он вырастал зубчатой стеной, возвышавшейся над ее пещерой, на востоке же он плавно переходил в бескрайние степные просторы. Далеко внизу виднелись покатые, поросшие высокими травами холмы. Там все еще было темно, однако Эйла разглядела движущиеся фигурки лошадей.

Схватив шкуру и заточенную лопатку, она бросилась назад, к берегу реки. Разведенный ею огонь успел потухнуть. Она разгребла палочкой золу и, достав из остывающего костра тлеющий уголек, положила его в рог зубра, после чего побежала к яме, прихватив с собой факелы, копыя и дубинку. Она положила копыя по сторонам ямы (здесь же она оставила и свою костяную дубинку) и побежала вниз, описывая широкую дугу. Ей нужно было зайти в тыл идущим на водопой лошадям.

Она залегла в выбранном заранее укромном местечке и стала ждать.

Это недвижимое бдение показалось ей куда более тягостным занятием, чем ночная работа. Вся она преисполнилась тревожного, напряженного ожидания. Неужели ее план не сработает? Она заглянула в рог и, убедившись в том, что уголек продолжает тлеть, посмотрела на заготовленные ею факелы. Время тянулось бесконечно медленно. В голове постоянно крутилось: то-то и то-то следовало сделать иначе, а это можно было не делать вовсе и так далее. Она ждала лошадей. Возможно, они уже начали свой извилистый путь к водопою. Возможно... Эйле оставалось одно – ждать.

Вскоре она разглядела приближающихся лошадей. Эйле показалось, что они нервничают, но она впервые видела их со столь близкого расстояния и потому могла ошибиться. Жеребец гордо направился к реке, остальные покорно следовали за ним, время от времени останавливаясь, чтобы пощипать травку. Лошади действительно нервничали: с одной стороны, они чуяли присутствие Эйлы, с другой – их тревожил непривычный запах свежерытой земли. Заметив, что шедший впереди жеребец вновь стал менять направление, Эйла решила, что пришло время действовать.

Она зажгла от уголька факел и тут же запылила от первого факела второй. Когда они хорошенько разгорелись, она пустилась вслед за табуном, оставив рог зубра в кустах. Она бежала, вопя, улюлюкая и размахивая факелами. Впрочем, лошади были слишком далеко и потому не обращали на нее особого внимания. Их пугал лишь запах дыма, напомнивший о страшных степных пожарах. Лошади ускорили шаг. Они направлялись к месту своего водопоя, хотя некоторые из них, почувствовав неладное, стали резко забирают к востоку. Эйла помчалась туда же, надеясь преградить им путь. Теперь со своей обычной тропы свернули едва ли не все животные. Эйла с истошным криком поспешила к ним. Лошади повели себя совсем не так, как она того ожидала. Прижимая уши к голове и раздувая ноздри, они понеслись ей навстречу. Долина наполнилась ржанием и храпом пробегавших мимо нее животных. Эйла была готова расплакаться от отчаяния.

Она находилась уже возле восточного края устроенного ночью заграждения, когда вдруг увидела мышастую кобылу, несущуюся прямо на нее. Крепко сжав в руках факелы, Эйла перекрыла ей путь. Казалось, что столкновение неизбежно, но в самый последний момент кобыла резко метнулась в сторону и, увидев, что отступление невозможно, понеслась вдоль заграждения к яме. Эйла поспешила вслед за ней.

Кобыла скакала к узкому проходу, за которым поблескивала река. Когда она увидела разверзшуюся прямо перед ней канаву, было уже поздно. По всей видимости, она хотела перемахнуть через яму, но копыта ее заскользили по грязи, и она рухнула вниз, переломав себе ноги.

Тяжело дыша, Эйла подбежала к краю ямы и схватила в руки копыте. Кобыла барахталась в грязи, хряпя и вскидывая голову. Эйла взяла древко обеими руками, расставила ноги пошире и метнула копыте в кобылу. Оно угодило ей в бок. Рана эта явно была не смертельной. Эйла понеслась на другую сторону ямы и, поскользнувшись, едва не свалилась вниз.

Второй бросок Эйлы пришелся в цель – копыте вонзилось в шею обезумевшей от боли и ужаса кобылы. Она всхрапнула, рванулась вперед и тут же осела на землю. Тихое ее ржание стало походить на жалостный детский плач. Сильный удар костяной дубинкой положил конец ее мучениям.

Эйла боялась поверить своей удаче – происшедшее казалось ей слишком фантастичным. Она так и стояла на краю ямы, опершись на тяжелую кость и пытаясь отдышаться. У ее ног, на дне ямы, лежала недвижная, поверженная ее рукой кобыла. По перепачканной грязью серо-голубой шкуре текла кровь.

Эйла возликовала. С уст ее сорвался торжествующий, победный крик. Никогда в жизни ей не доводилось переживать ничего подобного. Она смогла это сделать!

Посреди бескрайнего континента неподалеку от водораздела между северными лесными степями и более влажными континентальными степями юга, в маленькой уединенной долине молодая женщина с тяжелой дубиной в руках в эту самую минуту казалась самой себе сильной и удачливой. Она сможет пережить зиму. Она выживет.

Впрочем, ликование ее было недолгим. Уже в следующую минуту Эйла поняла, что ей ни за что не вытащить животное из ямы, – придется разделять его на месте. Нужно успеть перенести мясо на берег прежде, чем сюда соберутся хищники, привлеченные запахом крови. Затем нужно будет нарезать его на тонкие полоски, выбрав для этого лучшие части туши, разжечь костер и заняться вялением мяса. И все это время ей придется бодрствовать...

Изматывающая ночная работа и сама охота утомили ее донельзя. Ей вновь вспомнился клан. Убив животное, мужчины могли расслабиться – разделкой и обработкой туши там занимались только женщины. Ее же труды только-только начинались. Эйла горестно вздохнула и прыгнула в яму, чтобы перерезать горло мертвой кобыле.

После этого она сбегала на берег за шкурой и кремневыми орудиями. Возвращаясь, она заметила, что там, на дальнем краю долины, табун продолжал свой бег. Стоило Эйле спуститься

в яму, как она тут же забыла и о нем, и обо всем прочем. Она занялась разделкой лошадиной туши, стараясь не испортить ее и без того поврежденную шкуру.

Она поволокла конину к берегу реки. Вороны, расклевывавшие отброшенные в сторону кости и остатки мяса, не обратили на нее никакого внимания. Подбросив в костер дров, она сложила возле него мясо и вновь побежала к яме, волоча за собой пустую шкуру. Ей пришлось прибегнуть к помощи пращи, чтобы отогнать от убитой кобылы хищников, самыми крупными из которых были лисы. После ее меткого броска одна из лисиц затыкала и, хромя на одну лапу, припустила прочь. Ей пришлось бы несладко, если бы у Эйлы не иссяк запас камней. Потом Эйла утолила жажду и подобрала несколько камней. Они ейгодились. К тому времени, когда она вторично наполнила шкуру кониной, возле костра появилась необычайно смелая росомаха, пытавшаяся стащить самый большой кусок мяса. Камень, выпущенный из пращи, уложил ее на месте. Эйла положила убитую росомаху рядом с кониной, надеясь, что у нее найдется время на то, чтобы снять с нее шкуру. В зимнюю пору мех росомахи нельзя было заменить ничем. Эйла оценила взглядом кучу плавника, собранного накануне, подбросила дров в костер и вновь направилась к яме.

Сколько там собралось зверья! Она и представить не могла, что в долине живет столько хищников. Заметив ее приближение, одна из гиен понеслась прочь, держа в зубах огромный кусок мяса. Запах крови привлек к яме лис, гиен, росомах. Волки и их свирепые, похожие на собак сородичи дхолы старались держаться на расстоянии. Канюки и коршуны вели себя куда наглее – они слетели с туши только после того, как Эйла подошла к краю ямы. На ее счастье, здесь пока не было ни рысей, ни леопардов, ни львов, но Эйла понимала, что и они могут появиться в любое время.

К тому времени, когда она вновь выволокла из ямы грязную шкуру, солнце уже миновало зенит и стало понемногу клониться к западу. Наконец Эйла перетащила к костру последнюю порцию мяса и, полумертвая от усталости, опустилась на землю. Она не спала всю ночь и не ела весь день. Однако мельчайшие из тварей, явившиеся за своей долей, так и не дали ей отдохнуть. Жужжащие назойливые мухи напомнили Эйле о том, что она с головы до ног перепачкана кровью. Помимо прочего, они больно кусались. Она заставила себя подняться на ноги и, не раздеваясь, вошла в воду, приятно охладившую тело.

Купание подействовало на нее освежающе. Потом она поднялась к пещере и разложила мокрую одежду на горячих камнях. Оказалось, что она забыла вынуть из-за пояса свою пращу. Высохнув, та могла стать излишне жесткой. Конечно, Эйла могла ее размять, но на это не было времени. Она надела свой обычный наряд и, прихватив шкуру, которой она укрывалась ночью, подошла к краю выступа. Внизу продолжалось пиршество хищников, табун же бесследно исчез.

Внезапно она вспомнила о своих копьях. Она выдернула их из тела кобылы и оставила возле ямы. Идти за ними страшно не хотелось, но, вспомнив о том, сколько сил и времени ушло на их изготовление, она передумала. Спустившись вниз, Эйла оставила шкуру на берегу и стала собирать камни.

Когда Эйла приблизилась к яме, ей показалось, что она видит ее в первый раз. Зеленые заграждения местами обвалились. Сама яма производила впечатление разверстой раны. Вокруг нее валялись клочья мяса и кости. Два волка грызлись друг с другом из-за остатков лошадиной головы. Возле передней ноги кобылы радостно повизгивали лисята, рядом с ними стояла крупная гиена, с опаской поглядывавшая на Эйлу. Стая коршунов тяжело поднялась в небо, сидевшая же возле ямы росомаха даже и не думала убежать. Кого здесь пока не было, так это кошек.

«Надо спешить, – подумала Эйла, метнув камень в наглую росомаху. – И дров в костер подбросить побольше, иначе от мяса ничего не останется». Гиена издала мерзкий кашляющий звук и лениво отбежала в сторону. «Пошла прочь, уродина!» Эйла ненавидела гиен. Каждый

раз, когда ей доводилось встречаться с ними, она вспоминала о том, как гиена утащила ребенка Оги. Она не хотела, чтобы он умер такой страшной смертью, и убила его...

Она нагнулась, чтобы поднять копыта с земли, и тут же заметила за порушенной зеленой оградой какое-то движение. Она присмотрелась получше и увидела длинноногого золотистого жеребенка, к которому приближалось сразу несколько гиен.

«Как мне жаль тебя, – подумала Эйла. – Я не хотела убивать твою мать – так уж пришлось, понимаешь?» Эйла не испытывала ни малейших угрызений совести. В мире существовали как охотники, так и дичь. Охотники порой сами становились чьей-то добычей. Конечно, у нее были огонь и орудия, но помочь они могли, увы, не всегда. Такова уж жизнь охотника...

Эйла прекрасно понимала, что без матери маленькая лошадка обречена на гибель. Ей было жаль это беспомощное создание... Не раз и не два она приносила к Изе раненых животных, надеясь, что та сможет исцелить их от ран. Как пугался этого Бран! Особенно его страшили хищники...

Она наблюдала за тем, как гиены берут в кольцо маленькую, насмерть перепуганную кобылку. «Лучше тебе умереть, – подумала Эйла. – Заботиться-то о тебе все равно некому...» Однако, когда одна из гиен бросилась на жеребенка и вцепилась ему в бок, она, не раздумывая, метнула в просвет между ветвями сразу несколько камней. Одна из гиен упала, прочие бросились наутек. Эйла не пыталась убивать их – грязные пятнистые шкуры гиен ее никогда не интересовали. Ей хотелось, чтобы эти мерзкие хищники оставили маленькую кобылку в покое. Та отбежала в сторону и остановилась в нерешительности. Она боялась Эйлы, но еще больше опасалась гиен.

Эйла стала медленно приближаться к кобылке, протягивая к ней руку и нежно курлыкая. Она легко находила общий язык со всеми живыми существами, чему способствовала и ее необычайная чувствительность, развитая за время занятий целительством. Иза поощряла эту необычную склонность своей воспитанницы. Чувство сострадания было ведомо и ее сердцу – кто, как не она, в свое время подобрал эту странную девочку?

Маленькая лошадка осторожно понюхала протянутую к ней ладонь. Молодая женщина подошла еще ближе и стала поглаживать ее по мягкой шелковистой шерстке. Кобылка засопела и принялась громко сосать ее пальцы. Сердце Эйлы сжалось.

«Бедная детка, – подумала она. – Она хочет молочка, а мамы-то теперь у нее нет. У меня тоже молока нет, глупенькая, даже для Дарка его не хватало». Она почувствовала, как на ее глаза навернулись слезы, и горестно покачала головой. «Все равно он вырос сильным и здоровым... Может, я и тебя смогу выкормить? Придется тебе отвыкать от материнской груди. Иди ко мне, деточка...»

Она направилась к берегу, продолжая манить кобылку пальцами, и та послушно пошла за ней.

Оказавшись на берегу реки, Эйла увидела возле костра рысь, схватившую большой кусок мяса, доставшегося молодой женщине с таким трудом. Наконец-таки в долине появились и кошки. Эйла вынула из-за пояса пращу и один за другим метнула в хищника два увесистых камня. «Из пращи можно убить даже рысь, – поучал молодых охотников Зуг. – Более крупных животных не трогайте». Эйла вновь убедилась в справедливости и верности его суждений. Кистеухая рысь рухнула замертво. Эйла подобрала выпавшее из ее пасти мясо и подтащила убитого зверя поближе к костру. Рядом с грудой мяса и грязной лошадиной шкурой лежала теперь не только росомаха, но и рысь. Эйла расхохоталась. «Мне нужно было мясо. Мне нужен был мех. Теперь мне нужен помощник».

Испугавшись запаха дыма и громкого смеха Эйлы, кобылка отскочила в сторону. Эйла взяла в руки ремешок, накинула его на шею лошади и повела ее назад. Свободный конец ремня Эйла привязала к одному из кустов и, вспомнив о забытых копытах, побежала к яме. Когда она вернулась назад, жеребенок вновь начал сосать ее пальцы.

– Чем же я тебя буду кормить? У меня ведь ничего подходящего нет...

Она протянула кобылке мягкую молодую травку, однако та не обратила на нее никакого внимания. Взгляд Эйлы упал на чашу с остатками зерна. «Дети могут питаться той же пищей, что и их мать. Но она должна быть помягче и понежнее». Она плеснула в чашу воды и стала растирать зерна. Когда те превратились в однородную мягкую кашу, Эйла поднесла чашу к морде лошади, та захрапела и попятилась назад, потом лизнула Эйлу в лицо и вновь принялась сосать ее пальцы.

Немного подумав, Эйла опустила руку в чашу, после чего вновь поднесла ее к морде кобылки. Та с готовностью облизала пальцы, но, почувствовав неведомый ей прежде вкус каши, недовольно замотала головой. Эйла несколько раз повторила попытку, и голодная кобылка наконец поняла, чего от нее хотят. Когда она съела всю кашу, Эйла сходила в пещеру за новой порцией зерна и тут же принялась его варить.

«Да... Похоже, зерна мне понадобится много. Но успею ли я его заготовить? Сначала надо завялить все это мясо... Как бы удивились мне в клане: сначала я убиваю кобылицу, для того чтобы питаться ее мясом, а потом запасаю пищу для ее детеныша. Но это уже мое дело...»

Вспомнив о том, что она не ела с прошлого вечера, Эйла наколола на заостренную палочку большой кусок конины и укрепила ее над огнем. После этого она взялась за работу.

На небе уже появилась полная розовая луна, загорелись мерцающие звезды, а она все еще продолжала нарезать мясо на тонкие полоски. Она развешивала внутри огненного кольца все новые и новые связки конины, нанизанной на ремни и лианы. Вскоре она взялась за шкуры хищников – рыжевато-коричневую шкуру рыси и грубоватую темную росомахи, – теперь их следовало хорошенько выскоблить и просушить. Отмыв от грязи серую лошадиную шкуру, Эйла растянула ее на камнях. Очищенный и наполненный водой желудок кобылы подсыхал возле костра. Здесь же лежали жилы, тщательно промытые кишки, копыта, кости и куски жира. Жир прежде всего следовало перетопить, хранить же его можно было в кишках. Ей удалось срезать жир и с тушек хищников – она предполагала использовать его для светильников и для защиты от влаги. Их мясо Эйла трогать не стала. Ей не нравился его вкус.

Эйла посмотрела на два последних куска мяса, уже отмытых от грязи, и решила, что она сможет нарезать их и утром. Уж слишком велика была усталость. Она подбросила в костер дров и легла неподалеку, завернувшись в тяжелую медвежью шкуру.

Привязывать лошадку к кустам теперь не было нужды. После второго кормления та уже и не думала уходить. Обнюхав Эйлу, кобылка легла рядом с ней. Молодая женщина обняла теплую доверчивую малышку, услышала ее спокойное сопение и забылась крепким сном.

Глава 6

Джондалар почесал колючий подбородок и потянулся к своей укладке, лежавшей возле чахлой сосенки. Он достал из нее небольшой мешочек, сшитый из мягкой кожи, и, развязав ремешок, осторожно вынул оттуда тонкий кремневый нож. Нож этот – как и любой нож, высеченный из кремня, – был слегка изогнут, однако на остроту режущей кромки это никак не влияло.

Старая, поросшая лишайником сосна протяжно заскрипела на ветру. Откинув полог палатки, ветер ворвался внутрь, раздув шкуры и загудев кожаными оттяжками, прошелся по ней гневливым вихрем и тут же, вылетев наружу, вновь запахнул ее. Внимательно осмотрев нож, Джондалар покачал головой и положил его обратно.

– Что, бороду решил отращивать? – любопытно спросил подошедший к нему Тонолан.

Джондалар вздрогнул от неожиданности.

– У бороды есть один недостаток, – отозвался он. – Я говорю о лете. Стоит вспотеть, как лицо начинает чесаться. В это время бороду лучше сбривать. Зимой же она греет. Лето уже кончилось, зима не за горами, верно?

Тонолан пытался согреть руки – он то дышал на них, то тер их друг о друга. Наконец он сел возле небольшого костерка, горевшего перед входом в палатку, и поднес их к огню.

– Цвета одного не хватает, – буркнул он.

– Цвета?

– Красного цвета. Его нет, понимаешь? Кустов-то здесь полно, но они сперва желтеют, а потом сразу становятся коричневыми. И трава такая же, и листва. – Указав кивком головы на открытое пространство за спиной, он выразительно посмотрел на стоявшего возле дерева Джондалара. – Здесь и сосны какие-то серые... На лужах уже ледок, а осени-то толком и не было. Я все жду.

– Можно подумать, тебе больше делать нечего, – хмыкнул Джондалар, встав возле костра. – Сегодня утром я видел носорога. Он направлялся на север.

– В воздухе уже снегом запахло.

– Тебе кажется. Тогда бы здесь не было ни мамонтов, ни носорогов. Холод-то они любят, а вот снег – не очень. И еще. Когда приближается буря, они спешат к леднику. Умные люди говорят: «Если мамонты пошли на север, сиди на месте». То же самое относится и к носорогам. Не могу сказать, что этот носорог особенно спешил, но...

– Стоит этим мохначам повернуть на север, как люди спешат вернуться в свой дом. Я такое и сам не раз видел. Интересно, сколько же здесь будет снега?

– Летом стояла засуха. Если зима будет такой же сухой, мамонты и носороги никуда не уйдут. Впрочем, мы сейчас на юге. Говорят, что зимы здесь снежные... Если бы в тех горах на востоке жили люди, они бы нам обо всем рассказали. Наверное, нам следовало остаться у тех людей, которые помогли нам переправиться через реку. Нам пора подумать о зимовье, верно?

– Хорошо бы попасть в такую пещеру, где много женщин, – мечтательно произнес Тонолан.

– Нам бы подошла любая пещера.

– Большой брат, ты говори, да не заговаривайся. Можно подумать, я тебя не знаю.

Джондалар заулыбался:

– Разве ж я спорю? Без женщины зимой действительно куда холоднее. Красивая она или нет – не так уж и важно.

Тонолан выразительно посмотрел на брата:

– Странная это вещь...

– Ты о чем?

– О женщинах. Иные красавицы пленяют сердца всех мужчин. И вот такая красавица кладет глаз, скажем, на тебя. Ты-то у нас, как известно, по этой части не дурак, верно? И тем не менее ты не обращаешь на эту красавицу никакого внимания, а выбираешь себе в подруги серенькую мышку, скромно отсиживающуюся где-то в уголке. Что тому причиной?

– Я и сам этого не знаю. Порой «мышка» считает себя некрасивой: мол, у нее родинка на щеке или слишком длинный нос, – хотя на деле это совсем не так. Такие «мышки» обычно куда интереснее признанных красавиц. Достаточно заговорить с ними...

– Может, ты и прав... Куда исчезает их застенчивость, когда ты обратишь на них внимание!

Пожав плечами, Джондалар поднялся на ноги:

– Если будем много говорить, то не найдем не только женщин, но и пещеры. Давай собирать вещи.

– Давай! – радостно согласился Тонолан. В следующее мгновение он повернулся к костру и тут же остолбенел. – Джондалар... Постарайся не делать резких движений и не привлекать к себе особого внимания... Взгляни-ка вон в ту сторону, увидишь своего приятеля, с которым ты повстречался сегодняшним утром. Впрочем, возможно, это его родственник...

Джондалар обернулся и посмотрел вверх палатки. За ней стоял огромный двурогий мохнатый носорог, то и дело переступавший с ноги на ногу. Склонив голову набок, он внимательно смотрел на Тонолана своими маленькими, широко расставленными злобными глазками. Носороги были подслеповаты, однако обладали чрезвычайно острым слухом и обонянием.

Судя по всему, они имели дело с обитателем холодных краев. У него был двойной слой меха, мягкий густой подшерсток и куда более грубая красновато-коричневая шерсть. Под этой роскошной шкурой находился толстый, трехдюймовый, слой жира. Голова носорога была опущена так низко, что его длинный передний рог едва не касался земли. В зимнюю пору с его помощью животное выкапывало из-под снега – если он был не слишком глубок – свой подножный корм. Короткие толстые ноги не годились для передвижения по рыхлому снегу – они вязли в нем. На раздольные пастбища юга носорог наведывался лишь на время – наесться вдоволь травы и нагулять жира. Происходило это поздней осенью или даже в самом начале зимы, когда снега было еще немного. Жары носорог боялся пуще всего на свете. Его родиной была промерзшая насквозь сухая тундра и степи, примыкавшие к леднику.

Острый длинный рог служил носорогу не только для того, чтобы расчищать снег. Лучше всех это понимал сейчас Тонолан, стоявший в непосредственной близости от огромного волосатого чудовища.

– Не двигайся! – прошипел Джондалар и стремглав бросился к своей укладке, в которой, помимо прочего, лежали и дротики.

– Эти легкие дротики нам не помогут, – произнес Тонолан, не оборачиваясь. Джондалар на мгновение застыл, поразившись той легкости, с которой Тонолан разгадал его намерения. – В глаз-то ему ты все равно не попадешь, верно? Здесь нужно хорошее тяжелое копье.

Джондалар согласно кивнул. Конечно же, Тонолан был прав.

– Лучше бы ты помалкивал – мало ли что ему в голову придет, – предупредил Джондалар своего младшего брата. – Копья у меня нет, так что придется довольствоваться дротиками. Я обойду его стороной и попробую зайти к нему с тыла...

– Постой, Джондалар! Брось ты эту затею! Ты его только разозлишь. Вспомни, как мы загоняли их в детстве. Сначала носорог бежит за одним, потом – за другим и так далее. В конце концов он устает так, что уже не может даже сдвинуться с места. Приготовься к тому, что в нужный момент тебе нужно будет отвлечь на себя его внимание. Пока же с ним буду забавляться я...

– Тонолан! Не делай этого! – воскликнул Джондалар, но было уже слишком поздно. Тонолан бросился бежать.

Носорог не случайно считался самым непредсказуемым из всех животных. Вместо того чтобы броситься вслед за человеком, он накинулся на палатку, трепещущую на сильном ветру. Он подмял ее под себя и уже в следующее мгновение запутался в лопнувших ремнях оттяжек. Выпутываясь из них, носорог решил, что ему не нравятся ни люди, ни их лагерь, и потому потрусил прочь, не причинив братьям никакого вреда. Заметив, что носорог удалился, Тонолан поспешил вернуться к тому месту, где только что стояла палатка.

– Каков глупец! – вскричал Джондалар, с такой силой вонзив в землю дротик, что у него лопнуло древко. – Тебе что, жить надоело? Великая Дони, Тонолан! Два человека не могут загонять носорога! Нужно, чтобы загонщиков было много, понял? А если бы он бросился за тобой? Именем подземных миров Великой Матери ответь мне: что мы стали бы делать, если бы он ранил тебя?

Тонолан сначала поразился, затем озлился и наконец развеселился:

– Смотри-ка, какой он заботливый! Ты на меня не кричи, слышишь? Только такие дурни, как ты, могут ходить на носорогов с легкими дротиками. Именем подземных миров Великой Матери ответь мне: что бы мы стали делать, если бы он ранил тебя? – Улыбка Тонолана становилась все шире и шире. Сейчас он походил на проказливого мальчишку, привыкшего к тому, что все сходит ему с рук. – В любом случае он побежал совсем в другую сторону.

Джондалар все еще смотрел на своего младшего брата с укоризной.

– Просто ты счастливчик – вот и все. Мы с тобой оба – счастливчики, – сказал он, вздыхая. – Все же имеет смысл побеспокоиться о копьях. Ты так не считаешь?

– Тисов я в этих краях не видел... С другой стороны, нас могла бы устроить осина или ясень, – отозвался Тонолан, принявшись сворачивать палатку. – Тут уж не до жиру.

– Это точно. Нас бы и ива устроила. И сделать древки надо именно сейчас, слышишь?

– Джондалар, честно говоря, мне это место почему-то не нравится... Может, лучше отойти к тем горкам?

– Путешествовать без копий, когда кругом полно носорогов?

– Устроим ранний привал. Разобьем палатку, и только. К тому же по пути мы сможем подыскать подходящие деревья, верно? Что до этого носорога, то он ведь может и вернуться.

– С тем же успехом он может пойти за нами. – Джондалар знал, что спорить с Тоноланом бесполезно. – Ну что ж, можно и в горы сходить – кто был бы против. Только смотри, шастать по степи весь день мы не будем. Идет?

– Как скажешь, большой брат.

Братья шли по берегу широким, уверенным, характерным шагом, выработанным за время совместных скитаний. Они по большей части молчали, ибо могли понять друг друга и без слов. Каждому были ведомы сильные и слабые стороны спутника, его мысли и чувства, каждый из них нес свою ношу и свою долю обязанностей, жизнь одного зависела от жизни другого. Они были молоды, сильны, здоровы и бесстрашны.

Братья настолько сжились с окружающим их миром, что воспринимали его уже скорее на подсознательном уровне. Их мог насторожить малейший шорох, малейшее движение, ибо опасности подстерегали их повсюду. Тепло далекого солнца, холодный ветер, свистевший в голых ветвях, темные грозные тучи, наползавшие на белостенный бруствер встававшего перед ними хребта, и глубокая стремительная река не вызывали у них особого интереса и потому оставались практически не замеченными ими.

Направление реки Великой Матери определялось формой и положением горных кряжей. Она брала начало с северных высокогорных ледников и текла на восток. За первой горной цепью находилось возвышенное плато, бывшее некогда дном внутреннего моря, за ним же

круто взмывали ввысь вершины второго кряжа. Там, где восточная оконечность альпийских лугов первого массива сходилась с предгорьями северо-западного отрога второго, река, пройдя через теснину, резко поворачивала на юг.

Сбежав с карстов нагорья, она начинала петлять по поросшим высокими травами степям, образуя заводи и разделяясь на отдельные рукава. Казалось, что эта своенравная, лениво несущая свои воды река будет такой до самого своего устья. Однако у южной границы степной равнины она вновь резко поворачивала к востоку и широко разливалась, принимая в себя полноводные реки, бравшие начало на северных и восточных склонах первого увенчанного вечными льдами кряжа.

Огромная величавая река описывала широкую излучину и уходила на восток, к южной оконечности второй горной цепи. Братья шли по левому берегу. Им то и дело приходилось переправляться через шумливые ручьи и реки, что спешили слиться с Матерью. Ее противоположный, изобилующий скалами южный берег круто уходил вверх. Холмы, примыкавшие к реке с северной ее стороны, были более пологими.

– Не думаю, что нам удастся достигнуть устья Донау до наступления зимы, – заметил Джондалар. – Мне уже начинает казаться, что мы туда вообще не доберемся.

– Зря ты так думаешь. Посмотри, какая она широкая. Наверняка мы уже у цели. – Тонолан махнул рукой, указывая направо. – Кто бы мог подумать, что она станет такой огромной? Она уже и сама как море.

– Но мы ведь еще не добрались до реки Сестры, верно? Тамен говорил, что она мало чем уступает реке Великой Матери.

– Ну, это скорее преувеличение! Неужели по этой равнине может течь еще одна столь же могучая река?

– Не знаю... Тамен, возможно, ее и не видел. Но до этих самых пор все было именно так, как он говорил... Река вновь повернула на восток, верно? Что до тех людей, то они действительно помогли нам переправиться через главный рукав. Вероятно, он не ошибся и с Сестрой, верно? Как жаль, что мы не знали языка этих людей с плотами... Они-то наверняка должны были слышать о таком притоке.

– И все-таки я думаю, он преувеличивал. Река Сестра, о которой говорил Тамен, – это, скорее всего, восточный рукав Матери.

– Надеюсь, ты прав, маленький брат. Если же Сестра действительно существует, нам придется через нее переправляться, иначе мы не сможем добраться до тех гор. Другого же места для зимней стоянки у нас, судя по всему, нет...

– Ладно. Поживем – увидим.

Джондалар замер на месте, уставившись на странное облачко, двигавшееся против ветра. Прислушавшись и присмотревшись получше, он понял, что к ним приближается огромная стая диких гусей. Стая быстро теряла высоту. Судя по всему, гуси собирались заночевать за соседней горкой.

– Большой брат, – произнес Тонолан, довольно заулыбавшись, – такие гуси обычно живут на болотах. Стало быть, там может находиться озеро или море, в которое впадает Мать. Я полагаю, мы подошли к ее устью!

– Давай для начала заберемся на тот холмик. Оттуда все и увидим, – отозвался Джондалар подчеркнуто равнодушным тоном.

Они быстро взбежали наверх. Открывшаяся их взорам картина повергла их в крайнее смятение. С вершины холма действительно была видна вся округа. За очередной излучиной река Великая Мать становилась много шире. То тут, то там виднелись пенистые буруны и водовороты. Сразу за этим широким плесом она сливалась с другой огромной рекой, воды которой были мутными от взбаламученного паводком ила. Грозная эта река несла, брезгливо швыряя

из стороны в сторону, кружа и переворачивая, трупы животных, ветки, коряги и вывороченные с корнем деревья.

Нет, они не достигли ее устья. Они подошли к реке Сестре.

Она брала начало в горах, высившихся перед ними. Ручьи и речушки, стекавшие с западных склонов хребта, сливались в низвергавшиеся водопадами потоки, а те сходились страшной бурной рекой, на пути которой не было ни озер, ни впадин, что могли бы поуменьшить ее напор и гневливую безудержную силу. Унять бурную Сестру могла только степенная, величавая Донау.

Река Сестра отчаянно сопротивлялась, бушевала, бурлила, ярилась, однако не могла устоять пред ее спокойной силой. Они сливались, образуя огромное озеро, дальний берег которого терялся в белесой дымке.

Паводковые воды, затопившие собой низину, уже начали отступать. То тут, то там виднелись принесенные рекой деревья и трупы животных, в быстро мелеющих лужах билась рыба. Берег кишел водяной птицей. Здесь же, не обращая ни малейшего внимания на хлопанье крыльев черных аистов, пировала гиена, поедавшая раздувшийся труп оленя.

– Великая Мать! – ахнул Тонолан.

– И ее Сестра, – вздохнул потрясенный увиденным Джондалар.

– И как же мы будем через нее переправляться?

– Чего не знаю, того не знаю. Скорее всего, нам придется дойти до ее верховий.

– Ты шутишь? А если она окажется такой же большой, как река Великая Мать?

Джондалар покачал головой и недовольно наморщил лоб:

– Надо было послушаться Тамена. Снег может пойти со дня на день. Вернуться назад мы теперь в любом случае не успеем. Представь, что с нами будет, если буря застанет нас на открытом месте...

Внезапный порыв ветра сбросил меховой капюшон с головы Тонолана. Он поспешил накинуть его вновь и зябко поежился. Впервые за все время путешествия он вдруг засомневался в том, что им действительно удастся пережить эту зиму.

– Джондалар! И что же мы теперь будем делать?

– Надо найти место для стоянки. – Он окинул взглядом лежавшие перед ними земли. – Смотри. Видишь тот высокий берег выше по течению? Там, где ольха растет. Видишь? Там и ручеек, впадающий в Сестру. Там должна быть хорошая вода.

– Если привязать укладки к дереву и привязаться к нему самим, мы сможем переправиться на тот берег вместе.

– Маленький брат, я знал, что ты человек отважный. Но это уже не отвага, а глупость. Я вряд ли смогу в одиночку переплыть такую реку, а уж с деревом и подавно. Вода-то теперь холодная! Если бы не течение, река бы уже покрылась льдом. На лужицах же он есть... И потом, нас вместе с деревом может унести неведомо куда. Давай уж не будем рисковать.

– Помнишь ту семью, что жила возле Большой Воды? Они выбирали центральную часть больших бревен, для того чтобы потом на них плавать. Если бы мы могли...

– Найди мне такое дерево, – усмехнулся Джондалар, указав на пустынный берег, кое-где поросший чахлыми, невысокими деревцами.

– Хм... Я слышал и о другой семье... Они делали такие... скорлупки из бересты. Честно говоря, я не очень-то этому верю – это ведь так непрочно.

– Я такие штуковины видел, но не знаю, как они сделаны и каким клеем их нужно клеить для того, чтобы они не пропускали воду. Да и березы там не нашим чета. Видел бы ты, какие они огромные...

Тонолан огляделся по сторонам, надеясь придумать что-нибудь такое, чего не сможет опспорить его не в меру рассудительный брат. Увидев высокий ольховник, росший на находившемся к югу от них бугорке, он довольно заулыбался:

– А что ты скажешь о плоту? Для того чтобы его сделать, достаточно связать вместе несколько бревен, верно? Той ольхи нам явно хватит.

– Этого мало. Помимо прочего, нужно иметь длинный крепкий шест, которым можно было бы достать до дна. Управляться с плотом – дело непростое. Другое дело, если бы речь шла о какой-нибудь мелкой речушке...

Самодовольная ухмылка постепенно сползла с лица Тонолана, Джондалар же едва смог удержаться от улыбки. Тонолан не просто не умел скрывать свои чувства – он никогда даже и не пытался этого делать. Именно непосредственность и открытость привлекали к нему людей.

– Конечно, сама идея неплоха... – поспешил добавить Джондалар. – Но на этой реке наш плот или перевернется, или разобьется в щепы. Прежде всего нам нужно найти такое место, где река становится шире, мельче и спокойней. Мало того, там должны расти деревья, подходящие для строительства плота. Надеюсь, погода позволит нам это сделать.

Стоило Джондалару вспомнить о надвигающихся холодах и ненастьях, как Тонолан мгновенно посерьезнел:

– Чего же мы ждем? Надо двигаться дальше.

– Сначала я хочу посмотреть на те деревья. Копья нам не помешают. Их следовало изготовить еще вчера.

– Ты никак не можешь забыть того носорога? Теперь ему нас уже не нагнать.

– В любом случае я вырублю себе древко.

– Тогда уж выруб и мне. А я пока начну собирать вещи.

Джондалар достал из мешка свой топор, внимательно осмотрел его острый край и, удовлетворенно хмыкнув, поспешил к ольховнику, росшему на вершине холма. Хорошенько оглядевшись, он остановил свой выбор на высоком стройном деревце. Срубив и очистив его от ветвей, он стал искать дерево для второго древка, и тут его слуха достиг какой-то неясный шум. В следующий миг он ясно услышал звериное сопение и похрюкивание, а затем раздался душе-раздирающий крик его младшего брата, исполненный ужаса и боли. Установившаяся вслед за этим тишина была еще ужаснее.

– Тонолан! Тонолан!

Обливаясь холодным потом, Джондалар кинулся вниз, не забыв прихватить с собой древко. Когда он увидел гигантского носорога (его высота в холке превышала человеческий рост), стоящего над жалким человеческим телом, ему стало не по себе. Животное, казалось, не знало, что ему следует сделать с поверженной жертвой. Забыв о страхе, Джондалар понесся вниз.

Размахивая стволем молодой ольхи, словно дубиной, старший брат набросился на зверя. Он умудрился дважды ударить его по морде, попав оба раза под изогнутый передний рог. Носорог, никак не ожидавший от человека такой наглости, удивленно попятился назад. Джондалар сделал еще один замах, но тут животное развернулось и неспешно потрусил прочь. Удар, пришедшийся носорогу по заду, заставил его ускорить шаг. Человек же продолжал преследовать его.

Выбившись из сил, Джондалар остановился и швырнул свою палицу вслед убегающему зверю. Немного переведя дух, он подобрал ее и поспешил к Тонолану. Тот так и лежал на земле лицом вниз.

– Тонолан? Тонолан!

Джондалар перевернул брата на спину и заметил выступившую на его бедре кровь:

– Тонолан? О Дони!

Он приложил ухо к груди Тонолана и тут же понял, что тот все еще дышит.

– О Дони! Он жив! Но чем же я смогу ему помочь?

Джондалар взял на руки бесчувственное тело брата и, крикнув от напряжения, распрямылся.

– О Дони! О Великая Мать Земля! Не спеши забирать его. Прошу Тебя, дай ему пожить... – Его голос задрожал. – Мать, молю Тебя, дай ему пожить!

Джондалар опустил голову на безвольно расслабленное плечо брата и заплакал. Однако уже через минуту он пришел в себя и направился к палатке. Осторожно положив брата на шкуру, он ножом с костяной рукоятью разрезал его окровавленную одежду. Рана на ноге, из которой сочилась кровь, не вызвала особого беспокойства, куда серьезнее была повреждена грудная клетка. Оказалось, что у Тонолана сломано несколько ребер, что могло свидетельствовать о серьезных внутренних травмах. Кровотечение не ослабевало. Джондалар принялся рыться в своей укладке, пытаясь найти материал для перевязки. Он достал мягкую летнюю безрукавку и попытался оттереть кровь ее мехом. Поняв, что это ему не удастся, он обмотал рану мягкой кожей.

– Дони! Дони! Я не знаю, что делать! Я ведь не зеландонии. – Он сел на корточки и принялся нервно почесывать голову. – Кора ивы! Вот что мне нужно! Мне нужно заварить ивовую кору!

Он стал греть воду. О болеутоляющих свойствах ивовой коры знали не только зеландонии – ее пили и при головной, и при любой другой боли. Он не знал, можно ли использовать это средство при серьезных болях и ранениях, но ничего другого ему просто не приходило в голову. Джондалар принялся нервно расхаживать вокруг костра, то и дело поглядывая в сторону палатки. Вода все не закипала. Он подбросил в костер сухих дров и поправил перекладину, на которой висел наполненный водой мех.

«Почему она так долго не закипает? Ох, у меня же нет ивовой коры... Пойду-ка поищу ее, пока вода не закипела». Он вновь заглянул в палатку и, убедившись в том, что брату не стало хуже, побежал к реке. Отодрав от ствола голого раскидистого дерева, длинные и тонкие ветви которого свисали до самой воды, несколько полосок коры, он тут же поспешил обратно.

Заглянув в палатку, он увидел, что его летняя рубашка, которой была обмотана рана Тонолана, насквозь пропиталась кровью. В этот же момент вода закипела и стала выплескиваться из переполненного меха, заливая пламя. Джондалар смотрел то на костер, то на палатку. Он никак не мог решить, чем ему следует заняться прежде – заваркой чая или раной. В конце концов он отлил часть воды в чашку для питья и опустил в кипяток куски коры, после чего подбросил в огонь несколько поленьев. Порывшись в котомке Тонолана, он достал его летнюю рубашку и направился ко входу в палатку.

Когда он вошел, Тонолан неожиданно застонал. Обрадованный Джондалар поспешил к меху с чаем и тут же увидел, что жидкость в нем почти выкипела. Он вылил остаток в чашку, надеясь, что заварка не вышла излишне крепкой, вбежал в палатку с чашкой, наполненной горячей жидкостью, и принялся осматриваться по сторонам, пытаясь сообразить, куда ее можно поставить. И тут он увидел под Тоноланом целую лужу крови.

«Сколько он потерял крови! Великая Мать! Ему явно нужен зеландонии. Что же мне делать? – Джондалар взволновался не на шутку. – Нужно идти за подмогой. Но куда? Где я смогу найти зеландонии? Переправиться через Сестру я все равно не смогу, да и оставлять его нельзя. На запах крови тут же соберутся волки и гиены... Великая Мать! Сколько на этой рубашке крови! Хищники наверняка почуют ее запах...» Джондалар выбросил было окровавленную рубашку из палатки, но тут же решил, что это глупо, и, выйдя из палатки, подобрал рубашку с земли, пытаясь понять, что делать.

Он был встревожен и расстроен. На что можно надеяться в такой ситуации? Он не мог помочь своему брату и не мог оставить его одного. Помимо прочего, он не знал, куда ему сле-

дует идти. Прятать окровавленную рубаху было по меньшей мере смешно – ведь рана Тонолана продолжала кровоточить.

Джондалар поднялся на холм и – движимый иррациональным импульсом – забросил пропитанную кровью рубаху на верхушку одного из деревьев, после чего поспешил к палатке. Как ему хотелось, чтобы его младший брат вновь был целым и невредимым...

Тонолан застонал и, повернув голову, открыл глаза. Джондалар подсел поближе и увидел в них боль, пусть его младший брат и силился изобразить на лице некое подобие улыбки.

– Ты был прав, большой брат. Как всегда. Этот носорог решил пойти за нами...

– Да, Тонолан, но лучше бы я ошибся... Как ты себя чувствуешь?

– Честно? Болит у меня все. Что со мной?

Он попытался сесть, и тут же натянутая улыбка сменилась гримасой боли.

– Не двигайся. Смотри, я тут тебе ивовой коры заварил...

Джондалар приподнял голову Тонолана со шкуры и поднес чашу к его губам. Сделав несколько глотков, тот облегченно вздохнул. Однако уже в следующее мгновение спросил с тревогой:

– Скажи прямо, Джондалар. Это что-то серьезное?

Старший брат прикрыл глаза и горестно вздохнул:

– Как тебе сказать... Хорошего мало.

– Я это и без тебя знаю. Ты мне скажи, насколько это серьезно? – Взгляд Тонолана упал на руки Джондалара, и глаза его тут же округлились от ужаса. – У тебя все руки в крови! Это что, моя кровь? Только говори правду...

– Не знаю... У тебя серьезно повреждено бедро. Боюсь, что ты потерял очень много крови. Носорог то ли наступил на тебя, то ли поддел тебя рогом. Помимо прочего, он сломал тебе несколько ребер. И вообще, я ведь не зеландонии...

– Мне без зеландонии не обойтись... Но рассчитывать на помощь мы можем только в том случае, если нам удастся переправиться на тот берег...

– Все верно...

– Помоги мне подняться, Джондалар...

Джондалар стал было возражать, но вскоре сдался и тут же пожалел об этом. Вскрикнув от боли, Тонолан вновь потерял сознание.

– Тонолан! – воскликнул Джондалар.

Кровь хлынула из раны с новой силой. Джондалар подложил под рану сложенную вчетверо рубаху Тонолана и вышел из палатки. Костер к этому времени почти погас. Джондалар осторожно подбросил в него сухих сучьев, повесил на жердь мех, наполненный водой, и отправился за дровами.

Вернувшись на стоянку, он первым делом заглянул в палатку. Рубаха Тонолана уже набухла от крови. Джондалар снял ее с раны и сморщился, вспомнив о том, как он стал взбираться на холм, желая избавиться от окровавленной рубахи. Теперь, когда паника в его душе немного улеглась, такое поведение представлялось ему смешным. Кровотечение прекратилось. Джондалар нашел мягкую зимнюю поддевку, перевязал ею рану и, укрыв Тонолана шкурой, направился к берегу, захватив с собой окровавленную рубаху. Он бросил ее в реку и принялся отмывать от крови руки, все еще дивясь овладевшей им панике.

Он не понимал того, что в экстремальных ситуациях подобные состояния и действия могли оказаться спасительными. В таких случаях разум обычно замолкает, не в силах найти нужного решения, и тогда на помощь приходит иррациональное начало, объяснить или осознать которое человек не способен.

Вернувшись на стоянку, он бросил в костер несколько сучьев и стал разыскивать ствол ольхи, хотя изготовление копья казалось ему теперь совершенно пустым занятием. Все объяснялось очень просто – он чувствовал свою полнейшую беспомощность и потому хотел как-то

занять себя, чтобы отвлечься от мучительных раздумий и терзаний. Найдя ствол, он уселся возле костра и принялся остругивать толстый его конец.

Следующий день обернулся для Джондалара сплошным кошмаром. Тонолан то и дело начинал постанывать, изнывая от мучительной боли в почерневшем левом боку. Ночь была не менее беспокойной. Джондалар чувствовал, что Тонолану плохо, и не мог сомкнуть глаз ни на минуту. Но что он мог предложить своему брату? Ивовую заварку? Увы, она ему не помогала... Утром он приготовил завтрак и сварил бульон, однако Тонолан практически не прикоснулся к еде. К вечеру рана его стала горячей. Тонолана начало лихорадить.

Придя в себя, Тонолан увидел исполненные тревоги и заботы синие глаза брата. Солнце уже скрылось за горизонтом, и в палатке установился полумрак, тем не менее Джондалар заметил в глазах брата лихорадочный блеск.

Он попытался подбодрить Тонолана улыбкой:

– Как ты себя чувствуешь?

Тонолан поморщился и тихо ответил:

– Ничего... Но охотиться на носорогов я сейчас вряд ли смогу...

Какое-то время братья молчали. Тонолан прикрыл глаза и тяжело вздохнул. Каждый вдох отдавался в груди резкой болью, бедро с каждым часом ныло все сильнее и сильнее. Чем больше проходило времени, тем меньше становилась вероятность того, что Джондалар успеет переправиться через реку до начала зимних бурь. Тонолан был обречен на гибель, но он не хотел, чтобы ту же судьбу разделил и его брат. Он вновь открыл глаза:

– Джондалар, ты ведь и сам понимаешь, без посторонней помощи мне никак. Зачем тебе сидеть рядом?

– Что значит – никак? Ты молод и силен. Все будет в порядке.

– Времени осталось мало... На открытом месте нам все равно не выжить. Джондалар, иди! Ты отыщешь место для зимовья и...

– Да ты бредишь!

– Нет, я...

– Тогда зачем ты мне все это говоришь? Я понимаю все это и без тебя и знаю, что нам следует делать! У меня есть план!

– План? Какой такой план?

– Я раскрою его только после того, как обдумаю все детали. Может, ты хочешь поесть? Ты ведь ничего не ел.

Тонолан понимал, что брат не сможет оставить его. Он уже слишком устал, ему хотелось, чтобы эта мучительная агония закончилась как можно быстрее, он хотел, чтобы его старший брат выжил...

– Я не хочу есть, – сказал он, но, заметив в глазах брата тревогу, поспешил добавить: – А вот попил бы я с удовольствием.

Джондалар вылил в чашу остатки воды и, приподняв голову Тонолана, напоил его водой, после чего потряс мехом и сказал:

– Все. Пустой. Пойду налью еще.

Ему действительно хотелось поскорее выйти из палатки. Он понял, что Тонолан уже отказался от борьбы. Слова о плане были чистой выдумкой. Джондалар прекрасно понимал, что положение Тонолана безнадежно, ведь помощь можно было найти лишь на противоположном берегу реки...

Он поднялся на небольшую возвышенность, с которой хорошо просматривалась округа. Взгляд его упал на ветку, прибитую течением к торчавшему из воды камню. Он чувствовал себя таким же беспомощным, как и она. Вновь подчинив себя бесконтрольному иррациональному импульсу, он спустился к воде и, отшвырнув ветку подальше от берега, стал провожать ее взглядом. Ниже по течению он заметил еще одну иву и принялся пополнять свой скромный

запас ивовой коры, прекрасно понимая, что она вряд ли сможет помочь его брату. Эта ночь обещала быть еще более тяжелой.

В конце концов он оставил берег Сестры и, вернувшись к небольшому шумливому ручью, наполнил мех водой, после чего направился к стоянке. Он так и не понял, что заставило его поднять глаза и посмотреть вверх по течению, тем более что шум воды заглушал здесь все прочие звуки. Он замер, приоткрыв рот от изумления.

На него неслась чудовищная водяная птица с длинной изогнутой шеей, высоким хохолком и злобным недвижным взглядом. В следующее мгновение он увидел, что на ее спине находятся совсем иные создания. Одно из этих существ приветственно взмахнуло рукой и воскликнуло:

– Хо-ла!

Никогда в жизни Джондалару не доводилось слышать столь приятных звуков.

Глава 7

Тыльной стороной ладони Эйла отерла со лба пот и с улыбкой посмотрела на маленькую золотистую лошадку, пытавшуюся схватить ее за пальцы. Кобылка боялась потерять Эйлу из виду и потому повсюду следовала за ней. Эйла нисколько не возражала против этого – ее вполне устраивала такая компания.

– Ну, лошадка, и сколько же мне нужно собрать для тебя зерна? – обратилась к ней Эйла, прекрасно владевшая языком жестов. Маленькая золотистая кобылка внимательно следила за движениями ее рук. Эйле вспомнилось собственное детство, когда она только-только начинала осваивать язык жестов, принятый в клане. – Ты хочешь изучить этот язык? Или, по крайней мере, научиться понимать его? Рук-то у тебя все равно нет, верно?

Некоторые жесты сопровождались характерными звуками. Полностью беззвучным являлся только древний формальный язык, разговорная же его форма была озвучена. Стоило какому-либо звуку слететь с уст Эйлы, как у молоденькой кобылки тут же поднимались уши.

– Кобылка, тебе что, нравится меня слушать? – Эйла покачала головой. – Я кличу тебя то маленькой лошадкой, то маленькой кобылкой... Так дальше не пойдет. Мне кажется, тебе нужно дать какое-то имя. Может, ты хочешь услышать именно его? Хотелось бы знать, как тебя называла твоя мама... Только я вряд ли смогла бы произнести это имя.

Лошадка продолжала смотреть на нее во все глаза, словно понимая, что Эйла разговаривает именно с ней. В ответ на обращенные к ней жесты она тихонько заржала.

– Ты мне отвечаешь? Уинни!

Эйла попыталась изобразить нечто вроде лошадиного ржания. Услышав этот звук, кобылка вскинула голову и вновь заржала, на сей раз куда радостнее и громче.

– Выходит, это твое имя? – улыбнулась Эйла. Кобылка радостно замотала головой. Эйла рассмеялась. – Или всех жеребят зовут одинаково, или я чего-то не понимаю.

Эйла издала тот же звук и услышала в ответ радостное ржание. Так они забавлялись достаточно долго. Эйле вспомнилась совсем другая игра. Она играла в нее с маленьким Дарком, который мог воспроизвести любой звук, издаваемый ею. Креб рассказывал, что, когда ее нашли, она умела говорить на разные лады, немало поражая членов клана. Ее радовало то, что Дарк унаследовал эту ее диковинную способность.

Эйле пришлось продолжить сбор зерен высокой односеменной пшеницы. В долине встречались и двузернянка, и рожь, похожая на ту, что росла возле пещеры клана. Эйла все еще думала об имени для лошадки. Ей никогда не доводилось давать кому-либо имя. Она довольно улыбнулась. «Представляю, как бы удивило людей из нашего клана, что я размышляю над именем лошади. Они и так считали меня странной». Она стала любоваться резвящейся молодой кобылкой. «Как хорошо, что она живет со мной, – подумала Эйла, почувствовав подступивший к горлу комок. – С ней мне не так одиноко. Даже не представляю, как бы я без нее жила... Нет, ей действительно следует дать какое-то имя...»

Когда Эйла остановилась и подняла глаза к небу, солнце уже начинало клониться к западу. Небо поразило ее своей огромностью и красотой. На нем по-прежнему не было ни облачка, однако западная часть неба стала постепенно затягиваться белесой светящейся дымкой. Прикинув высоту солнца над горизонтом, очерченным вершиной утеса, Эйла остановилась. Заметившая это кобылка заржала и поспешила к ней.

– Может, нам пора возвращаться в пещеру? Только давай сначала попьем воды.

Положив руку на шею кобылке, Эйла повела ее к речке.

Деревья и кустарник, росшие у основания крутого южного склона, поражали обилием и пестротой красок, отражавших смену времен года: темная мрачноватая зелень сосен и елей была расцвечена золотистой, бледно-желтой, бурой и огненно-красной листвой. Эта укром-

ная долина казалась особенно яркой на фоне окружавших ее тусклых и однообразных степей. Высокие стены защищали долину от ветра, и потому здесь было куда теплее, чем наверху. Обилие ярких красок говорило о том, что наступила осень, однако солнце продолжало пригревать по-летнему.

– Да, травы у нас маловато. Боюсь, тебе придется съесть свою подстилку...

Эйла бессознательно опустила руки и задумалась. «Осенью Иза всегда запасала траву для того, чтобы зимой подстилать ее под шкуру. Как хорошо она пахла, когда приходило время сменить травяную подстилку, а снаружи все было занесено снегом, ярился и выл ледяной ветер... Я любила засыпать, прислушиваясь к вою ветра и вдыхая вместе с запахом травы аромат лета...»

Кобылка поскакала к речке. Эйла снисходительно улыбнулась.

– Маленькая Уинни, наверняка ты хочешь пить, – сказала она жестами, издав при этом звук, похожий на лошадиное ржание, который вполне мог стать именем кобылки. – Уинни! Уинни!!!

Та вскинула голову, посмотрела на женщину и, перейдя на рысь, поспешила назад.

Эйла потрепала ее по холке:

– Мне кажется, тебе нравится такое имя. Можешь мне поверить, оно тебе подходит. Пора проводить церемонию наречения. Правда, здесь нет Креба, да и на руки тебя взять я не смогу, но это не так уж и важно. Я сама стану мог-уром. – Она вновь улыбнулась. – Подумать только, женщина – мог-ур.

Эйла продолжила путь к реке и неожиданно заметила, что они подошли к тому самому месту, где некогда находилась ее ловушка. Кобылка страшно разволновалась – она принялась громко сопеть, всхрапывать и бить по земле копытом. Судя по всему, само это место и то, что случилось тогда, запомнилось ей на всю жизнь. А табун так и не вернулся в долину. Уж слишком перепугали лошадей огонь и человеческий крик.

Она подвела кобылку к реке только возле самой пещеры. Мутный поток, напитанный осенними дождями, уже вернулся в прежнее русло, оставив по берегам ровный слой жирной бурой грязи. Она зачавкала у Эйлы под ногами, заляпав ее кожу красноватыми брызгами, напомнившими ей о том, что во время совершения таких важных церемоний, как наречение, мог-ур использовал красную охру. Она окунула в красноватую жижу свой палец, начертила им на ноге непонятный знак и, широко улыбнувшись, зачерпнула полную горсть грязи. Теперь она могла обойтись и без охры. Эйла прикрыла глаза, силясь припомнить то, как Креб проводил церемонию наречения ее сына. Ей живо представилось его старое уродливое лицо. Пустая глазница, большой нос, мощные надбровные дуги, низкий покатый лоб, редкая жидкая борода... Крепок и могуч, пусть и не молод. Как она любила это замечательное старческое лицо.

Она вновь не смогла устоять пред напором нахлынувших чувств. Как она боялась потерять своего сына и как ее обрадовал вид чаши, наполненной красной охрой... Она судорожно сглотнула, однако комок так и продолжал стоять в ее горле. Эйла смахнула со щеки слезинку. Кобылка ткнулась мордой ей в лицо, явно пытаясь утешить свою покровительницу. Женщина опустилась на колени и обняла ее шею.

Она совладала со своими чувствами и решила приступить к церемонии наречения. Грязь стекала с ее собранных в кулак пальцев. Зачерпнув еще одну горсть бурой жижи, Эйла подняла к небу другую руку (точно так же призывал духов Креб) и надолго задумалась, смущенная неожиданной мыслью. Духам клана могло не понравиться то, что их вызывают для наречения лошади. В конце концов она поняла, что в любом случае не остается ничего иного. Обмакнув кончики пальцев в грязь, она провела ими по морде лошади. Когда-то Креб сделал подобную же полоску на лобике Дарка. Она доходила до его маленького носика...

– Уинни, – произнесла она вслух и тут же перешла на формальный язык жестов. – Эта девочка... Эта лошадь нарекается Уинни. Уинни.

Кобылка замотала головой, пытаясь стряхнуть со своей морды жидкую грязь. Эйла радостно рассмеялась:

– Она скоро засохнет и отпадет, Уинни!

Эйла отмыла руки от грязи, перекинула мешок с зерном на другое плечо и двинулась к пещере. Церемония наречения остро напомнила ей о ее собственном одиночестве. Соседство Уинни, теплого живого существа, облегчало его, но непрошенные слезы все же навернулись на глаза. Пытаясь сбросить бремя печальных чувств, она приговаривала, направляя лошадку на тропу, ведущую к пещере:

– Идем-идем, Уинни. Я поднимаюсь, и ты поднимешься. Я знаю, что ты не каменный козел и даже не сайгак, но все это – дело привычки.

Они добрались до входа в пещеру и вошли внутрь. Раздув тлеющие уголья, Эйла развела небольшой костер и стала готовить на нем зерно. Теперь кобылка уже питалась травой и сырым зерном, однако Эйла продолжала варить ей и кашу, зная о том, как она нравится лошадке.

Она сняла шкурки с пары кроликов, добытых ею с утра, после чего отложила необработанные шкурки в сторону и занялась готовкой кроличьего мяса. У нее успело скопиться изрядное количество шкурок кроликов, зайцев и хомяков. Она и сама не понимала, на что они ей, однако продолжала выделывать и складывать их. Зимой будет видно. В конце концов, она может стелить их на свое ложе.

Дни становились все короче и короче, температура неуклонно снижалась. Впору было задуматься о зиме. Эйла не знала, насколько суровы и продолжительны здешние зимы, и это не могло ее не тревожить. Внезапно овладевшая ею тревога заставила ее в очередной раз обозреть запасы. Она стала осматривать корзины и берестяные короба с вяленным мясом, сушеными овощами и фруктами, семенами, орехами и зерном. После этого Эйла направилась в самый дальний угол пещеры, желая убедиться в том, что хранившиеся там свежие корни и фрукты не завяли и не загнили. У задней стены были сложены дрова, высохший на солнце лошадиный навоз, собранный Эйлой в поле, и сухая трава. Неподалеку стояли корзины с зерном, запасенным ею для Уинни.

Эйла подошла к очагу, перевернула вертела, на которых жарились тушки кроликов, посмотрела на варившуюся в плетеной посудине кашу и, пройдя мимо своего ложа, подошла к той стене, возле которой она развесила травы, корни и куски собранной ею коры. Стойки, между которыми висели травы, находились недалеко от очага, что позволило Эйле как следует высушить лекарственное сырье и травы для приготовления настоев.

Разумеется, она обошлась бы и без такого количества лекарств и снадобий, тем более что ей одной нужно было совсем немного, однако Иза успела приучить ее к сбору лекарственных трав, и Эйла делала это почти автоматически. Рядом со стойками была сложена всякая всячина – веточки, жерди, кора, трава, щепы, шкурки, кости, куски горной породы и гольши, а также корзина с песком, принесенным с берега реки.

Близящаяся зима, а вместе с ней бездействие и одиночество несколько не радовали Эйлу. Зима – пора праздников и долгих бесед. Мужчины проводили большую часть этого времени в разговорах об охоте, женщины нянчили малышей, обменивались слухами и сплетнями; Эйла с Изой и Убой обычно обсуждали целебные свойства растений. Чем она могла занять себя здесь? Только работой. И чем сложнее и продолжительнее будет эта работа, тем лучше.

Она обвела взглядом собранные ею деревянные колоды. Из них можно вырезать множество чаш самых разных форм и размеров. Сначала заготовка выдалбливается изнутри, потом обтесывается снаружи каменным топором, используемым в качестве тесла, и ножом, затем она тщательно шлифуется камнями и песком. Эйла собиралась изготовить не одну, а несколько чаш. Предстоит поработать со шкурами, из некоторых можно сделать рукавицы, чулки или вкладыши в обувь. С прочих шкурок можно свести шерсть и использовать кожу – нежную и мягкую, как у ребенка, прекрасно впитывающую влагу.

Из собранной летом медвежьей травы, листьев и стеблей рогоза, камыша, ивняка, корней можно будет сплести множество самых разных корзин и корзинок для готовки, сбора и хранения всевозможных припасов, а также лотки для вяения, подносы и циновки, на которых можно не только сидеть, но и сушить плоды и корни. Из волокнистых растений, коры и конского волоса можно будет сделать веревки разной толщины, из камней – светильники (для этого достаточно выдолбить в них небольшие углубления, наполнить их жиром и скрутить фитили из сухого мха, который сгорает без дыма). Именно для этой цели она и приберегла жир хищных животных, вкус которого вызывал у нее отвращение.

Помимо прочего, у нее имелись плоские тазовые кости и лопатки, которые можно было использовать в качестве тарелок и блюд, ковшей и мешалок, пух растений, обычно применяемый в качестве твута и набивки (в этом случае к нему можно добавлять птичий пух и шерсть животных), несколько кремневых голышей и орудия, чтобы обтесать их. В подобных заботах она провела уже не одну зиму, единственное, чего она действительно не умела делать, так это изготавливать оружие – работами такого рода занимались только мужчины.

Ей хотелось делать копья, увесистые и одновременно удобные дубинки, пращи. Она подумывала и о бола, хотя знала, что овладеть им совсем непросто. Кто умел мастерски метать его, так это Бран... Даже изготовление такого орудия требовало немалого мастерства. Три камня обтесываются до тех пор, пока они не станут круглыми, после чего они обвязываются веревками и ремнями, при этом важное значение имеет соотношение их веса и длина связок. «Станет ли он учить этому Дарка?» – подумала вдруг Эйла.

Свет дня уже начал меркнуть, дрова к этому времени почти прогорели. Зерно впитало в себя воду и стало мягким. Часть его Эйла отложила в свою чашку, после чего подбавила в плетеную посудину воды и стала готовить кашу для Уинни. Корзину с готовой кашей она поставила у противоположной стены, возле того места, где обычно спала кобылка.

Сначала Эйла спала вместе с кобылкой на берегу, но потом решила, что та может жить и в пещере. Она устроила ей лежанку у самой стены, прекрасно понимая, что рано или поздно Уинни вырастет и тогда уже они не смогут спать вместе; пока же она частенько устраивалась рядом с ней.

– Думаю, хватит, – обратилась Эйла к лошадке. Она привыкла постоянно разговаривать с ней языком жестов, и та, похоже, научилась воспринимать некоторые из обращенных к ней сигналов. – Надеюсь, с тебя этого будет довольно. Хотела бы я знать, насколько долги здешние зимы.

Она была раздражена и подавлена. Если бы уже не стемнело, она бы отправилась на прогулку. Или, скорее, пробежалась бы по округе.

Заметив, что лошадка стала поедать кашу, Эйла протянула ей охапку свежего сена:

– Уинни, ты и это пожуй. И смотри не съешь мою посудину!

Она принялась ласково поглаживать и почесывать кобылку.

Стоило ей прекратить это почесывание, как Уинни ткнула мордой ей в ладонь и подставила другой бок.

– Все бы я тебя чесала... – улыбнулась Эйла, покорно выполнив немую просьбу животного. – Постой, у меня есть идея...

Она подошла к той стене, возле которой были сложены различные материалы, и быстро отыскала пучок сухой ворсянки. После того как цветок этого растения засыхает, на его месте появляется вытянутая, яйцевидная, усеянная шипами шишка. Она отломала одну из таких шишек и стала легонько чесать ею бок Уинни, млевшей от удовольствия. Тщательно расчесав всю шерстку кобылки, Эйла обняла Уинни за шею и легла на мягкое сено рядом с ней.

Эйла мгновенно очнулась ото сна. Какое-то время она лежала с открытыми глазами, пытаясь понять, что же произошло. Что-то было явно не так. Откуда-то повеяло холод-

ком, потом послышалось какое-то непонятное сопение. Впрочем, Эйле могло и почудиться – все звуки заглушало шумное дыхание лошади. Может, это сопение доносилось из глубины пещеры? Понять это было трудно, тем более что в пещере стояла непроницаемая темень. Мрак... Вот те раз! Она не видела и тлеющих угольков! Она лежала как-то не так. Стена находилась не с той стороны, холодный поток воздуха... Стоп! Она явно слышала какое-то сопение и покашливание! «Почему я лежу на месте Уинни? Должно быть, я заснула, забыв подбросить дров в костер. Вот он и погас. С тех самых пор, как я попала в эту долину, подобное не случилось со мной ни разу...»

Эйла похолодела от ужаса. У нее не было ни слов, ни жестов, которыми она смогла бы выразить возникшее в глубине души страшное предчувствие. Мышцы ее спины напряглись. Где-то рядом творилось что-то непонятное. И это было как-то связано с потухшим костром. Она нисколько не сомневалась в этом.

Это чувство ей было знакомо. Впервые Эйла испытала его той самой ночью, когда она украдкой последовала за Кребом и прочими мог-урами в маленький грот, находившийся в дальнем конце пещеры. Креб тут же почувствовал ее присутствие. Именно почувствовал. Почувствовал, а не увидел... Необъяснимым образом и она тут же ощутила, что ее обнаружили. Впоследствии подобные вещи случались с ней не раз и не два. Скажем, она ощущала на себе взгляд Бруда – даже когда стояла спиной к нему. Она чувствовала ту лютую ненависть, которая жила в глубинах его сердца. Незадолго до начала землетрясения она уже знала о том, что клану угрожают разруха и гибель.

Но раньше это чувство не было столь сильным. Ею овладели тревога и страх, никак не связанные ни с потухшим костром, ни с опасением за собственную жизнь. Ее тревожила судьба другого существа.

Эйла бесшумно поднялась на ноги и направилась к очагу, надеясь найти хотя бы один тлеющий уголек. Увы, очаг уже остыл. Она почувствовала непреодолимое желание облегчиться и направилась к выходу из пещеры. В лицо ей пахнуло холодом. Она поежилась. Снаружи бушевал холодный ветер. Стараясь держаться возле стенки, Эйла направилась к тому краю выступа, откуда она привыкла выбрасывать мусор.

На небе не было ни звездочки, однако низкий облачный слой, равномерно подсвеченный сиянием луны, позволял ей видеть окрестности. И все-таки сейчас она полагалась главным образом на слух, а не на зрение. Она вновь услышала звериное сопение, увидела метнувшиеся к пещере тени и потянулась к поясу, чтобы достать свою пращу. Увы, той не оказалось на месте. Зная о том, что огонь отгонит от ее пещеры всех непрошенных гостей, Эйла потеряла свою всегдашнюю бдительность и, похоже, могла поплатиться за это. Костер погас, и молодая кобылка тут же привлекла к себе внимание неведомых хищников.

И тут она услышала хриплый лай, похожий разом на кашель и на мерзкий хохот. Он доносился со стороны ее пещеры. Уинни испуганно заржала. Кобылка находилась в пещере, вход в которую был перекрыт гиенами.

Гиены! Их безумный хриплый смех, их грязная пятнистая шкура, покатые спины, хилые задние лапы не могли не вызывать омерзения и раздражения. Ей вновь вспомнился истошный вопль Оги, беспомощно взиравшей на то, как ее сына уносит это гнусное животное... Теперь они пришли за Уинни.

У Эйлы не было пращи, однако это не остановило ее. Уже не впервые в подобных случаях она действовала импульсивно, не думая о собственной безопасности. Она бесстрашно ринулась к пещере, грозно крича и потрясая кулаками:

– А ну-ка пошли прочь! Вон отсюда!

Эти слова были произнесены ею вслух, пусть у них существовали и беззвучные соответствия.

Хищники отпрянули назад. Отчасти из-за уверенности, с которой на них набросилась Эйла, отчасти потому, что из пещеры все еще тянуло дымком. Существовал и еще один немаловажный фактор. Гиены успели привыкнуть к тому, что запах Эйлы сопровождается запущенными в них камнями.

Эйла принялась метаться по пещере, пытаясь отыскать свою пращу. Она решила, что с этого времени отведет для нее особое место.

Найти пращу ей так и не удалось. Пришлось взять камни, использовавшиеся для приготовления пищи, благо их не нужно было искать. Завидев перед входом гиену, она тут же швырнула в нее увесистый голыш. Гиены предприняли еще несколько попыток ворваться в пещеру и вскоре поняли, что лошадка не станет для них легкой добычей.

Эйла вновь нырнула вглубь пещеры, чтобы пополнить запас камней, и заодно прихватила с собой палку, на которой делала зарубки, позволявшие ей вести счет времени. Она провела остаток ночи рядом с Уинни, готовая при необходимости отбиваться от хищников этим нехитрым оружием.

С трудом ей удалось побороть сон. Незадолго до рассвета Эйла немного вздремнула, но, едва солнце показалось из-за горизонта, она выбралась на каменную полку, держа в руках пращу. Гиен рядом с пещерой уже не было. Она вернулась в пещеру, чтобы накинуть на себя теплую шкуру и обуться. Ночью заметно похолодало. Изменилось и направление ветра – теперь он дул с северо-востока и то и дело врвался в ее пещеру.

Она взяла мех и по узкой крутой тропке сбежала вниз. У кромки берега вода подернулась ледком. В воздухе пахло снегом. Эйла разбила тонкий лед и стала набирать воду, изумляясь той стремительности, с которой давешнее тепло сменилось холодом. Она и заметить не успела, когда это произошло. Как ей не хотелось расставаться с теплом... Перемена погоды напомнила ей, что расслабленность и благодушие едва не привели ее к катастрофе.

«Как я могла забыть о костре? Изу бы расстроило мое легкомыслие. Теперь придется заняться добыванием огня. Остается надеяться, что ветер вновь изменит направление на северное и уже не будет задувать в пещеру. Иначе огонь мне не развести. Надо бы как-то прикрыть от ветра очаг... Да... Сухой плавник горит хорошо, да вот только слишком быстро сгорает. Может, стоит срубить несколько деревьев? Загораются они плохо, но зато горят куда дольше. Нужно будет поставить столбы и повесить на них шкуру, чтобы защитить пещеру от ветра. И дровами неплохо бы заняться. Когда выпадет снег, собирать их будет куда труднее. Прежде чем добывать огонь, я возьму каменный топор и пойду рубить деревья. Иначе его все равно задует ветром».

Возвращаясь к пещере, она прихватила с собой несколько сухих коряг. Стоявшая на краю каменной полки Уинни приветствовала ее громким ржанием и нежно ткнула мордой в ее живот. Эйла улыбнулась и поспешила в пещеру, стараясь не обращать на Уинни внимания.

Опустив на землю наполненный студеной водой мех и бросив в угол дрова, она насыпала зерна в корзину, предназначенную для кормления кобылки, и ласково потрепала животное по холке. После этого она доела вчерашнюю крольчатину, запив ее водой. В пещере стало совсем холодно. Подышав на зябнущие руки, она засунула их под мышки и, немного отогрев, достала из-за ложа корзину с орудиями.

Вскоре после прибытия в долину она сделала несколько орудий. Она собиралась изготовить куда больше, но руки никак не доходили до этого. Достав из корзины свой старый топор, она стала рассматривать его на свету. Правильно изготовленный топор затачивался сам собой. Мелкие осколки, отскакивавшие от его режущего края во время работы, делали его только острее. Если же от топора отскакивали крупные куски, можно было с уверенностью сказать, что он изготовлен неверно. Бывало и так, что топор рассыпался на множество мелких кусочков после первого же серьезного удара.

Эйла даже не услышала стука копыт подошедшей к ней кобылки – уж слишком привычным стал для нее этот звук. Молодое животное тем временем принялось тыкаться мордой в ее ладонь.

– Уинни! – воскликнула Эйла, выронив из руки свой замечательный топор. Тот упал на камни и раскололся на несколько частей. – Это был мой единственный топор! Чем же я теперь буду рубить деревья?

«Что со мной? – ужаснулась Эйла. – Стоило наступить холодам, как мой костер тут же потух. Можно подумать, что гиены знали об этом уже с вечера. Ведь они никогда и не пытались проникнуть в пещеру. Теперь еще и топор мой разбит...»

И действительно, тут было о чем задуматься. Разом несколько дурных знаков, да еще каких. Изготовить же новый топор – дело весьма и весьма непростое...

Подобрав с земли осколки топора, она положила их возле остывшего очага, справедливо полагая, что им можно будет найти какое-то иное приложение. Она достала из ниши, находившейся за ее ложем, сверток, сделанный из шкурки гигантского тушканчика, перевязанный короткой веревкой, и направилась к берегу.

Уинни пошла было вслед за ней, однако, почувствовав раздражение молодой женщины, резко отпрянула в сторону и направилась к привольным лугам, лежавшим по ту сторону скалы.

Эйла осторожно и благоговейно развернула шкурку тушканчика. Подобному отношению к камню ее научил Друк, занимавшийся в клане изготовлением каменных орудий. Внутри свертка лежало несколько предметов. Вначале она протянула руку к овальному камню. Он хорошо ложился в руку и имел должную твердость и упругость, что позволяло использовать его в качестве отбойника. Отбойник являлся самым важным инструментом, без которого изготовить какое-либо каменное орудие было попросту невозможно. Первый удар по кремневому голышу производился именно отбойником.

На ее отбойнике виднелось несколько едва заметных царапин, в то время как на инструменте Друка не было, что называется, ни единого живого места. Однако старый мастер не расстался бы с ним ни за что на свете. Высечь простейшее орудие может едва ли не каждый, но настоящие инструменты способен изготовить лишь подлинный мастер, ведающий не только секреты камня, но и то, как можно убажить дух отбойника. Как раз это более всего волновало Эйлу, поскольку в роли мастера по изготовлению орудий она выступала впервые. Она знала о существовании заклинаний, позволяющих избежать беды, когда отбойник трескался на части, задобрить дух камня и даже переселить его в другой камень. Однако сами эти заклинания были ей неведомы.

Отложив отбойник в сторону, она стала разглядывать увесистую кость какого-то жвачного животного, желая убедиться в отсутствии трещин. Закончив осмотр костяного молотка, она взяла в руки правило – клык огромной кошки, выданный из ее нижней челюсти, найденной Эйлой в груди костей и плавника. Так, один за другим, она переложила на землю все камни и кости, хранившиеся в свертке.

Оббиванию кремня она научилась у Друка, и не подозревавшего о том, что она наблюдает со стороны за каждым его движением. Он охотно отвечал на все ее вопросы, но в глубине души считал, что из женщины не может выйти стоящего мастера, и потому относился к ней с иронией. Существовало множество орудий, изготовлением которых могли заниматься исключительно мужчины, но никак не женщины, и потому тратить время на их обучение было по меньшей мере неумно. Орудия, предназначенные для охоты и для изготовления боевого оружия, относились к числу запретных. Впрочем, изготавливались они точно так же и на деле мало чем отличались от прочих. Нож оставался ножом вне зависимости от того, что им строгалось – копье или палка-копалка.

Еще раз обведя взглядом набор своих инструментов, Эйла положила перед собой один из кремневых голышей. Для серьезной оббивки кремня требовалось установить его на прочном

основании. При изготовлении каменного топора Друк обходился без подставки (он использовал это только для самых сложных и ответственных работ). На то он и был мастером... Эйла стала искать взглядом плоский и не слишком твердый камень (иначе кремь мог расколоться). Сам Друк использовал для этой цели кость мамонта. Нечто подобное решила найти и Эйла.

Она принялась рыться в огромной куче коряг, костей и камней. Коль скоро здесь лежали бивни мамонта, здесь же должны были находиться и его кости. Подобрал с земли длинную жердь, она стала использовать ее в качестве рычага, сталкивая в кучи самые тяжелые кости и коряги. Когда она попыталась отодвинуть с ее помощью массивный булыжник, жердь треснула и разломилась надвое. Эйла подняла небольшой бивень молодого мамонта, который оказался куда прочнее жерди. Наконец она отыскала под камнями, лежавшими возле самой стены, подходящую кость. Она поволокла ее к тому месту, где были разложены ее инструменты, и тут ее взгляд упал на желтовато-серый кристалл железного колчедана, поблескивавший на солнце. Он показался ей странно знакомым, но почему – она смогла понять, лишь подобрав его с земли.

«Мой амулет... – пронеслось у нее в голове. Она прикоснулась к кожаному мешочку, висевшему на шее. – Мой Пещерный Лев дал мне такой же камень в знак того, что мой сын не умрет...» Внезапно она поняла, что такими же поблескивающими на солнце камнями усыпан едва ли не весь берег, и поразилась тому, что не замечала их прежде. Это наблюдение помогло рассеять тревогу Эйлы, тучи, сгушавшиеся над ее головой, стали расходиться.

Отбросив камень в сторону, она подтащила кость мамонта к берегу и, усевшись на землю, зажала ее между ногами. Набросив на ноги шкурку тушканчика, она взяла в руку кремневый голыш. Нужно было понять, куда именно она должна нанести первый удар. Для этого следовало прежде всего сконцентрироваться, но ей явно что-то мешало. Решив, что все дело в холодных камнях, на которых она сидела, Эйла побежала в пещеру за соломенной циновкой. Заодно она прихватила с собой палочку, дощечку для добывания огня и трут. «Как будет хорошо, когда мне удастся разжечь костер. Солнце уже вон как высоко, а теплее все равно не стало...»

Она опустила на подстилку, разложила рядом с собой инструменты, необходимые для изготовления орудий, зажала между ногами предплюсну мамонта и вновь набросила на ноги мягкую шкурку тушканчика. После этого она положила на костяное основание грязно-белый голыш и взяла в правую руку отбойник. «Что это со мной? Почему я так разнервничалась? Перед началом работы Друк всегда обращался к своему тотему, моля его о помощи и покровительстве. Может, мне следует сделать то же самое?»

Она зажала в руке мешочек с амулетом, прикрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться и расслабиться, после чего устремила свои мысли и чувства к духу Пещерного Льва. Один старый-престарый шаман сказал Эйле, что ее дух-хранитель является частью ее самой и, стало быть, живет в ней. Она поверила ему.

Попытка обратиться к духу огромного зверя, ставшего ее защитником и покровителем, тут же успокоила Эйлу. Открыв глаза, она вновь взяла в руку отбойник.

Первыми ударами она сбила с голыша известковую корку и принялась рассматривать кремь. Он имел хороший темно-серый цвет, однако зерно оставляло желать лучшего. С другой стороны, в камне отсутствовали включения других пород. Эйла занялась его оббивкой, откладывая в сторонку самые большие осколки, которые могли еще пригодиться. Там, где она была отбойником, они были потолще, с другой стороны – потоньше, у многих из них острые грани имели сколы и зазубрины. Она собиралась использовать эти осколки для разделки шкур или туш и для жатвы трав.

Придав камню желаемую форму, Эйла взяла в руки костяной молоток. Кость, как более эластичный и упругий материал, предназначалась для окончательной доводки, ибо не могла повредить режущие края будущего орудия. Теперь все определялось точностью удара. Отслаивавшиеся при этом тонкие пластинки кремня имели вытянутую форму. В скором времени орудие было уже готово.

Оно походило на сплюснутую грушу с заостренной вершиной и имело длину порядка пяти дюймов. Поперечное его сечение представляло собой подобие вытянутого прямоугольника. Его прямые и острые режущие кромки сходились в вершине, противоположная сторона, или основание, имела округлую форму. Орудие это являлось одновременно и топором, которым рубят ветки или даже целые деревья, и теслом, с помощью которого можно было выделывать чашки и прочую утварь. Им же можно было раскалывать на части бивни мамонта или дробить кости крупных животных. Прочное и острое, оно годилось для самых разных работ.

Эйла почувствовала себя куда лучше. Теперь ей хотелось опробовать более сложный способ обработки камня. Она взяла еще один покрытый известковым налетом голыш и принялась сбивать с него хрупкую корку. Камень имел серьезный изъян – известняк уходил куда-то вглубь и не мог использоваться для изготовления орудия. Мысли Эйлы тут же приняли совершенно иное направление. Вновь нахлынули сомнения. Она положила отбойник на землю и задумалась.

Еще один дурной знак, еще одна беда... Она не хотела верить, не хотела соглашаться с этим. Эйла оценивающе взглянула на кремь, пытаясь понять, можно ли изготовить из него хоть что-нибудь стоящее, и вновь взяла в руку отбойник. Отскочивший от камня осколок требовал доводки. Эйла вновь отложила отбойник и потянулась за правилом, но под руку попался совершенно другой камень, лежавший неподалеку. Эйла и не подозревала о том, что эта случайность окажет влияние на всю ее жизнь.

Далеко не все изобретения вызываются к жизни необходимостью. Порой открытие совершается случайно, секрет состоит лишь в осознании. Все необходимые элементы существовали и прежде, но случай вдруг проявляет их неведомую дотоле взаимосвязь. Случай, или, иначе, определенное стечение обстоятельств, является существеннейшим условием открытий такого рода. Ни один человек не дошел бы до них собственным умом, то есть осознанно, не помоги ему случайность, не поддающаяся рациональному истолкованию. Молодая женщина, сидевшая на берегу реки в затерянной среди бескрайних степей долине, в этом смысле тоже не была исключением.

Вместо правила Эйла подняла с земли кусок железного колчедана примерно таких же размеров. Им-то она и ударила по осколку кремня. Возникшая при этом искра отлетела далеко в сторону и попала на комок сухой фибры, принесенный из пещеры. Над трутом поднялась едва заметная струйка дыма, однако уже в следующее мгновение искорка погасла. Все это происходило на глазах изумленной Эйлы.

Что и говорить, подобное стечение обстоятельств – вещь весьма редкая. Потребные для него элементы были налицо: Эйла всегда отличалась сообразительностью и живостью ума, она ясно представляла себе процесс добывания огня, испытывала в последнем острую потребность и не боялась экспериментировать. И все-таки понять и правильно истолковать увиденное она смогла далеко не сразу. Больше всего ее поразил появившийся над трутом дымок. Через какое-то время она пришла к выводу, что причиной его появления стала упавшая на трут искорка. Но откуда она могла взяться? Эйла перевела взгляд на камень, который она держала в руке, и ахнула.

Это был не ее камень! Она сжимала в руках совсем не правило, а один из блестящих камешков, на которые она обратила внимание только этим утром. Камни, как известно, не горят, в том же, что она держит в руках именно камень, Эйла нисколько не сомневалась. Спрашивается: откуда взялась та искра, которая заставила задымиться трут? Дым и искру она видела собственными глазами.

Эйла подняла с земли комок сухой фибры и тут же нашла на нем знакомое черное пятнышко. Она коснулась его пальцем и увидела оставшийся на коже черный след. Затем она принялась разглядывать кусок железного колчедана. Откуда могла появиться эта искра? Что

ее вызвало? Она ударила этим блестящим камнем по куску кремня – ничего другого она не делала... Эйла неуверенно ударила камнем о камень. Ничего необычного не произошло.

Эйла недоуменно хмыкнула и вновь ударила камнем о камень – на сей раз куда сильнее и резче. Из камня вылетела искра. В тот же миг в голове ее родилась совершенно безумная идея – странная, волнующая, немного страшноватая.

Она осторожно положила оба камня на шкуру, лежавшую на кости мамонта, и принялась собирать материал для разведения костра. Когда все было готово, она поднесла камни к труту и сильно ударила ими друг о друга. Отлетевшая от них искра упала на землю и тут же погасла. Эйла изменила взаимное положение камней и вновь ударила, но на сей раз удар ее оказался слишком слабым. Она повторила его и увидела, как отлетевшая от камней искорка упала прямо на трут. Дымок, поднявшийся от него, вдохновил ее на продолжение этих попыток. В тот момент, когда на трут упала еще одна искра, подул ветерок. Она ярко вспыхнула и тут же погасла.

«Ну конечно! Ее нужно раздувать!» Эйла села поудобнее и вновь ударила камнем о камень. Сильная яркая искра упала в самый центр трута. Эйла осторожно подула на фибру и, увидев, что огонек стал постепенно разгораться, добавила к ней щепочек и стружек. Вскоре над ними уже заплясал огненный язычок.

Как просто! Она не верила собственным глазам. Ей захотелось повторить те же действия вновь. Взяв еще один комок трута и подсыпав к нему стружек и щепок, она разожгла огонь во второй, в третий и в четвертый раз! Ее душой овладело странное возбуждение, соединявшее в себе страх, изумление и радость открытия. Она поднялась на ноги и уставилась на четыре маленьких костерка, горевших у ее ног.

Уинни вышла из-за скалы, привлеченная запахом дыма. Огонь, который прежде так пугал лошадку, теперь вызывал у нее ощущение безопасности.

– Уинни! – воскликнула Эйла, подбежав к кобылке. Ей не терпелось поделиться своим открытием с другими. – Уинни! Посмотри на эти костры! Я добыла огонь при помощи камней! Ты можешь себе это представить? Камней!

В тот же миг солнце вышло из-за облаков, и камни, которыми был усеян берег, засверкали, отражая свет его лучей. Казалось, что сверкал весь берег.

– Я была не права, когда решила, что в этих камнях нет ничего особенного. И как я не поняла этого сразу! Ведь и мой тотем дал мне точно такой же камень! Теперь я знаю, что в них живет огонь. Я его видела. – Она вновь впала в крайнюю задумчивость. – Но почему я? Почему выбор пал на меня? В прошлый раз Пещерный Лев дал его мне в знак того, что Дарк будет жить. О чем он хочет известить меня теперь?

Ей вспомнилось мрачное предчувствие, возникшее у нее ночью, когда она поняла, что огонь в ее очаге погас. Она поежилась, хотя вокруг полыхало четыре костра. Впрочем, уже в следующее мгновение ее охватило радостное, ни с чем не сравнимое чувство, ведомое всем первооткрывателям и первопроходцам.

Глава 8

– Здравствуйте! Здравствуйте! – выкрикивал Джондалар, сбегая вниз к берегу реки.

Страшная тяжесть свалилась с его сердца. Казалось, что не остается ничего иного, как опустить руки и сдаться, но звук человеческого голоса вновь наполнил его надеждой. Он совершенно не думал о том, что незнакомцы могут повести себя враждебно, – уж слишком мучительным было чувство собственной беспомощности, терзавшее его с того момента, как он увидел недвижимое тело Тонолана. Но незнакомцы, похоже, были настроены достаточно дружелюбно.

Окликнувший его мужчина держал в руках веревку, конец которой был привязан к шее диковинной огромной водяной птицы. Только теперь Джондалар понял, что он видит перед собой не живое существо, а что-то вроде лодки. Мужчина бросил ему свободный конец веревки. Джондалар поймал ее и тут же бухнулся в реку. Двое других мужчин, державших в руках другую веревку, прыгнули в воду и побрели к берегу. Вода доходила им до пояса. Один из них заулыбался, увидев выражение лица Джондалара, в котором угадывались надежда, облегчение и смущение. Он забрал у Джондалара мокрую веревку, подтащил лодку поближе к берегу и привязал ее к росшему неподалеку дереву, вторую веревку он обмотал вокруг сучьев большой полузатопленной коряги.

Водную посудину покинул еще один из седоков. Он легко перепрыгнул на корягу, как бы испытывая ее на прочность, и произнес несколько слов на неизвестном Джондалару языке. После этого с борта лодки на корягу был переброшен узкий мостик. Говоривший тут же поспешил по нему назад, чтобы помочь женщине, сопровождавшей некую важную персону, пожалевшую сойти на берег. Судя по всему, помощь была скорее частью ритуала, чем необходимостью.

Соплеменники относились к этому человеку с чрезвычайным почтением. Он отличался важной, едва ли не царственной манерой держаться, при этом в его облике чувствовалось нечто неуловимо странное и двусмысленное. Джондалар удивленно уставился на важного незнакомца. Ветер играл с прядями его длинных белых волос, связанных на затылке, безбородое или гладковыбритое лицо несло на себе отпечаток прожитых лет, однако кожа при этом оставалась по-детски мягкой и нежной. Широкие скулы и выступающий вперед подбородок говорили о сильном характере.

Джондалар обнаружил, что стоит по колено в воде, только тогда, когда таинственный незнакомец, успевший к этому времени выйти на берег, поманил его к себе. Что же с ним было не так? Незнакомец, в карих глазах которого читались сострадание и некий вопрос, неожиданно улыбнулся. Джондалар застыл, лихорадочно пытаясь разрешить загадку этой странной личности неизвестно какого пола.

Для мужчины он был несколько низковат, для женщины – явно слишком высок. Широкие свободные одежды, скрывающие под собой тело, важная поступь... Чем дольше разглядывал его Джондалар, тем больше недоумевал. Где-то он слышал о подобных людях. Тело их в каком-то смысле не имело пола, ибо сочетало в себе признаки обоих полов. Обычно такие люди входили в число Тех, Кто Служит Матери. Они соединяли в себе силу женского и мужского начал и потому считались непревзойденными целителями и знахарями.

Джондалар находился на чужбине, вдали от родного дома, он не знал обычаев здешних обитателей, тем не менее он почти не сомневался в том, что видит перед собой целителя.

Возможно, целитель этот относился к служителям Матери. Тонолан нуждался в целителе, и вот этот целитель явился.

Но что могло привести его сюда? Что заставило их сесть в лодку и поплыть к этому берегу?

Лежавший возле костра Джондалар бросил в огонь еще одно полено. В ночное небо взметнулся целый сноп ярких искр. Натянув шкуру на плечи, он задрал голову и проводил их взглядом. В тот же миг в его поле зрения попала какая-то фигура, заслонившая собой изрядную часть усеянного звездами неба. Он тут же забыл о безбрежных просторах небес и увидел перед собой молодую женщину, протягивавшую ему чашку с горячим чаем.

Усаживаясь, Джондалар прикрыл шкурой оголившееся бедро, с сожалением посмотрев на сушившиеся в сторонке штаны и обувь. Молодая женщина, которая показалась ему до этого угрюмой и диковатой, заулыбалась, и эта лучезарная улыбка превратила ее в редкостную красавицу. Никогда прежде он не видел столь поразительной мгновенной трансформации, его ответная улыбка как нельзя лучше говорила об этом. Она же, с трудом подавив озорной смех, отвернулась в сторону, не желая лишний раз смущать чужеземца.

– У тебя красивая улыбка, – сказал он, благодарно принимая чашку с чаем.

Она покачала головой и произнесла несколько слов на неведомом ему языке.

– В том, что ты меня не понимаешь, нет ничего странного... Знала бы ты, как я рад вашему появлению.

Она смотрела на него во все глаза. Опасаясь, что молодая красавица может покинуть его, Джондалар вновь заговорил:

– Мне очень приятно разговаривать с тобой, даже смотреть на тебя мне приятно... – Джондалар поднес чашку ко рту. – Как хорошо пахнет! Что это? – Он одобрительно кивнул. – Мне кажется, я чувствую запах ромашки...

Она ответила ему кивком головы и, сев на бревнышко, лежавшее возле костра, стала говорить что-то свое. Естественно, Джондалар не понимал ни слова, но звук ее голоса ласкал его слух, и она, разумеется, не могла не замечать этого.

– Не знаю даже, как вас и благодарить. Страшно подумать, что могло бы с нами приключиться, если бы не вы. – Он выразительно наморщил лоб, на что она тут же ответила понимающей улыбкой. – Как бы мне тебя об этом спросить... Как ваш зеландонии, или как там вы его называете, узнал о том, что мы находимся здесь и нуждаемся в помощи?

Женщина произнесла несколько слов и указала на стоявшую неподалеку палатку. Джондалар вздохнул и отрицательно покачал головой. Похоже, собеседница что-то поняла, чего он, увы, не мог сказать о себе.

– Впрочем, это не так уж и важно... – сказал он. – Надеюсь, ваш целитель позволит мне остаться возле Тонолана. Я не сомневаюсь в его способностях, но... Но мне хотелось бы находиться возле брата...

Джондалар посмотрел на нее так выразительно, что она положила ладонь ему на руку, явно желая его успокоить. Он попытался улыбнуться, но это у него плохо получилось. В этот момент палатка распахнулась и из нее вышла женщина постарше.

– Джетамио! – позвала она собеседницу Джондалара.

Молодая женщина поспешно поднялась на ноги и хотела было уйти, но Джондалар схватил ее за руку.

– Джетамио? – спросил он, указав на нее. В ответ женщина утвердительно кивнула. Ударив себя кулаком в грудь, он произнес: – Джондалар.

– Джон-да-лар... – произнесла она по слогам, после чего повернулась лицом к палатке и указала сначала на себя, потом на Джондалара и наконец на нее.

– Тонолан, – сказал Джондалар. – Моего брата зовут Тонолан.

– Тонолан... – пробормотала она и, слегка прихрамывая, поспешила к палатке, раз за разом повторяя это имя.

Штаны были все еще сыроватыми, но он без малейших раздумий натянул их на себя и, как был босиком, понесся к ближайшей рощице, дабы справить нужду. Смена одежды осталась

в большой палатке, в которой целитель лечил Тонолана. Конечно, он мог бы отправиться к рощице и без штанов, однако вчерашняя улыбка Джетамио заставила его позаботиться о пристойном внешнем виде. Помимо прочего, он боялся ненароком нарушить какой-либо обычай этих людей, решивших прийти к нему на помощь.

Вначале Джондалар хотел отправиться к роще, замотавшись в шкуру, служившую ему одеялом. Но не успел он сделать и двух шагов, как из-за палатки послышался звонкий смех Джетамио. Тогда-то он и решил натянуть на себя мокрые холодные штаны.

– Тамио, не надо над ним смеяться. Это нехорошо, – строго заметила та из женщин, которая была постарше, и тут же фыркнула, не сумев сдержать собственного смеха.

– Рош, я ведь и не думала над ним издеваться, верно? Ты только посмотри на него. Он хотел пойти, завернувшись в свою шкуру! – Джетамио вновь захихикала, но на сей раз куда тише. – Почему он не мог пойти туда без всего?

– Как ты сама этого не понимаешь, Джетамио... Они могут придерживаться совершенно других обычаев. Такое ощущение, что они пришли издалека. Я и одежды такой никогда не видывала, и язык их совершенно другой. Ни одного знакомого слова, верно? И произносят-то они их как-то странно...

– Скорее всего, ты права. Он явно не хотел, чтобы его увидели голым. Ты бы видала, как он покраснел, когда я подошла к нему прошлым вечером. С другой стороны, он был очень рад нашему появлению, правда?

– Разве его можно в чем-то обвинять?

– Рошарио, а как чувствует себя тот, второй? – неожиданно посерьезнев, спросила молодая женщина. – Шамуд что-нибудь говорил о его состоянии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.